ПИОНЕР 3 1988

ISSN 0130—8009

Весной, как известно, происходит много удивительных вещей: тает снег, распускаются цветы и листья на деревьях, в школе начинаются каникулы, а поэты почему-то именно в эту пору пишут самые удачные свои стихи.

У нас, в Москве, весна только набирает силу, а в Средней Азии сияет вовсю. Капитан «Кораблика» пригласил в гости киргизских ребят, и они загрузили трюм своими новыми весенними стихами. Не удивляйся, если некоторые стихотворения покажутся тебе не похожими на те, которые ты привык читать, что в каждой строфе три строчки рифмуются, а одна остается незарифмованной. Не думай, что это от неумения. Вовсе нет! Ребята пользуются старинной восточной формой стиха, она называется «рубаи» и пришла к нам из глубины веков. Так на Востоке написано множество стихов и народных песен, так пишут и сейчас.

Стихотворение семиклассника Алмазбека ГОЛБАЕВА

Родина

Твоя вода свежа, чиста,
О Родина — Апшир-ата! —
И воздух синь, и вырос я
В твоих объятьях, красота.

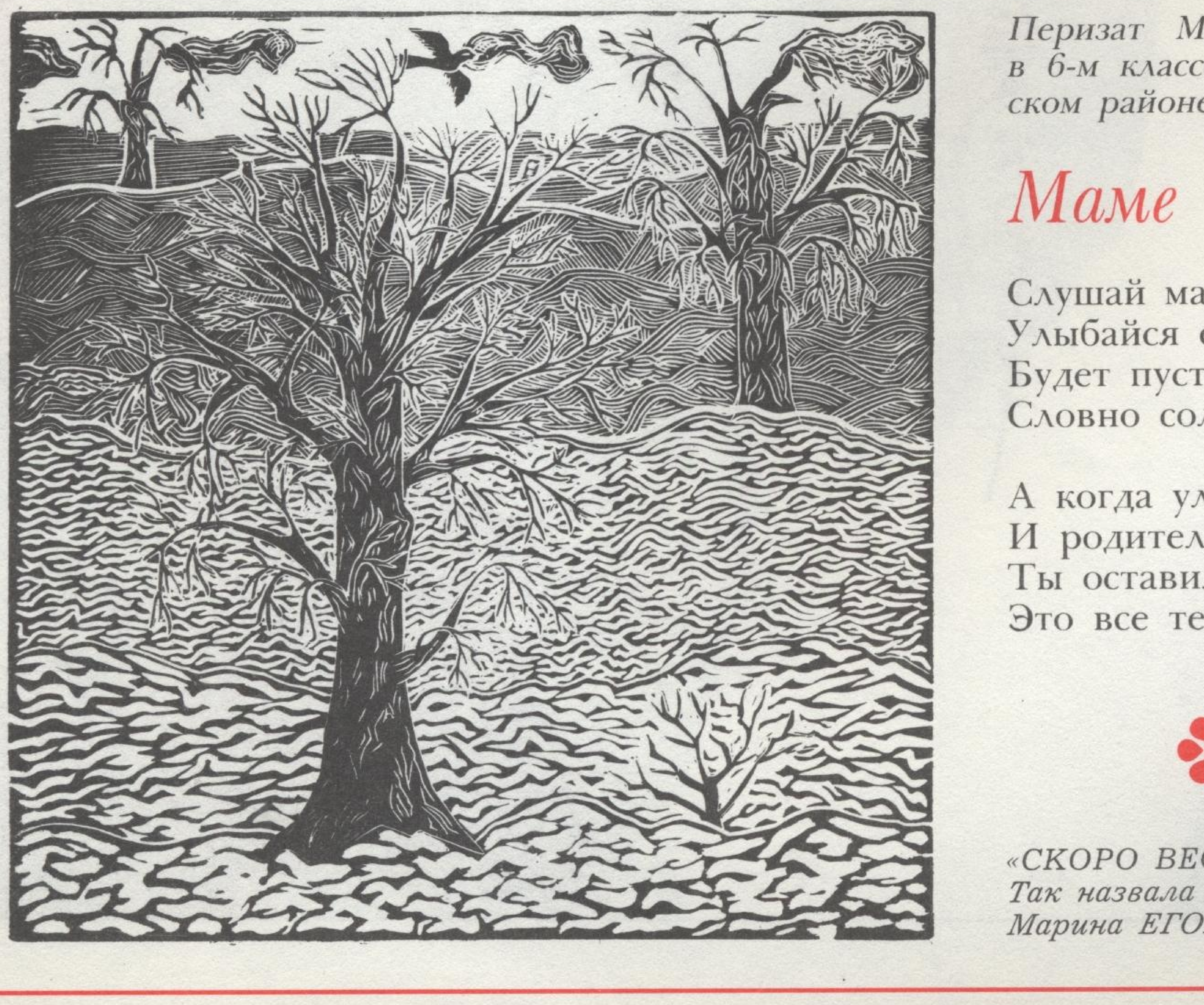
И день, и ночь в твоих садах
Я слышу звонкий голос птах,
Звучит твоя симфония!
И утопаешь ты в цветах.

И без конца, и без следа
Бежит по камушкам вода.
Люблю тебя всем сердцем я,
О Родина, Апшир-ата!

Диляра КУЛСАРИЕВА — семиклассница из Ленинпольской средней школы.

Весна пришла

Птичек слышен голос нежный,
А в горах расцвел подснежник.
Время полевых работ,
И со лба струится пот.
Несмышленыш-жеребенок
По лугу кружит спросонок,
Привязал его отец.
Он пасет ягнят, овец,
Горделивых лошадей.
От весны мы ждем дождей
Для веселья, для цветенья,
Для всей жизни обновленья.



Перизат МОЛДАЛИЕВА учится в 6-м классе, живет в Токтогульском районе.

Маме

Слушай мать без лишних слов,
Улыбайся ей светло,
Будет пусть твоя улыбка —
Словно солнышко взошло.

А когда улыбки нет
И родителей совет
Ты оставил без вниманья,
Это все тебе во вред.

«СКОРО ВЕСНА».
Так назвала свою картину Марина ЕГОРОВА из Москвы.

«ТАНЕЦ».
Рисунок
Кетеван МИКЕЛАДЗЕ.
12 лет.

Айнура ПИРИМБЕРДИЕВА живет в Узгенском районе, учится в 7-м классе.

Светлые звезды

Ночь настала, и пролился свет луны,
Только звезды светлые видны.
Солнышко зашло, лучи погасли.
Слышу я напевы тишины.

Засверкают искры звездопада,
Я любуюсь, звездочкам я рада.
Я у них подслушиваю песни,
Сочинять их вся моя отрада.

Гульмира АБДЫЛДАЕВА — ученица 5-го класса, живет в Кочкорском районе.

Яблоня

Беленькая яблоня!
Рада я цветам твоим.
Ты стоишь, сад заслоня
Белым облаком густым.

Венера АЛДЫРАИМОВА живет в городе Ош, она шестиклассница.

Бабочка

Эй, бабочка, бабочка!
Ты спустилась с облачка.
Сядь ко мне на руку ты,
Будем собирать цветы.
Отнесу тебя к цветам,
Будешь ты резвиться там.

Перевела с киргизского
Лена ГУЛЫГА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва, 1988 г. • Издательство «Правда»

Тимур ГАЙДАР

ГОЛИКОВ АРКАДИЙ ИЗ АРЗАМАСА

(ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Журнальный вариант

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Трофейная самоходная баржа отвалила от пристани Киева осенним вечером. Предвидя холодную ночь, пассажиры заняли место в трюме. Некоторые разместились на палубе. Постепенно разговоры стихли. Лишь тарахтел дизель и шлепала по черному железному борту волна. Переступая через поклажу и спящих, я бродил от кормы к носу и обратно.

— Эй, морячок! Старшина! — окликнули с мостика.— Давай сюда.

В рубке было тепло и накурено.

— В отпуск? — спросил капитан.

— Хоронить отца.

— В Черкассы?

— Нет, в Канев.

— К утру дотопаем. Опаздываешь?

Может, он прибавил обороты, или стоянки оказались короче, но каменные быки взорванного моста проглянули еще до рассвета.

«Прямой и узкий, как лезвие штыка...» — писал о нем Аркадий Гайдар.

Теперь, лишенные железной сбруи рельсов и ферм, опоры моста брели через Днепр нестройно, как стадо. Когда баржа пересекла их створ, я попытался прикинуть, где в августе — сентябре сорок первого года окопался батальон пехоты, где стояла зенитная батарея.

«Луга — пехота — молчат и напряженно наблюдают за боем.

Но гора — зенитчики — в гневе, гора защищает мост всей мощью и силой огневого шквала...»

Попрощавшись с капитаном, я пошел к той горе, к розоватым на рассвете мазанкам Канева.

Стоял сентябрь сорок седьмого года, и я не сказал капитану, что опоздал почти на шесть лет.

* * *

...Мне кажется, что отец появился в моей жизни разом, запомнился ясно и отчетливо, от папахи до сапог, и остался в ней таким навсегда.

Высокий, сильный, добрый, улыбчивый, справедливый, смелый.

Помню — это было в Москве, наверное, в тридцать первом году,— мы едем на извозчике. Цокают копыта, покачивается коляска... И вдруг она резко кренится, и в следующее мгновение я уже у отца в руках, он выпрыгнул, падает на спину и все же держит меня над головой... И разлетаются, подпрыгивая на булыжниках, красные спицы рассыпавшегося колеса.

Про Аркадия Гайдара написаны книги. Много. Хорошие и мне самому что-то объяснили, рассказали, помогли на что-то взглянуть по-новому. Другие рождали желание оградить образ отца от упрощения, лакировки, от неловких домыслов, даже если авторы руководствовались самыми добрыми намерениями.

Пишу не биографию Аркадия Гайдара. И, уж конечно, не исследование его творчества. Просто хочу рассказать, каким я его видел, когда был мальчишкой, и как понимаю теперь, прожив немалую жизнь.

* * *

От сахарного завода, где жили Голиковы, до Льгова восемь километров. Сначала по деревянному мосту через Сейм, потом проселком мимо «башни Шамиля» к дальнему холму, на котором сверкают церковные купола древнего Льгова, когда-то — Ольгова.

Вокруг города поля, засеянные коноплей, рожью и отороченные темно-зеленой кромкой богатых лесов князя Ивана Васильевича Барятинского. Под его командованием русские войска взяли штурмом последний оплот Шамиля, аул Гуниб, и завершили долгую Кавказскую войну.

Не пленником, а уважаемым гостем привез князь в свое имение знаменитого имама. Отправляясь с ним в Петербург, приказал построить в память о том событии каменную башню. Наверное, она стоит и поныне. Во всяком случае, в пятьдесят седьмом году еще стояла...

Однажды Аркадий Гайдар и поэт Николай Асеев в Клубе писателей заспорили о ведущем из башни тайном подземном ходе. Как и Гайдар, Асеев родился во Льгове, но прожил там дольше, уехал из города уже юношей и потому к суждениям Гайдара по данному предмету отнесся скептически:

— Ну что ты можешь помнить, Аркадий? Тебе сколько было?

— Мои года к подземному ходу прямого отношения не имеют. Тем более, что ход наверняка

изогнутый,— с достоинством парировал Гайдар.— Ты же сам должен понимать, что в магнитном поле курской аномалии стрелка компаса отклонялась. Мастер, который руководил работами, знать об этом не мог!

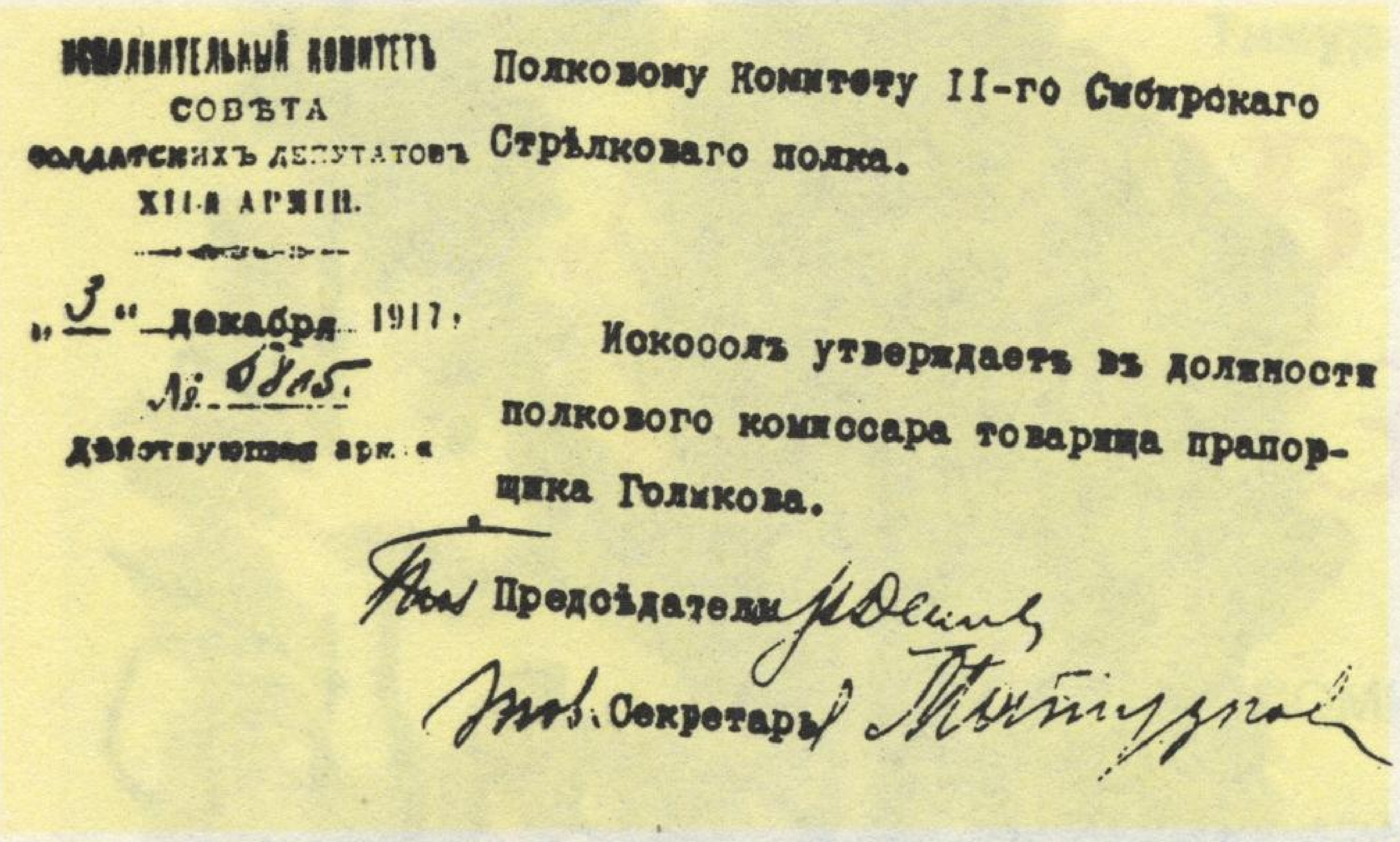
— Говорят, что рыли пленные чеченцы, и Барятинский, чтоб не раскрылась тайна, отправил их на Мадагаскар,— сказал Асеев.

— Ничего подобного. Они поплыли в Французскую Гвинею. Ведь Барятинский был послом в Париже.

Разговор с каждым моментом становился все более и более захватывающим. Асеев придвинул к себе бумажную салфетку и начертил на ней план. Мороженое на блюдечке таяло. Я слушал с жадным интересом.

— Что же касается оружия и сокровищ...

Первым, взглянув на мои горящие глаза и полуоткрытый рот, рассмеялся Асеев. И я понял, что все это шутка, розыгрыш. Понял и обиделся.



Исполнительный комитетъ
Совѣта
солдатскихъ депутатовъ
XII-й армiи.

„3“ декабря 1917 г.
№ 6815.
Дѣйствующая армiя

Полковому Комитету II-го Сибирскаго Стрѣлковаго полка.

Искосоолъ утверждаетъ въ должности полкового комиссара товарища прапорщика Голикова.

Тов. Предсѣдатель
Тов. Секретарь

Документ об утверждении Петра Исидоровича в должности полкового комиссара.

Попрощавшись с Николаем Николаевичем, мы с отцом вышли из Клуба. Уже у Кудринской площади, когда обида немножко улеглась, а любопытство по-прежнему не давало покоя, спросил:

— Про Барятинского и Шамиля тоже все неправда?

— Святая правда,— сказал отец. — Князь и имам — враги и друзья. Оба отчаянные храбрецы. Знаешь, Барятинский еще молодым офицером в атаке был ранен в плечо. Перехватил саблю в другую руку, встревожил шпорами коня: «Вперед, орлы!»

...Снились, долго снились мне отвесные скалы аула Гуниб, каменный загон для скота, из-за которого отстреливались горцы, обходная тропа на круче, «башня Шамиля» во Льгове... Видел я во сне и груду оружия. Оно поблескивало при свете факела красными искрами, как угасающий костер...

В семье Льгов вспоминали счастливой порой. Росла семья. В девятьсот пятом году у Аркадия появилась сестра Наташа, через три года — Ольга. Жили небогато, но, как говорится, в любви и дружбе. Много работали, много читали. Книг в доме всегда было в достатке. Поднимался яблоневый сад, саженцы для которого любовно отобрал Аристарх Богомолов. Подрастали дети. Под деревьями стояли ульи с пчелами. Вечерами, уложив малышей, Наталья Аркадьевна помогала мужу изучать французский язык. Она владела им свободно. Иногда, вспомнив отцовское ремесло, Петр Исидорович становился за верстак.

«Когда позднее мы с братом старались восстановить в памяти что-нибудь из льговской жизни,— писала Наталья Петровна,— то ясно помнили этот верстак, домики с пчелами и еще отчетливо помнили небольшие, двигавшиеся под потолком огромного здания вагончики, и как каждый вагончик, дойдя до определенного места, опрокидывался, а внизу в этом месте росла огромная куча жома — выжатой сахарной свеклы».

Осенью 1908 года Голиковы внезапно покидают Льгов. Навсегда. Оставлено обжитое уютное гнездо. Едва успели попрощаться с друзьями.

Два месяца спустя в деревню Карасевку и во Льгов приходят письма. Откуда-то с Волги из поселка Вариха при нефтеперегонном заводе Саркисова. В конверты вложены фотографии. «На добрую память Аристарху Ивановичу Богомолову и его семье от П. Голикова». Такая же карточка льговскому учителю: «Своему другу Ф. С. Симонову от сбежавшего соратника П. Голикова». Рукой Натальи Аркадьевны приписано: «Не забывайте меня».

На снимке Петр Исидорович сидит на стуле, он в белой косоворотке, в пиджаке. Наталью Аркадьевну фотограф поставил рядом, видимо, чтобы меньше была заметна разница в росте — мужу она по плечо.

Но почему «от сбежавшего»? Что случилось?

Как известно, после Декабрьского вооруженного восстания в Москве первая русская революция пошла на убыль. Усилились репрессии в охваченной крестьянскими волнениями. Курской губернии. Арестован Курский комитет РСДРП. В Льгове тоже аресты. Казачья сотня разместилась в имении князя Барятинского.

Вспоминает Е. И. Тихонова, член РСДРП с 1904 года:

«Июль и август пролетели в скитаниях по селам. Пришло осеннее ненастье, и я в полной мере поняла, отчего «волчий билет» считают пострашнее ссылки. Месяцами не могла видеться с товарищами, опасаясь провалить их. Часто не знала, где заночевать...

На помощь пришли Голиковы. Провела я в их доме больше недели. В иные дни приходилось часами отсиживаться в чулане-столярне... Провожая меня в дорогу, Наталья Аркадьевна вручила мне свое темно-синее шерстяное платье, плюшевый жакет, теплый серый капор. Мальчуган молча наблюдал эту сцену и вдруг серьезно так заявил: «Вот вырасту, куплю тебе, тетя Дуся...»

В вечерних сумерках Петр Исидорович проводил меня до станции...»

Почти сразу уехали из Льгова и Голиковы. Может, кто-то подал им тревожный сигнал.

* * *

В январе 1909 года Голиковы перебрались в Нижний Новгород. Петр Исидорович стал старшим контролером акцизного управления. И даже получил чин, правда, самый низший в служебной иерархии Российской империи — коллежского регистратора. Родилась младшая дочка — Катя.

Гуляли с отцом по Откосу. На Волге буксиры, тяжелые баржи, белые нарядные пароходики, которые почему-то назывались «финляндчики». Внизу, под кручей,— портовая суета. Бегут по сходням грузчики, прогибаются под ногами доски. Арбузы кидают из рук в руки. Полосатые ядра мелькают в воздухе. Вырастают на берегу зеленые пирамиды.

Рядом с домом на Варварке пересыльная тюрьма. Из окон видно, как бредут серые колонны арестантов. Поблескивают штыки.

— Папа, это плохие, злые люди? — спрашивает Аркадий.

— Они люди. Есть плохие, есть хорошие, как всюду.

Шел 1912 год. Аркадию девятый год, он выдумщик, фантазер, заводила. Благо под рукой сестренки, есть кем командовать. Сдвинуты, связаны между собой стулья. Пассажиры — Наташа, Ольга, маленькую Катю, к сожалению, еще не усадишь — заняли места. Рявкнул паровоз, застучали колеса, «дорога железная, длинная, длинная...»

Куда мчит поезд? Ведомо об этом до времени лишь Аркадию. Он может доставить сестренок в долину Нила, в джунгли Амазонки или в прерии дикого Запада... Случалось остановиться в сердце

пустыни Сахары. Вести себя нужно соответственно.

«Аркадий усаживал нас на пол, накрывал с головой платком на случай пыльной бури — самума, а сам уходил разыскивать оазис, чтобы добыть нам воду».

Вижу, как шагает по пескам, взбирается на барханы девятилетний Аркадий Голиков. И сам спешу за ним. Вслед. Мне хочется разделить его детские радости и печали, понять, «как оно все начиналось, продолжалось»...

С каждым шагом и с каждым годом его след все ясней и отчетливей.

...Наталья Аркадьевна успешно выдержала экзамены при Казанском университете, получила свидетельство «повивальной бабки первого разряда». Свободная вакансия оказалась в больнице Арзамаса. Петр Исидорович подал прошение. Начальство согласилось на его перевод.

* * *

Мне кажется, что спокойную, неспешную фразу, которой начинается повесть Аркадия Гайдара «Школа», я знал всегда, по крайней мере с тех пор, как себя помню.

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженный ветхими заборами...»

Он и сейчас не слишком-то изменился. Переименованы улицы, Стрелецкая стала Первомайской, Новоплотинная — Горького, Сальникова, где по вечерам гуляли горожане, называется теперь Карла Маркса... Но по-прежнему стоят вдоль улиц бревенчатые, пепельно-серые домики с резными наличниками, между ними втиснулись каменные двухэтажные, купеческие, в которых жилье было наверху, а в первом этаже — лабаз или лавка. Встречаются дворянские особняки, чаще тоже деревянные, но с колоннами.

В некоторых из них размещены теперь городские и районные учреждения. Трехэтажное здание бывшего Арзамасского реального училища, в котором учился Аркадий Голиков, занимают горком и горисполком.

Новостройки не тронули центра. Они поднялись на окраинах.

Последний раз мне довелось побывать в Арзамасе в трескучие крещенские морозы. Белый дым уходил столбами в малиновое небо. Иней обметал деревья. Казалось, город закутался в кружева, в те самые, когда-то знаменитые тончайшие кружева, которые плели монахини здешнего Алексеевского монастыря.

Сначала Голиковы сняли несколько комнат в доме Телешовых на Большой улице рядом с особняком купца Вязового. Но там оказалось холодно, да и дороговато. Кроме того, Наталья Аркадьевна предпочитала, чтобы квартира, пусть и поменьше, зато была отдельная. Такую нашли — домик в три окна на углу Новой и Новоплотинной улиц. Принадлежал он учителям Бабакиным, которые жили в том же дворе. У них дом большой, двухэтажный, низ каменный, верх деревянный. А еще — два сарая, хлев, ледники, огород, сад...

Во дворе — ребячий гомон. У Бабакиных семеро детей, у Голиковых — четверо. Постоянно крутятся здесь и друзья Аркадия.

Два раза в день доят коров. Ведра с молоком ставят под навес. Там глубокая яма, набитая льдом и засыпанная сверху соломой. Белье несут полоскать в Сорокинский пруд. Это рядом, через дыру в заборе вниз по тропинке мимо дома доктора Гольдина. У ребят игры: лапта, прятки, казаки-разбойники... С лаем носится за ними пес Аркадия по кличке Каштан. Поначалу он именовался Каштанкой. Взлетает на забор перепуганный кот, которого Аркадий не переименовал, так и оставшийся Милитрисой Кирибитьевной...

По вечерам во дворе дымят самовары. Взрослые иногда поют. Потом все стихает. Но ночью частенько к дому подъезжают повозки. Кто-то стучит в окно. Захватив саквояж, Наталья Аркадьевна отправляется по своим акушерским делам.

* * *

После разговора с Александрой Ивановной Бабакиной я остался в бывшем доме Голиковых один. Когда ушли посетители, нет экскурсоводов, все выглядит иначе. Будто унесли они с собой сегодняшний день, а в дом вернулись прежние времена.

Деревянный крашеный пол с потертыми половичками, беленная известью печь, за маленькой кухней — комната Аркадия. Над койкой карта «Пограничные области России, Австрии и Германии». Рядом полочка с книгами. Гоголь, Пушкин, Салтыков-Щедрин, Шиллер...

В гостиной возле двери в спальню родителей стоит фисгармония. Ее желтые клавиши и медные рычажки отражаются в зеркале. Смотрит со стены оправленная в раму репродукция портрета Льва Толстого. Портрет прекрасный, репинский. Внимательный и строгий взгляд из-под кустистых бровей, тяжелые ладони засунуты под шнурок, которым подпоясана просторная рубаха.

Зеркало Натальи Аркадьевны висит между окнами. За десятилетия оно потускнело, словно прикрыто темной вуалью. Всматриваешься, и начинает казаться, что в его глубине, за толстым стеклом, за вуалью движутся какие-то неясные тени. Чем дольше смотришь, тем они ясней, отчетливей...

Грузный человек в трусах стоит на берегу, что-то кричит, смеется... Ну да, конечно! Это тридцатый год, подмосковный поселок Кунцево, его пруд, огромный, как море. Человек на берегу — Эдуард Багрицкий. Мы его не слушаем, мы увлечены, мы втроем — отец, я и сын Багрицкого — Всеволод — ловим тритонов и запускаем их в стеклянную банку...

Любовь ко всякой «нечисти» Аркадий Гайдар пронес через всю жизнь. Летом тридцать девятого идем по арбатской улице. «Давай заглянем,— говорит он, открывая дверь зоомагазина.— Может, что и приглянется!»

О дальнейшем узнал после войны от детской поэтессы Агнии Львовны Барто.

«Однажды встречаю Аркадия. Идет по коридору «Детиздата», серьезный, озабоченный. «Здравствуй!», «Здравствуй!». Вынул из кармана руку, а в кулаке — змея! Я оцепенела. А он: «Ужик это, товарищ Барто. Обычный и симпатичный. Тебе, так и быть, скажу. А вот главному бухгалтеру — в зависимости от ее поведения». Он шел в бухгалтерию, чтобы получить гонорар в невыплатной день».

Но это было куда позже. А сейчас перед моими глазами снова Кунцево. Спряталось солнце. Мы шагаем с отцом по лесной тропе. У него в зубах трубка. Ремень полевой сумки переброшен через плечо.

Оружие при мне: деревянный кинжал в жестяных ножнах. Я одет в черкеску. На груди газыри.

Отец спрятал трубку, откашлялся, запел печально:

Ни дорог, ни путей —
Заблудилися мы...

Песня мне не нравится. Невольно прижимаюсь к его ноге, беру за руку.

— Ты что, Тимур, испугался?

Знаю — сказать «испугался» нельзя. Конец уважению, а значит, и дружбе.

— Нет, папка, не испугался.

Однако неправду тоже нельзя. Тоже конец дружбе. Со вздохом добавляю:

— Ну разве совсем капельку.

— Вот и хорошо, что не испугался! Вот и славно!

Он великодушно не замечает последних слов, произнесенных шепотом.

— Понимаешь, такое дело, спички обронил. Ты подожди здесь, пожалуйста.

Его нет долго. Слишком долго. Стою, зажав рукоятку кинжала. Какие-то шорохи. Хруст сучьев. И вроде не в той стороне, где он скрылся... Вот-вот брызнут слезы страха и обиды.

— Извини, Тимур. Не сразу нашел. Темновато.

— Ничего, папка.

— Давай возьму тебя на руки. Как бы нам от мамки не попало.

Легко вскидывает меня на плечо. Шагает быстро. Слышу, как он что-то про себя бормочет и довольный чем-то похмыкивает. Вот, наконец, и дом. Тепло, светло, полная безопасность...

Сначала, конечно, нас отругали. Но за ужином ласково светятся мамины карие глаза. Отец читает стихи, которые сочинил по дороге:

Время близко к ночи. Мрачен темный лес.
Я и мой сыночек — маленький черкес.
Месяц непотушенный на небе глядит,
Злюшина-лягушина у ручья сидит,
Злишина-совишина хлопает крылом,
Зледина-медведина дышит тяжело...

Читает негромко, не пугая, докладывает обстановку, и снова недавние страхи подступают к застекленной веранде. Но вот потеплел голос, окрасился улыбкой, немножечко насмешливой и все же не обидной:

Только нам не страшно. Мы с Тимуром двое.
Оба мы — Гайдары, оба мы — герои.
Он рукою смелой вытащит кинжал,
Злюшины-зверюшины мигом задрожат...

Маме стихи тоже нравятся. Но взгляд ее становится чуть настороженным, вопросительным. Может, не случайно опоздание к ужину?

Ничего она от нас не узнает. Не женское это дело...

Потом — другое. Зеленая, прогретая солнцем поляна в сосновом лесу на склоне холма. Запах смолы смешался с запахом земляники. Брожу босиком, собирая в пригоршню красные ягодки. Отец прилег, задумался.

Мой отчаянный вопль заставляет его вскочить на ноги. Подбежал ко мне, поглядел в траву и... Смеется!

Тогда он меня и научил с первого взгляда отличать ужа от гадюки.

Это было в тридцать четвертом. Мы жили в селе Ивня. В окна заглядывали серебристые ели.

Вот они покачиваются за стеклами... темнеют... растворяются в серебре... И снова в старом зеркале арзамасского дома Голиковых поблескивают желтые клавиши и медные пуговки фисгармонии.

* * *

К Петру Исидоровичу в 11-й сибирский полк идут письма. В них много сыновней нежности, любви.

«Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать, далеко-далеко, чтобы поезд уносил меня подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал...»

Милое детское письмо. Такое мог бы написать любимому отцу любой грамотный и душевный мальчик. А вот следующее, отправленное Аркадием не позднее, чем три месяца спустя.

«Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию, и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, солдат, отношение к большевикам, к Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы.

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как они вообще смотрят на текущие события? Неужели «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций»?

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке».

Аркадию по-прежнему 13 лет. Что же случилось с ним за минувшие 3 месяца? Откуда такая не по возрасту серьезность и зрелость? И как объяснить, почему вдруг его жизнь набрала такой небывалый темп?

Ему тринадцать. Но он рослый, сильный, широкоплечий. Не по возрасту начитан. На вопрос анкеты «Твое любимое занятие?» ответил коротко и исчерпывающе: «Книга». В списке любимых писателей на первом месте поставил своего кумира — Гоголь. Далее идут Пушкин, Лермонтов, Толстой, Гончаров, Достоевский, Короленко, Шекспир, Марк Твен... В школьном дневнике упомянуты труды Чарльза Дарвина, «История цивилизации в Англии» Бокля. Преподаватель математики реального училища Михаил Нестерович Онищенко вспоминает:

«...Пришел с просьбой рекомендовать ему книгу по истории математики древнего и современного периода, что я и выполнил тут же, передав ему элементарную историю математики».

При всем этом Аркадий, как я уже говорил, вовсе не тихий «книжный» мальчик. Решителен. Полон жажды деятельности. Привык к большей, чем многие из его сверстников, самостоятельности. Выступает у них вожаком.

В сентябре 1917 года на первых выборах классного комитета получил наибольшее — двадцать из тридцати четырех — число голосов.

«Нас теперь не оставляют «без обеда»,— с гордостью сообщает Аркадий отцу.— Постараемся провести в этом году, чтобы один представитель нашего четвертого класса присутствовал на родительском совете, хотя бы с правом совещательного голоса... Ведь о учениках же решают, как же ученикам не знать того, что о них решают?»

Сетует:

«У нас в училище все учителя — кадеты, ну и столкуйся с ними!»

С должной солидностью добавляет:

«Пишу тебе об этом, надеясь, что тебе интересно знать, каковы наши первые организации».

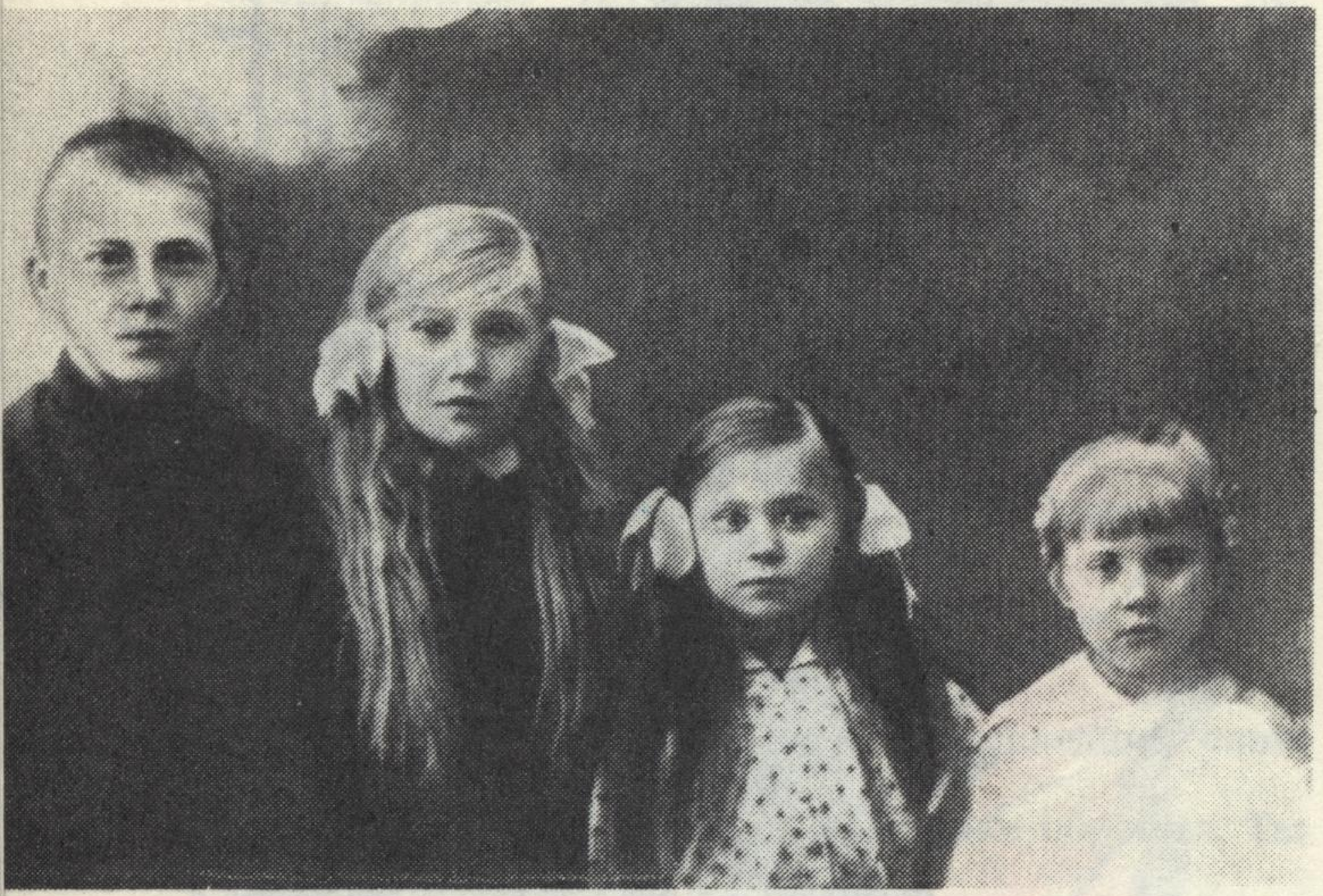
И вот, наконец, вырывается на страницу письма заветное: «Ведь у вас полковые комитеты не диво: там все взрослые, между тем как у нас все еще только ученики четвертого класса».

В другом письме:

«Я бы с удовольствием уехал отсюда».

Аркадию уже тесно там, где «только ученики четвертого класса». Он рвется в большой, бурлящий мир. Он внутренне готов к этому. И время идет ему навстречу.

Так они и встретились, веселое, грозовое, с озоном в воздухе и тучами на небосводе время революции и широкоплечий голубоглазый 14-летний мальчишка, готовый кинуться без оглядки в водоворот надвигавшихся событий.



Аркадий с сестрами — Наташей, Олей и Катей. Арзамас. 1914 год.

* * *

Когда летом 1917 года тринадцатилетний реалист Аркадий Голиков впервые переступил порог дома, где размещался клуб и комитет арзамасских большевиков, он увидел знакомые лица. Николай Березин, Павел Коляда, Евгений Гоппиус нынешней весной закончили училище, они старше Аркадия на четыре года, реалист Петя Цибышев — тот уж просто приятель. Аркадий в четвертом классе, Петр — в шестом...

Не исключено, что, если бы революция застала Аркадия Голикова в каком-нибудь другом городе, большом, где много рабочих, крепкая, с давними традициями, партийная организация, жизнь его могла сложиться как-то иначе. Но здесь каждый грамотный, толковый, энергичный паренек нужен, полезен, на виду.

Работы много. На двух вокзалах, через которые идут военные эшелоны, в госпитале среди раненых, в бараках под Арзамасом, где размещены пленные австрийцы,— повсюду есть дело. Да еще волнуются, бурлят, требуют прислать ораторов окрестные села.

Аркадий выполняет поручения.

«Стал у нас вроде связного и разведчика,— вспоминает Надежда Ивановна Николаева, член комитета партии,— ходил по городу, узнавал, где какой митинг. Потом вызвался патрулировать улицы».

Начались месяцы стремительного взросления Аркадия Голикова.

В августе 1918 года Аркадий Голиков подает заявление:

«В комитет партии коммунистов. Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП. Ручаются за меня...»

Рекомендации он получил от рабочего, молотобойца Сормовского завода, члена партии с 1904 года Федора Алексеевича Вавилова, направленного из Нижнего Новгорода в Арзамас на укрепление укома, и от Марии Валериановны Гоппиус.

29 августа уком постановляет:

«Принять А. Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания».

Через два дня Федор Вавилов избран председателем уездного комитета партии, Николай Березин — секретарем. Аркадий Голиков начинает работать делопроизводителем укома.

Советская республика в кольце фронтов. Войска Антанты высадились в Мурманске, Владивостоке, немцы оккупировали Крым, заняли Новороссийск, на Дону белоказаки генерала Краснова, на Кубани — деникинцы. Подняли мятеж белочехи. Их эшелоны тянутся от Сибири к Пензе, к Казани...

На какое-то время Арзамас становится одним из важнейших военных центров революции. Аркадий Голиков отмечает в дневнике:

«К нам приехал штаб Восточного фронта. Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй, скоро — к стрельбе. Днем по городу носятся автомобили, изредка пролетают аэропланы, ночью прожектор внимательно осматривает небо. Жизнь Совета идет своим чередом».

15 декабря 1918 года уездный комитет принимает Аркадия Голикова полноправным членом РКП(б).

* * *

Отец не часто рассказывал о гражданской войне. Два рассказа отпечатались в моей памяти. Собственно говоря, оба не о войне — о митингах.

Август девятнадцатого года. На 6-х Киевских курсах краскомов досрочный выпуск. Деникинцы под стенами города. Перед молодыми командирами выступает наркомвоенмор Украины Николай Ильич Подвойский.

— Товарищи! Предстоят тяжелые бои. Некоторые из вас не выйдут живыми. Пусть же в память тех... в память молодых... павших за революцию, за счастье народа,— перехватило дыхание, он глотнул воздух. Холодок ужаса и восторга пробежал по шеренгам.— Пусть и в их честь оркестр...

Грянули медные трубы, строй подхватил: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

И еще вспоминал отец митинг на Соборной площади в Арзамасе.

Ряды красных латышских стрелков тянутся от Спас-Песковского монастыря к Воскресенскому собору. Напротив каменного дома купца Подсосова наспех сколочена невысокая трибуна. На ней — члены Реввоенсовета республики Кобзев, Данишевский, арзамасский военком Михаил Чувырин. Еще какие-то незнакомые командиры...

Зажав в руке древко знамени, с трибуны спускается Иоаким Вацетис, командующий Восточным фронтом. Идет к стрелкам... Возвращается на трибуну.

«По-о-о-лк!.. К торжественному маршу... Поротно...»

Взметнулась, закружила над куполами черная туча испуганного воронья. Полк двинулся. Подрагивают штыки. Мелькают на рукавах шинелей красные полоски. Изредка, белым пятнышком, проплывает мимо трибуны бинт перевязки. И кажется, что не ветер, а несущая, как бы полетная мелодия «Прощания славянки» треплет над штыками полотнище знамени ВЦИК...

Ордена на знаменах, почетные наименования, звания гвардейских — все это в нашей армии будет позднее.

11 сентября 1918 года в Арзамасе на Соборной площади 5-й Земгальский полк красных латышских стрелков первым получил от республики ее первую боевую награду.

Аркадий Голиков провожал полк на станцию, смотрел, как роты грузятся в теплушки. Над некоторыми, где народ порасторопнее, сразу заголубел уютный дымок.

Скоро Аркадий Голиков тоже уедет из Арзамаса, чтобы «сражаться за светлое царство социализма».

* * *

Теперь подзабылся термин, которым определяли начальный период нашей гражданской войны. В ту пору Антанта, пока не капитулировала Германия, не успела еще широко развернуть интервенцию, по-настоящему ввязаться во внутренние дела России. Отряды белых были разрозненны и немногочисленны. Красная Армия формировалась. К апрелю восемнадцатого в ней меньше двухсот тысяч штыков.

Период этот назывался «эшелонная война». Боевые действия в основном велись вдоль железных дорог.

В штабе командующего обороной и охраной всех железных дорог республики Аркадий Голиков прослужил чуть больше трех месяцев. Сначала красноармеец-рядовой, потом получил повышение. Но все же просится на фронт. Командующий направляет его на учебу:

«Начальника команды связи штаба тов. Голикова Аркадия Петровича исключить из списков штаба с 20 марта с. г., с провиантского, приварочного, чайного довольствия с 22-го сего марта...»

И снова стучат на стыках рельсов, дымят трубами «буржуек» красные теплушки.

Прощайте, матери, отцы,
Прощайте, жены, дети.
Мы победим, народ за нас.
Да здравствуют Советы...

Насчет жен и детей потому, что из хорошей песни слова не выкинешь. А вообще-то народ в эшелоне молодой, холостой — курсанты. Среди них — Аркадий Голиков. Недавно освобожден от петлюровцев Киев. Решено организовать там подготовку красных командиров для Южного фронта.

«Огромное трехэтажное здание бывшего кадетского корпуса, способное вместить в себя чуть ли не дивизию... В различных частях корпуса стали размещаться комсостав, его семьи, служащие, музкоманда, всевозможные цейхгаузы, классы, кабинеты...»

Программа насыщенна, времени на учебу мало. Тактика, топография, материальная часть оружия, связь... Кроме того, математика, русский язык, география... Ну и, конечно, строевая подготовка, занятия на местности, стрельба...

При всей плотности программы учебу то и дело приходится прерывать. Хотя главный фронт откатился к югу, но вокруг Киева действуют банды. Их много, есть и крупные. В банде Гончара, например, пять тысяч штыков, восемь орудий, почти два десятка пулеметов. То там, то здесь возникают внутренние фронты.

«16-го сего мая боевой отряд особого назначения, выделенный из состава вверенных мне курсов, отбыл к месту назначения»,— докладывает начальник курсов командующему киевским боевым участком Павлу Андреевичу Павлову.

Во второй роте отряда под номером сто шестьдесят один значится Голиков Аркадий.

Полтора месяца отряд курсантов ведет бои против войска Григорьева — «атамана партизанов Херсонщины и Таврии». Не схватки, не стычки — первые в жизни Аркадия Голикова настоящие бои. Были потом, правда, и покрупнее, посложнее, но и от тех, первых, остался у него след.

Под вечер шел один по перелеску из отряда в штаб. Шел беззаботно. На передовой затишье, а здесь и вовсе тыл... Неслышно, неожиданно догнали его на тропинке четверо отбившихся от части, заблудившихся мадьяр.

Мадьяры были свои — красные, и недоразумение быстро разъяснилось, расставаясь, даже улыбнулись друг другу... Но когда порой отец вдруг замолкал на полуслове, чуть бледнело лицо и сужались зрачки, значит, опять почувствовал, как в затылок уперлось дуло карабина, услышал щелчок затвора и чьи-то слова на неведомом языке.

* * *

23 августа 1919 года на 6-х Киевских курсах красных командиров досрочный выпуск. Присутствует наркомвоенмор Украины Подвойский. Просторный плац бывшего Владимирского Киевского кадетского корпуса. Шеренги молодых командиров. Слепящая медь оркестра на правом фланге.

Аркадий Голиков получает удостоверение краскома № 4377.

Новых командиров не распределят по частям. Из выпуска сформирована Ударная бригада. Командирами батальонов и рот назначены преподаватели. Полурот и взводов — лучшие выпускники. Уже введены знаки различия: треугольнички, кубики, шпалы... На рукаве гимнастерки Аркадия Голикова красный кубик — взводный.

С плаца бригада выступает на фронт. Путь недалек. Деникинцы и петлюровцы под стенами Киева. Воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии сосредоточены на Восточном фронте, они рвутся к городу.

27 августа в бою под Бояркой гибнет полуротный командир Яков Оксюз. Несколько дней назад на плацу вместе со всеми выпускниками он пел «Вы жертвою пали...». Аркадий Голиков занимает должность своего товарища.

31 августа части Красной Армии оставляют Киев.

Из автобиографии:

«Прошел 300 верст в составе арьергарда, прикрывавшего отступление наших войск, и вышел к Гомелю с ротой курсантов в семнадцать человек из ста восьмидесяти».

* * *

Весной 1920 года положение республики значительно улучшилось. На Западном фронте — затишье. Армия Колчака разбита. Деникин отброшен на юг. Часть его войск укрылась в Крыму, а основная группировка — за Доном и Манычем на Северном Кавказе. Там разворачиваются главные боевые действия.

25 марта 12 деникинских бронепоездов и артиллерия английских и французских кораблей пытались прикрыть огнем бегство «Добровольческого корпуса» деникинцев к Новороссийску.

27 марта 9-я армия Уборевича ворвалась в город.

...Может быть, те, кому довелось бывать на Кавказском побережье Черного моря и ехать от Сочи на юг, помнят небольшую речку Псоу. Она пересекает шоссе за Адлером. У моста — стеклянная коробка поста ГАИ. По реке проходит граница между РСФСР и Грузией.

Весной и летом 1920 года здесь стояла 4-я рота 2-го батальона 303-го полка. Командовал ротой Аркадий Голиков.

Сторожевая служба. Смена караулов, дозоров, занятия с красноармейцами. Изредка — учебные стрельбы. Патроны приказано беречь.

Вскоре весь 303-й полк, поднятый по тревоге, грузился на станции Дагомыс в теплушки. Пункт назначения — станица Белореченская. Снова пылала Кубань.

«...Сзади и спереди зеленые банды... Я далеко! Мне часто вспоминается ваш Союз, его дружная жизнь»,— пишет в перерыве между боями Аркадий Голиков в Арзамас своему другу Саше Плеско.

На Западном фронте белополяки перешли в наступление. Воспользовавшись этим, оживилась контрреволюция на юге России. На Северном Кавказе спустилась с гор так называемая «Армия возрождения России» генерала Фостикова. Высадились из Крыма десанты генералов Улагая, Черепова, Харламова.

«Живу по-волчьи, командую ротой, деремся с бандитами вовсю»... — из другого коротенького письма Аркадия Голикова, посланного в Арзамас из села Кабардинка.

Сохранились журналы боевых действий 303-го и 302-го полков 34-й дивизии 9-й армии, в которых он тогда воевал. Мелькают названия станиц, хуторов, урочищ. Синим карандашом подчеркнуты цифры потерь, своих и противника.

Вообще, что было бы мне известно о тех горячих месяцах на Кубани в предгорьях Кавказа, если бы не нашлись никакие документы?

Прежде всего — песня. Отец запевал:

В боях, в дыму прошли мы,
Товарищи, друзья,
Кубанские долины,
Кавказские края.

Я подхватывал:

Нам грозы грохотали
И ветер завывал,
Когда мы занимали
Тубанский перевал.

Потом обязательно вместе:

Дороженька очень крутая,
Свет месяца голубой,
Прощай, сторона родная,
Мы в новый торопимся бой...

Кроме того, сохранилось письмо Аркадия Гайдара к своему другу писателю Фраерману, посланное в январе 1935 года, когда Фраерман собрался ехать на Северный Кавказ.

«Когда будешь проезжать станицу Ширванскую (а ты ее никак не минуешь), то увидишь одинокую, острую, как меч, скалу; под этой скалой, как раз на том повороте, где твои сани чуть не опрокинутся, у меня убили лошадь».

И еще осталась фотография. В детстве моя самая любимая. Она и сейчас передо мной. Из-под сдвинутой к затылку папахи строго смотрит молодой командир с ремнями на широких, слегка покатых плечах и кавалерийской шашкой у пояса.

Вот таким в октябре 1920 года он и предстал перед мандатной комиссией Высших стрелковых курсов — «Выстрел». После очередной контузии оправился. У врачей претензий нет. Жизненный путь ясен: кадровый командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Ну, а литература?

Если он и думает о литературе, то скорее всего как о чем-то дополнительном, второстепенном. Вот, например, Роберт Эйдеман... Петр Исидорович познакомился с ним в шестнадцатом в Киеве. Всему 1-му Киевскому военному училищу было известно, что юнкер Эйдеман пишет стихи... Ну и что? Теперь он командует 12-й армией... Комфронта Михаил Тухачевский, тот вообще, говорят, играет на скрипке!

Учится Аркадий Голиков, судя по всему, хорошо. Принятый на младшее отделение командиров рот, он заканчивает «Выстрел» по старшему, тактическому отделению. Во время учебы проходит короткую стажировку в должностях комбата и комполка.

17 февраля 1921 года в Политическом управлении РККА ему вручено удостоверение № 10294. «Дано сие Голикову А. П. (комбату), окончившему «Выстрел», в том, что он командируется в распоряжение Центрального Комитета РКП».

27 июня 1921 года в штаб командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского поступила телеграмма. Комвойсками 5-го боевого участка просил прислать на должность командира 58-го полка «нового, желательно партийного, с боевым стажем».

На телеграмме резолюция начальника штаба: «По согласованию с инспектором пехоты командировать из нашего резерва».

Справка адмотдела: «Первый кандидат — Голиков».

Инспектор пехоты, старый опытный военспец, честно служивший в Красной Армии почти с самого начала ее организации, ознакомился с личным делом кандидата. Свое мнение он изложил письменно: «Тов. Голиков не обладает широкими познаниями в военном деле, малоопытен, вряд ли сможет командовать полком при тех условиях, которые предъявляются в настоящее время».

Вечером документы легли на стол командующего. Постараемся догадаться, о чем думал М. Н. Тухачевский, рассматривая эти бумаги.

Прежде всего, наверное, подумал о 5-м боеучастке: северо-восточная часть Тамбовщины, леса, озера, болота. Какие части дислоцированы там? Автобронеотряд, один батальон 558-го полка, артиллерийская батарея, военно-инженерный дивизион... Да, 58-й полк — основная сила участка. Инспектор прав. Такому полку нужен крепкий командир.

Раскрыл личное дело, поглядел послужной список Голикова. Но здесь вроде все в порядке. Петлюровщина, Западный фронт, Кавказский фронт, «Выстрел»... Командовал ротой, батальоном, полком... Правда, запасным и недолго... Сводный отряд... Сводный? Да, пехота, кавалерийский эскадрон, два орудия... Год рождения... Ах вот оно что!

Тухачевский улыбнулся, снова придвинул к себе заключение инспектора пехоты. Нет, не смог этот вежливый и воспитанный человек заставить себя попросту написать, что считает Голикова слишком молодым для занятия столь ответственной должности. Постеснялся доложить такое командующему, который сам в двадцать пять лет возглавил армию, а в двадцать семь — фронт.

Тухачевский вышел из-за стола, привычным движением, заложив два пальца под ремень, оправил гимнастерку.

Революция! Она действительно творит чудеса. Иероним Уборевич стал командармом в двадцать четыре года. Ивану Федько было двадцать один. Павлу Павлову тоже еще нет тридцати. Все они сейчас здесь, на Тамбовщине.

— Пригласите к прямому проводу комбоеучастка шесть! — приказал он.

Если молодость для назначения не помеха, то уж во всяком случае и не основание.

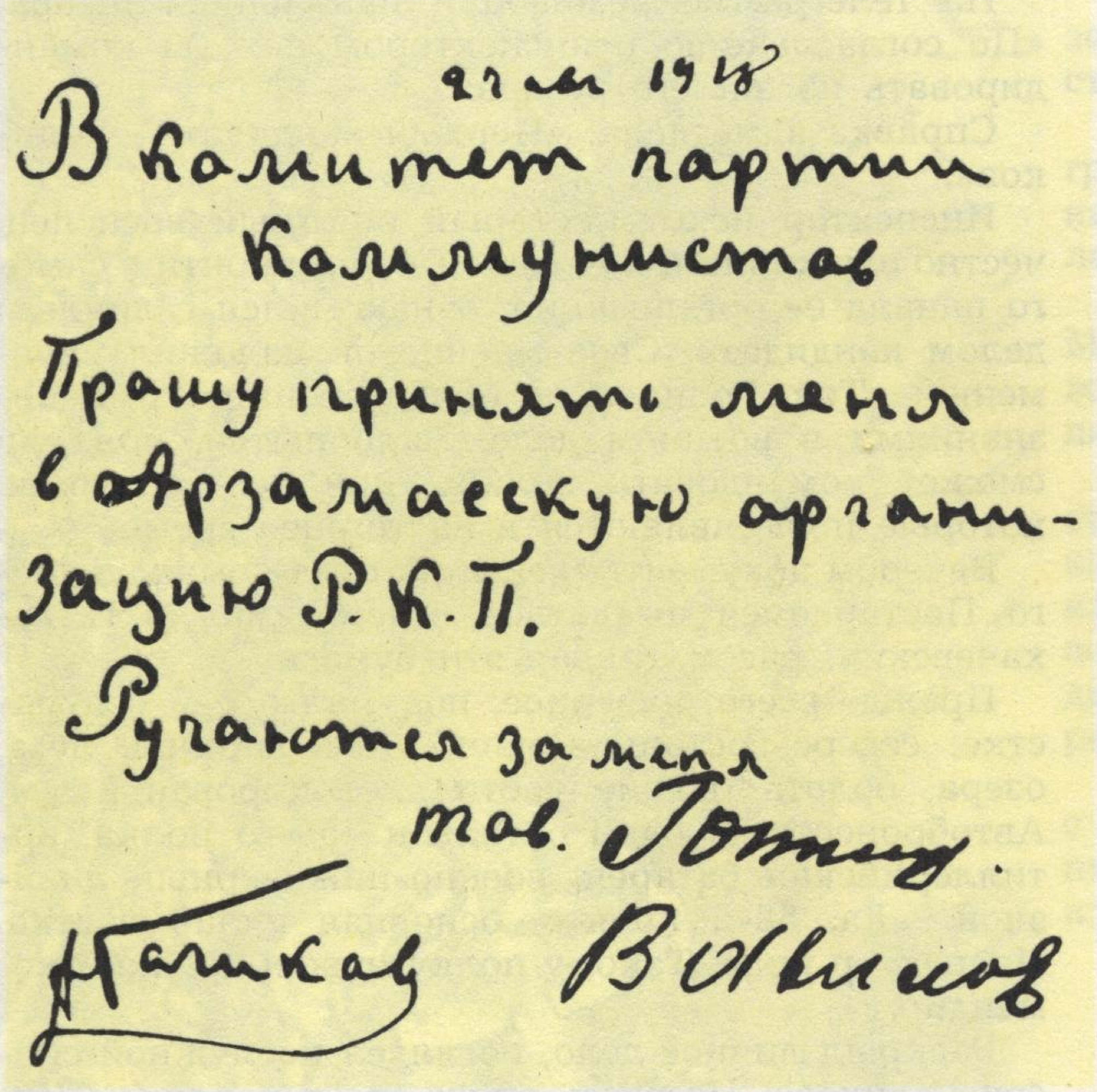
Застучал старенький аппаратик «Бодо», поползла телеграфная лента. «У аппарата Павлов... У аппарата Тухачевский. Здравствуйте, Павел Андреевич. Аркадий Голиков на вашем участке. Доложите мнение...»

Может быть, все происходило иначе. Как теперь узнаешь? Но осталась решительная, чуть наискосок резолюция Тухачевского: «Заготовить документы».

30 июня 1921 года Аркадий Голиков докладывал в штаб из Моршанска, что в командование 58-м полком вступил. В списках полка значатся 2879 человек.

Полистаем приказы, боевые донесения.

«Конная разведка 58-го полка в с. Байловка встретилась с бандой Дегтева в числе 70 человек... Благодаря крутым, а местами болотистым берегам реки Кошмы догнать бандитов в конном строю было невозможно. Разведкой захвачена 21 лошадь с седлами. Преследование продолжается...»


В комитет партии Коммунистов

Прошу принять меня в Арзамасскую организацию Р.К.П.

Ручаются за меня тов.

«По сведениям войсковой разведки в районе села Хмелино оперирует банда Коробова — Попова численностью до 300 всадников... В случае обнаружения банды, не дожидаясь особых приказаний, немедленно атаковать ее и уничтожить».

«В районе Амелино столкновение с бандой Попова — Коробова в числе 100 сабель...»

...Бежал и был убит Антонов, угасала антоновщина. Выходили из лесов обманутые крестьяне.

Из приказа № 74 по 5-му боевому участку.

«В целях оказания помощи советским хозяйствам в своевременной уборке урожая приказываю: командиру 1-й роты 58-го полка и комвзвода 8-й роты того же полка оказывать полное содействие зав. совхозами № 3, 4... При выделении вооруженных команд командирам частей строго учитывать обстановку на вверенных им участках, отнюдь не ослабляя боеспособности в частях, дабы не было ущерба в выполнении и возложенных на вас оперативных заданий...

ВРИО комвойсками 5-го участка
Голиков».

Временно исполняющий обязанности командира боевого участка — самая высокая должность из всех, которые довелось Аркадию Голикову занимать в Красной Армии.

* * *

...Гражданская война закончилась. Но и после ликвидации антоновщины Аркадий Голиков воевал еще долго. Сначала добивал белые банды в Тамьяно-Катийском кантоне Башкирии. Потом в Сибири, в Хакасии, на границе с Тувой, гонялся со своим отрядом за бандой бывшего колчаковского унтер-офицера Ивана Соловьева.

Это сейчас звучит красиво, даже романтично: командир полка в шестнадцать лет. Но стоит задуматься, какая тяжесть ложилась на плечи такого командира. Он стал им, когда Красная Армия только формировалась.

«Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности — вот внешний вид Красной Армии до осени 1918 года»,— вспоминал Тухачевский.

Три года Аркадий Голиков командовал, отдавал приказы, посылал красноармейцев в бой, может быть, на гибель, и вескость его приказам давал не только новый Дисциплинарный устав, но прежде всего личный авторитет командира. Каково заслужить, удержать такой авторитет, если подавляющее большинство подчиненных старше по возрасту, а многие так и просто годятся в отцы?

«Дорогая сестренка! Никто еще в хандру впадать не собирается, хотя мне и приходится уехать на месяц в Физиобальнеотерапевтический институт в Томск.

На днях был созван консилиум, и врачи определили: истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией...

Я-то сам знал об этом уже давно. Через три дня уезжаю.

Аркадий».

* * *

...Осенним утром двадцать третьего года в Москве, в Лефортове, из ворот старинной военной больницы вышел человек в длинной кавалерийской шинели. Листья в садике напротив госпиталя уже пожелтели, ветер срывал их с деревьев, бросал на трамвайные рельсы. Поправив на плече небольшой вещевой мешок, человек зашагал по улице вниз, к Яузе.

В кармане его гимнастерки лежал аттестат № 10079.

«Дан сей от 1-го Красноармейского Коммунистического госпиталя б. комполку Голикову в том, что он при сем госпитале удовлетворен провиантским, приварочным, чайным, табачным, мыльным довольствием...»

В вещевом мешке Аркадия Голикова вместе с мылом, табаком и сменой белья лежала толстая в линейку тетрадь. На первой странице в правом верхнем углу нарисована звездочка. Ее лучи наискосок падают на слова «В дни поражений и побед».

Отныне так будет всю жизнь.

За годы эти произойдет многое. Аркадий Голиков станет Аркадием Гайдаром. Вновь, как в гражданскую, исколесит страну. Будет веселым и грустным. Одержит победы, потерпит поражения... Но над каждой его рукописью, большой или малой, и всегда в правом верхнем углу неизменно появится такая же красная звездочка, как бы освещая и согревая исписанные им страницы.

* * *

Константин Федин вспоминает:

«В 1925 году в редакцию ленинградского альманаха «Ковш» пришел высокий и очень статный молодой человек, светловолосый, светлоглазый...

Он положил на стол несколько исписанных тетрадок и сказал:

— Я Аркадий Голиков. Это мой роман. Я хочу, чтобы вы его напечатали...

На вопрос, писал ли Голиков что-нибудь прежде, он ответил:

— Нет. Это мой первый роман. Я решил стать писателем.

— А кем вы были раньше и кто вы теперь?

— Теперь я демобилизованный из Красной Армии по контузии. А был комполка».

Раньше был комполка — понятно. Решил стать писателем — тоже понятно. Но кем же он был вот

тогда, когда появился в редакции альманаха в гимнастерке и армейской фуражке, на выгоревшем околыше которой темнел след недавно снятой красной звездочки?

Отвечает на этот вопрос учетный листок № 12371 Московского горвоенкомата, составленный на Голикова А. П. в 1925 году. В графе «Состоит ли на службе и где?» две буковки «б/р».

Значит, пока что официально — безработный.

Бережно и заботливо отнеслась Красная Армия к попавшему в беду командиру полка. Отпуск продлевали. Потом Аркадий Голиков был зачислен в резерв. И, наконец, 14 августа 1924 года член РВС И. Уншлихт подписал окончательный приказ.

По последнему командирскому литеру Аркадий Голиков едет в Крым, в Ялту, к своей больной матери.

В девятьсот двадцатом году по партийной мобилизации она была направлена в Киргизию. Заведовала уездным отделом здравоохранения в Пржевальске, была членом уездно-городского ревкома. «Ее подпись вместе с подписью предревкома стоит под многими решениями и постановлениями того горячего и сурового времени»,— пишет Борис Осыков, просматривавший архивы Киргизской ССР.

У меня на руках несколько ее писем, картонные прямоугольники мандатов. Они относятся к 1922—1924 годам, когда Наталья Аркадьевна заболела и переехала в Новороссийск, где заведовала облздравотделом. На красных мандатах тоже отблеск времени:

«Предъявитель сего тов. Голикова Н. А. является делегатом окружного съезда Советов рабочих, казачьих, красноармейских и флотских депутатов...»

Письма адресованы старшей дочери. Почерк неровный. Чувствуется, что Наталье Аркадьевне трудно держать карандаш. У нее последняя стадия туберкулеза.

«Милая Талочка! Все-таки умирать я подожду, пока твои экзамены не кончатся. Так что не беспокойся...»

Иногда прорывается боль:

«Ночами я не сплю и часто плачу от того, что не увижу больше ни тебя, ни Аркадия...».

Но сын успел, приехал.

В гимнастерке с нашивками комполка на рукавах он сидит у постели матери, положив руку на ее плечо. На этой фотографии он выглядит даже старше Натальи Аркадьевны. Она коротко подстрижена, девичьим стало исхудавшее лицо, огромными глаза, в которых застыл недоуменный и по-детски беспомощный вопрос: почему?

Есть среди бумаг Натальи Аркадьевны еще один листок. Самый последний. Стихи, обращенные к дочерям. Они написаны уже после отъезда сына. Буквы падают, строки скользят. Но почти все прочитать можно.

«Я стою у открытой могилы, но и это меня не страшит. Лишь о вас, мои девочки милые, мое сердце так сильно болит. И когда поддаюсь я тревоге, слезы слепят глаза, давит грудь. Мне пожить бы еще хоть немного, чтоб поставить на верный вас путь. Будьте смелы, решительны, строги, не ропщите на злую судьбу. Выходите на ту же дорогу, по которой мы шли на борьбу...»

Одна строчка совершенно неразборчива. Последние три, видимо, собравшись с силами, Наталья Аркадьевна вывела четко: «Все отдайте, как отдала я, пролетарскому делу родному. Вот последняя просьба моя».

Некоторые слова размыты. Видимо, кто-то над этим листком плакал.

Свою первую повесть Аркадий Голиков начал писать в феврале двадцать третьего года, когда служил в штаЧОНгубе — штабе частей особого назначения Енисейской губернии. Получив отпуск, продолжал работать над ней в Арзамасе.

Многие старые друзья разъехались. Где-то на Урале Саша Плеско, Николай Березин в Москве, был заместителем начальника политуправления армии, теперь, кажется, учится в Институте Красной профессуры, вернулся в Белоруссию Павел Коляда, Сережа Салтанов — секретарь губкома комсомола в Нижнем Новгороде, ничего не слышно об Анатолии Ольшевском...

Но вечерами на огонек заходили Коля Кондратьев, сестры Субботины, Леня Никольский... Возвращался с работы Петр Исидорович. Иногда Аркадий Голиков раскрывал тетрадь, читал законченные главы. Друзья хвалили. Это ободряло.

В те несколько недель осенью двадцать четвертого года, которые Аркадий Голиков провел в Ялте у Натальи Аркадьевны, он повесть заканчивал.

Ранним утром — солнце еще не выглянуло из-за спины Аю-Дага, и город в лиловатой дымке — Аркадий Голиков сбегал по пустынным улицам на пустынный пляж, бросался в прохладную октябрьскую воду и торопился обратно, к тетради. Работа спорилась, да и сроки поджимали. Еще в Москве зашел в издательство «Земля и фабрика», показал рукопись, и ее обещали напечатать.

Закончив повесть, рванулся в Москву, потом в Ленинград. Была тому особая причина. Хотелось показать рукопись другу и наставнику Николаю Николаевичу Соколову, который стал ректором Военно-педагогического института имени Толмачева — будущей Военно-политической академии имени Ленина.

Как они встретились и что сказал Николай Николаевич, я не знаю. Но вообще-то приняли Аркадия Голикова в Ленинграде тепло.

«Я познакомился с писателями Слонимским, Садофьевым, Семеновым и еще с некоторыми,— сообщает Аркадий Голиков сестре.— Интерес к моей вещи у них большой...»

Редакция альманаха «Ковш» размещалась на Невском проспекте в Доме книги, где в середине двадцатых годов кипела литературная жизнь Ленинграда. Принести в этот альманах рукопись своего первого произведения было для начинающего литератора весьма смелым поступком. В «Ковше» печатались Алексей Толстой, Леонид Леонов, Борис Лавренев, Михаил Зощенко, Вениамин Каверин. Из поэтов — Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Павел Антокольский, Николай Асеев...

А. М. Горький считал «Ковш» одним из лучших литературных периодических изданий того времени.

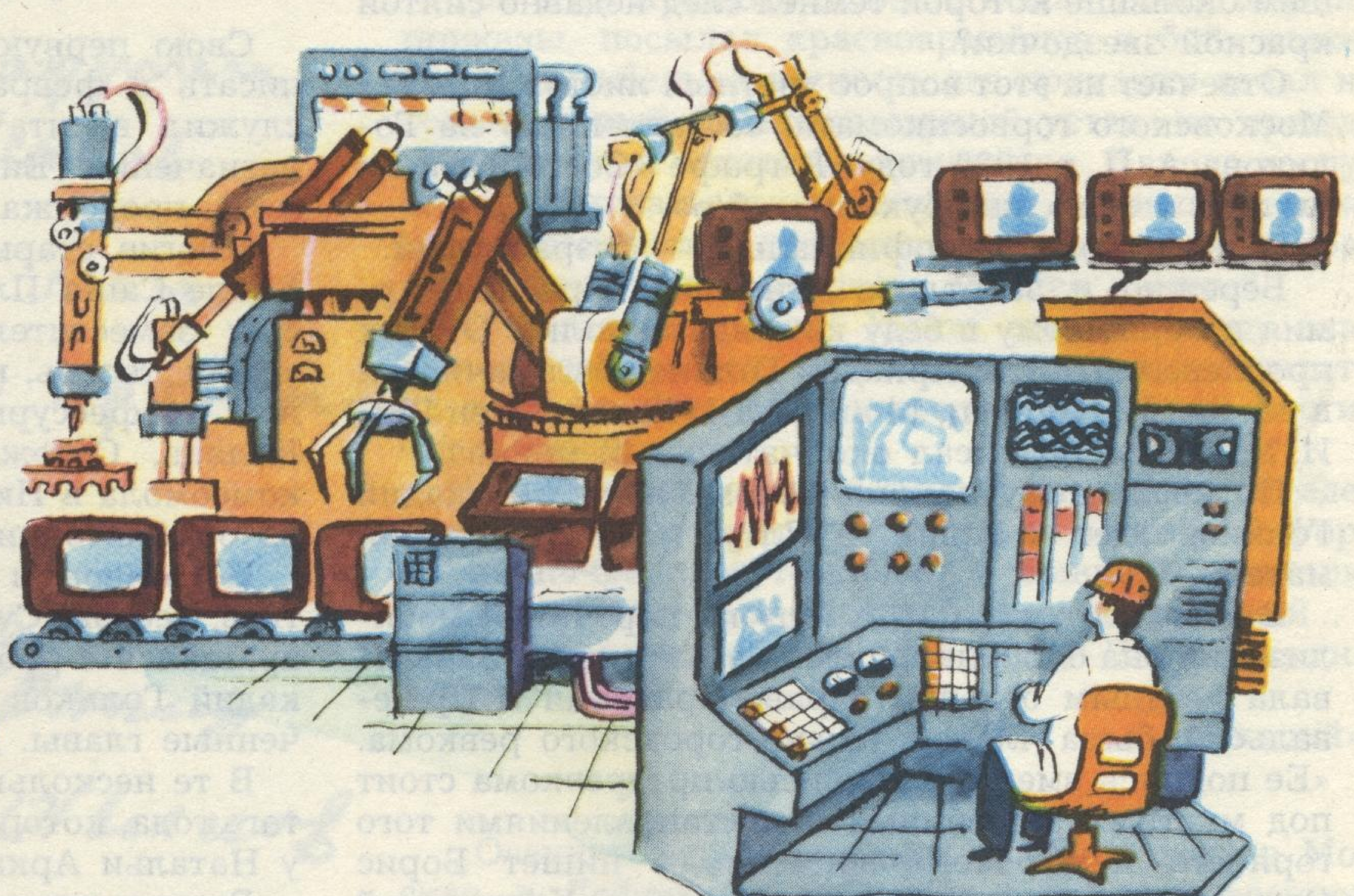
Первым в редакции рукопись Аркадия Голикова прочитал Сергей Семенов. Передавая ее другим членам редколлегии, сказал:

— Это, конечно, не роман, а повесть. Но это здорово... По-моему, из него может получиться писатель. Почитайте!

Мнение члена редколлегии Константина Федина записано в автобиографии Аркадия Гайдара:

«Писать вы не умеете, но писать можете и писать будете».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.



И. ДУБРОВИЦКИЙ

КАК БУДЕМ РАБОТАТЬ, ТАК И БУДЕМ ЖИТЬ

Ехал я как-то в автобусе по большой московской улице, которая называется Варшавское шоссе. По сторонам новые жилые кварталы, заводы, научные институты. Но много еще и свободного пространства — недавно здесь старые деревни век свой доживали.

Рядом со мной стояли двое мальчишек лет двенадцати-тринадцати, и я оказался невольным свидетелем их разговора.

— Перестройка, перестройка,— сказал один из ребят,— а для чего все перестраивать, когда вон сколько места вокруг — строй себе новые заводы и фабрики...

— А рабочих где взять, чтобы и на старых, и на новых заводах работали?

— Рабочих? Зачем рабочие? Роботы будут вкалывать, всякие там автоматы, компьютеры!

Послушал я этот разговор и подумал: ведь, наверное, не только мои спутники, но и многие их сверстники считают, что перестройка касается только техники — вот поставим новые машины-автоматы, понастроим новые тысячи тракторов, комбайнов, и сразу у нас будет больше и продуктов, и одежды, и обуви, такой, какой хочется, и всего на свете.

А ведь это не так, вернее, не совсем так. Новая техника нужна, мы об этом еще поговорим. Но ведь каждый год совхозы и колхозы получали сотни тысяч новых тракторов, комбайнов и других машин, а мяса и масла у нас до сих пор не хватает. Мы строили все новые заводы и фабрики, а модные хорошие вещи так редко появляются в магазинах. Почему? Потому что многое зависит от человека — как он использует технику, как организует свою работу, какие вещи делает — хорошие или никому не нужные, бережно ли расходует сырье, энергию.

Убедить всех с завтрашнего дня стать хорошими — трудно. Думаю, ты по себе это знаешь. Значит, надо сделать так, чтобы каждому было выгодно работать лучше, потому что от этого станет лучше его собственная жизнь.

Вот об этом наш сегодняшний разговор.

Наверное, ваши мамы и папы, когда идет речь о работе, всегда говорят «наш завод», «наша фабрика», «наш колхоз», «наш институт» и так далее, в зависимости от того, где они трудятся. И это правда. Заводы, фабрики, шахты, корабли, поезда — все, как говорят экономисты, средства производства принадлежат народу. Мы этим справедливо гордим-

Рисунки Н. ШЕВАРЕВА.

ся. Но до недавнего времени получалось так: завод-то наш, а управляет им директор со своими помощниками. Да и директор не полновластный хозяин, над ним еще министерство. Он получает распоряжения, сколько чего нужно сделать, сколько рабочих, инженеров, техников должно быть на заводе, сколько денег в зависимости от должности, профессии он имеет право им платить.

Передовым заводам, которые выполняли и перевыполняли план, на следующий год план увеличивали, а заводам отстающим — нет. Задумается иной директор: стоит ли в передовиках ходить, нужно ли устанавливать новые станки — с ними ведь хлопот не оберешься?

Конечно, тот, кто работал лучше, получал больше. Но намного ли? Нередко получалось, что фотография передовика красуется на Доске почета, а зарабатывает он всего на 30—40 рублей больше, чем его сосед по станку, который кое-как норму успевает выполнить. Кому же это понравится, кому прибавит сил, старания?

Отсюда и возникали ситуации, которые каждому из вас наверняка приходилось видеть: экскаваторщик роет котлован, а трое или четверо рабочих стоят рядом и смотрят, как он это делает: полчаса стоит и урчит мотором машина, а шофер в это время разговаривает со своими друзьями, груды разбитого кирпича лежат на строительных площадках; новенькие, но уже неисправные тракторы без дела стоят на колхозных дворах...

Почему так происходит? Потому что землекопы все равно получат свою зарплату, шоферу не придется платить из своего кармана за напрасно потраченный бензин, строителям — за разбитый кирпич, трактористу — за состарившийся раньше срока трактор.

Как же сделать, чтобы нерадивость стала невыгодна?

Еще лет двадцать тому назад появилась идея бригадного подряда. Вернее сказать, не появилась, о ней просто вспомнили.

Издавна по русской земле бродили из деревни в деревню артели (сейчас бы мы их назвали «бригады») плотников, каменщиков, землекопов, словом, мастеров на все руки. Приходили в деревню, спрашивали, кому новый дом поставить или хлев для скота или погреб вырыть или колодец. Если находился желающий, артель **подряжалась** выполнить его заказ. Уславливались о цене.

Артельщики работали дружно — у них был общий интерес: скорее закончить работу, получить заработанные деньги и идти искать работу в другом месте. Они старались выполнить свое дело на совесть, чтобы о них хорошая слава шла по округе. Были такие подрядные «бригады» и в городах.

А почему бы и в наше время такие бригады не организовать? Эта мысль впервые пришла строителю — Владиславу Пахомовичу Серикову, ныне Герою Социалистического Труда. Конечно, построить современный многоэтажный дом — не то что деревенскую избу поставить. В такой бригаде каждый должен быть мастером на все руки. Когда стены возводят, все помогают каменщикам или монтажникам, когда приходит время отделывать помещение, каждый должен уметь выполнять малярные работы и так далее. Строители заранее знают, сколько денег они получат, когда завершат работу. А **когда** они ее завершат, зависит от них самих.

Так спрашивается: выгодно или невыгодно в такой бригаде работать кое-как, тянуть время? Конечно, невыгодно! Да и не станут в такой бригаде держать лодыря или «мастера-ломастера». Поговорят с ним по душам раз, другой, а если не поможет, то скажут напрямик: «Ты нам, дружок, не нужен, ищи себе работу в другом месте, мы найдем вместо тебя другого, настоящего рабочего».

Хорошим рабочим бригадный подряд по душе. А выгоден ли он государству и всем нам? Не буду убеждать словами, приведу конкретный пример. Не так давно бригада Героя Социалистического Труда В. Затворницкого завершила строительство огромного двадцатидвухэтажного дома в Москве. По плану его полагалось построить за десять с половиной месяцев. Бригада управилась за полгода. Кому же не хочется получить квартиру на четыре с половиной месяца раньше, чем ожидалось?

Только вот не все строители согласились перейти на бригадный подряд. Почему? Да потому, что строят они дома из материалов, которые делают на заводах: кирпичных, железобетонных, цементных, деревообделочных. Привозят им детали на автомобилях, принадлежащих автокомбинатам. А там свои порядки (а иногда и свои беспорядки). То везут панели, из которых дома собирают, одну за одной — девать некуда, то за весь день ни одного панелевоза не дождешься... Панели есть — нет цементного раствора... Никакой бригадный подряд не поможет при такой организации дела. Нужно, чтобы и рабочим заводов, которые обеспечивают строительство, было выгодно работать так, как полагается. Чув-

ствую, что у читателя так и вертится на языке вопрос: «А если перевести на коллективный подряд не только отдельные бригады, но и все заводы, фабрики, стройки, шахты, совхозы?..»

Так и решил в июне прошлого года Центральный Комитет нашей партии, и это решение стало государственным законом, который принял Верховный Совет СССР. В законе говорится, что коллектив государственного предприятия, используя общенародную собственность КАК ХОЗЯИН, создает и приумножает народное богатство.

Почему «как хозяин»? Разве нельзя было записать просто: «Трудовой коллектив — хозяин своего предприятия»? Нет, нельзя. Потому что все, что есть на советской земле и в ее недрах, принадлежит всему народу. И управлять своим заводом, своей фабрикой, шахтой, совхозом те, кто на нем работает, должны в интересах всего народа, а не только в своих собственных.

Какие же права имеет коллектив предприятия? Он сам составляет свой план, сам утверждает его. При этом предприятия сами должны договариваться с теми, кому нужна их продукция, сами решать, что именно, сколько и в какие сроки надо сделать. Сами приобретать нужные материалы или части для своих изделий.

Понимаете, какая цепочка выстраивается? Предлагает, скажем, обувная фабрика магазину свою продукцию, а директор магазина говорит: «Нет, мы ваши «утюги» не возьмем, у нас их никто покупать не хочет. Мы лучше с другой фабрикой договор заключим, которая модную обувь шьет». И директору фабрики придется позаботиться о том, чтобы освоить новые модели. Ему надо поискать новое оборудование, старое не годится. Хлопот, конечно, много. Но эти хлопоты обернутся нам на пользу — качество товаров повысится, мы, потребители, теперь будем главными заказчиками промышленности, и не будет никакого смысла заводам и фабрикам делать никому не нужные вещи и машины.

Все предприятия теперь будут жить на собственные **заработанные** деньги. Часть выручки за проданную продукцию пойдет на оплату материала, электроэнергии, на ремонт станков, на покупку инструментов, на зарплату рабочим. А остальное — это прибыль, доход предприятия.

На что же пойдет прибыль?

Часть прибыли предприятие должно отдать государству. Это плата за землю, на которой стоит завод или фабрика, за помещение, за оборудование. Каждому предприятию будет выгодно избавиться от лишних станков, моторов и так далее. И если уж покупать новый станок, то самый производительный. Подумайте, ведь и это на общую пользу! Участвует предприятие и в общих расходах страны. И это тоже справедливо — ведь работники каждого предприятия бесплатно ходят к врачам, бесплатно учат своих детей, каждый, когда придет время, получит пенсию.

Оставшуюся часть прибыли коллектив предприятия израсходует на свои собственные нужды.

Давайте посмотрим, как это делается, на примере треста Мособлсельстрой-18, который уже второй год работает по-новому, на хозрасчете. До недавнего времени руководил этим трестом Герой Социалистического Труда Николай Ильич Травкин.

В 1986 году строители получили прибыли больше трех миллионов рублей, почти вдвое больше, чем раньше, когда работали по-старому.

Они могли бы заработать и больше, но пришлось уплатить шестьдесят тысяч штрафа заказчикам за то, что не всегда вовремя выполнялись работы, что были недоделки. Очень сокрушался по поводу этих штрафов Николай Ильич!

После того, как трест рассчитался с государством, в распоряжении строителей осталось без малого два с половиной миллиона. И вот собрался Совет трудового коллектива решать, как эти деньги разумно распределить. Полтора миллиона выделяли на приобретение новых машин и механизмов. Стали думать, какие тракторы покупать? Те, что дешевле? Нет, решили покупать подороже, зато мощней и надежней. Вот вам, пожалуйста, задачка для тракторостроителей! Ведь если они свои машины не усовершенствуют, трудновато им придется свою продукцию продавать! Но вернемся на Совет трудового коллектива строителей. Отложили они несколько сот тысяч на премирование лучших работников, на обучение молодежи и на социальные, то есть общественные, расходы.

На свои деньги построит коллектив 60 квартир, новый детский сад. Каждая молодая семья получит взаймы на обзаведение хозяйством по полторы тысячи рублей. Малышам из детского сада купят велосипеды и лыжи, останутся деньги и на спортивный инвентарь, и на путевки в дома отдыха. И еще двести тысяч с лишним в резерве — на всякий случай.

Как видите, очень разумно распорядились деньгами строители — прямо-таки по-семейному. Ничего не забыли, учли и общие интересы, и личные. А когда у людей появляется интерес, когда они видят: чем лучше работают, тем лучше живут, они и трудиться станут старательней, каждый кирпич, каждую доску беречь.

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

8 марта — Международный женский день.

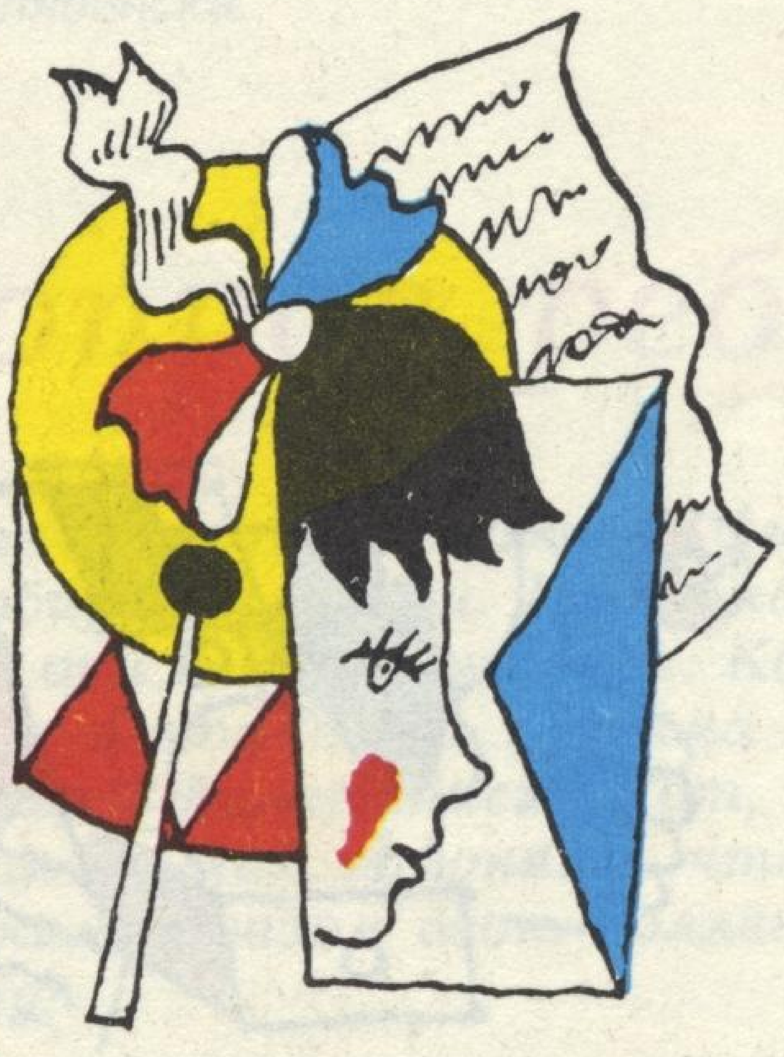
Дорогие ребята! Мы даем вам настолько простой рецепт, что не только девочки, но и мальчики могут порадовать маму, бабушку, сестренку, приготовив к завтраку оладьи с яблоками.

Рецепт. Возьми один стакан простокваши. Вылей его в небольшую миску. Туда разбей одно яйцо, положи столовую ложку сахара, немного соли, на кончике ножа — питьевой соды и стакан муки. Хорошо размешай тесто. Оно должно быть, как густая сметана. Затем сними кожуру с яблока и мелко-мелко его нарежь. Кусочки яблока тоже положи в тесто, размешай и жарь оладьи на растительном масле.

13 марта — 100 лет со дня рождения А. С. Макаренко (1888—1939), советского педагога и писателя.

«Макаренко хорошо понимал, что детей сплачивают не только уроки, но и школьные праздники, дружная подготовка к ним... Антон Семенович устраивал детские спектакли, костюмированные вечера, живые картинки».

Е. З. Балабанович «Макаренко. Человек и писатель»



ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Члены пресс-центра IX Всесоюзного слета пионеров предложили: продолжить выпуск слетовской газеты «Вперед!» на страницах нашего журнала.

Ваше мнение, юнкоры? Кто «за»?

О СТЕННОЙ ПЕЧАТИ

Закончился конкурс стенных газет пионерских дружин, объявленный в № 1 за 1987 год.

В журнал «Пионер» пришло всего 22 газеты. Катастрофически мало для конкурса. Жюри решило премий не присуждать, а отметить всех участников. **Им посланы грамоты нашего журнала, наборы фломастеров, карандашей, красок — то, что необходимо для работы дружинных редколлегий.**

Чем конкурсные газеты понравились? Прежде всего **ярким оформлением.** Ребята использовали и фотографии, и рисунки, и картинки из журналов. **Разнообразием названий.** Когда мы развернули все газеты, разложили на редакционных столах, то увидели, что нет ни одного повторяющегося названия: «Юнкор», «Серебряные горны», «Школьник», «Голос ровесника», «Гайдаровец», «Дружба», «Всегда готов!»... **Разнообразием тем.** Стенная печать двадцати двух пионерских дружин сообщила нам о том, как и где пионеры работают, учатся, рассказала о праздниках, старших товарищах, ветеранах войны и труда, поездках, экскурсиях, смешных случаях из школьных будней.

Чем конкурсные стенгазеты не понравились? Во-первых, **дружинные редколлегии, юнкоры почти не используют такие публицистические жанры, как интервью, репортаж, обзор, фельетон...** Любимый жанр юнкоров — заметка. Поэтому есть в стенгазетах некоторая монотонность. **Ребята, попробуйте писать в разных жанрах!** Мы уверены, у вас получится.

Во-вторых, и самое главное, **отсутствует** в стенгазетах та **острота,** та **злободневность,** которая есть сейчас в центральной и местной прессе страны. Читаешь дружинные газеты, и остается впечатление, что проблем и вопросов у пионеров нет.

Над чем же необходимо думать, о чем же нужно писать? О перестройке в пионерской организации. О самоуправлении. О позиции твоего пионерского отряда по тому или иному вопросу. О себе — конкретном пионере, о своем личном вкладе в дело перестройки.

Многие эти вопросы уже были затронуты в выпусках «Юнкоровского поста «РВС». Ребята, внимательно читайте нашу рубрику! А также думайте! Работайте! Стенные газеты — ваше оружие в борьбе за сплоченную, активную дружину.

Теперь — неожиданное продолжение конкурса стенных газет. Используя ваши заметки, мы, сотрудники редакции журнала «Пионер», создали как бы междружинную стенную газету. Название позаимствовали у дружины школы № 75 г. Владивостока. Боевой она получилась или не очень, зависело от вас, юнкоры, от того, какие газеты выпускаете в своих дружинах вы.

Серебряные

МЕЖДРУЖИННАЯ СТЕННАЯ

Мы и перестройка

В конце декабря 1986 года в нашей школе состоялась встреча с секретарем ЦК ВЛКСМ, председателем Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина И. Н. Никитиным. Он говорил с ребятами о самоуправлении и пионерских поручениях, об отношении ребят друг к другу и к окружающим нас людям. Мы обсуждали вопрос о том, как добиться того, чтобы в нашей школе всем было интересно. Игорь Николаевич говорил с нами как старший товарищ, его советы заставили нас задуматься: все ли мы делаем, как надо? Что нужно сделать, чтобы все были более активными?

Мы, юнкоры, взяли интервью у некоторых пионеров. Главное, о чем мы спрашивали их: как они относятся к некоторым нововведениям в связи с перестройкой пионерской организации.

***Женя Майорова, 7 «Б»:** «Нововведения мне не нравятся» (И ничего не предлагает.— Редколлегия).*

***Женя Бескоровайная, 7 «Б»:** «Журнал по самоуправлению — это бюрократизм, ненужная бумажная деятельность».*

***Сергей Вислобоков, 6 «А»:** «А разве самоуправление — это только уборка и оформление кабинетов?»*

***Ольга Вьюн, 6 «В»:** «Критиковать?! Еще чего не хватало!»*

Как же начать жить по-новому? Ждем ваших предложений!

ГОРБУН, 7 «А»

Из стенгазеты «Будь готов!» пионерской дружины имени О. Кошевого с/ш № 4 г. Кременчуга.

Газету выпускать надо учиться

Школа наша небольшая. В ней всего 403 пионера. Стенгазету «Корчагинец» выпускаем шестой год вместе с комсомольцами - восьмиклассниками. Обычный формат газеты — 5 ватманских листов. В среднем в год — 20 номеров. «Корчагинец» выходит и летом — в ЛТО.

В нашей школе никто не удивится, если услышит: «Хотим взять у тебя интервью». С удовольствием мы пишем фельетоны, репортажи, стихи, рассказы. Ребята учатся выпускать газету в кружке юнкоров.

Юля МИХЕЕВА,
пионерский редактор газеты «Корчагинец».

Горжусь своим отцом

— Буду летчиком,— сказал я папе.

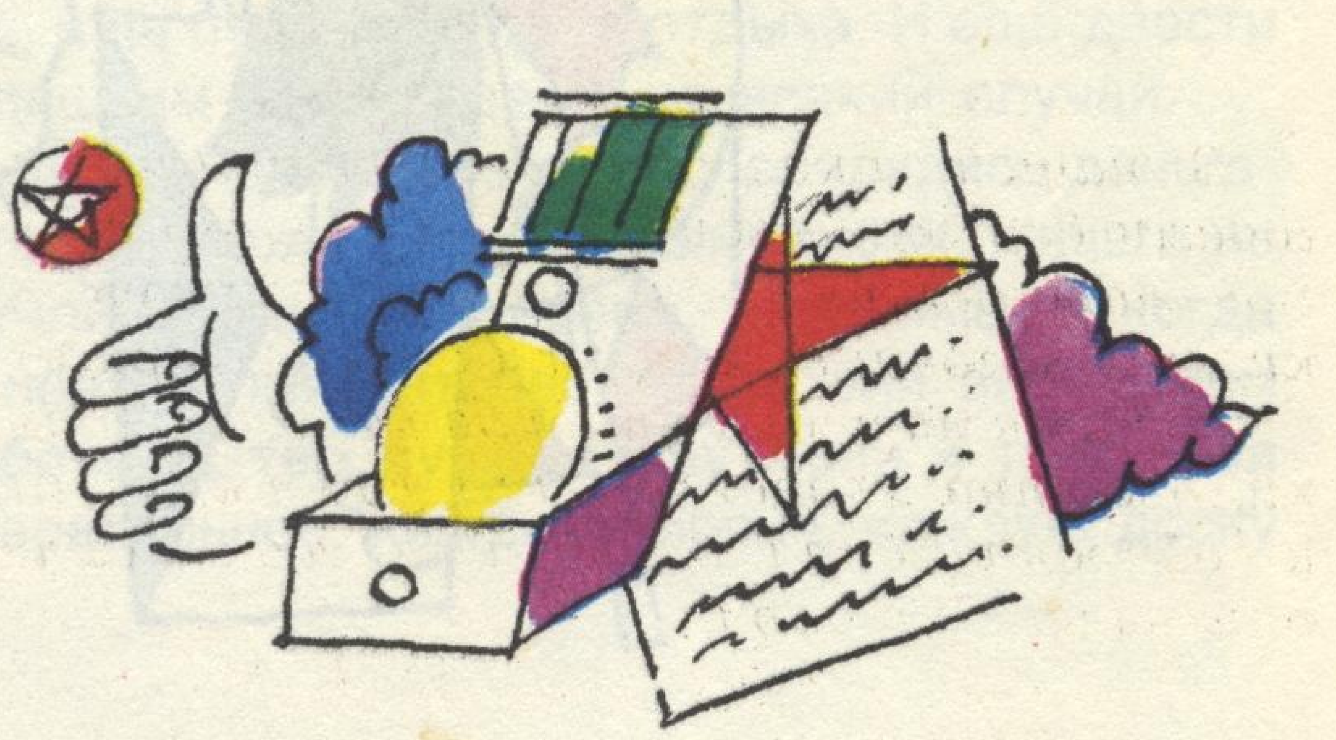
А он мне говорит:

— Когда я был пацаном, то мечтал стать шофером. А вот больше 20 лет работаю фрезеровщиком. Судьбой доволен. И хочу, чтобы ты, сын, тоже стал рабочим.

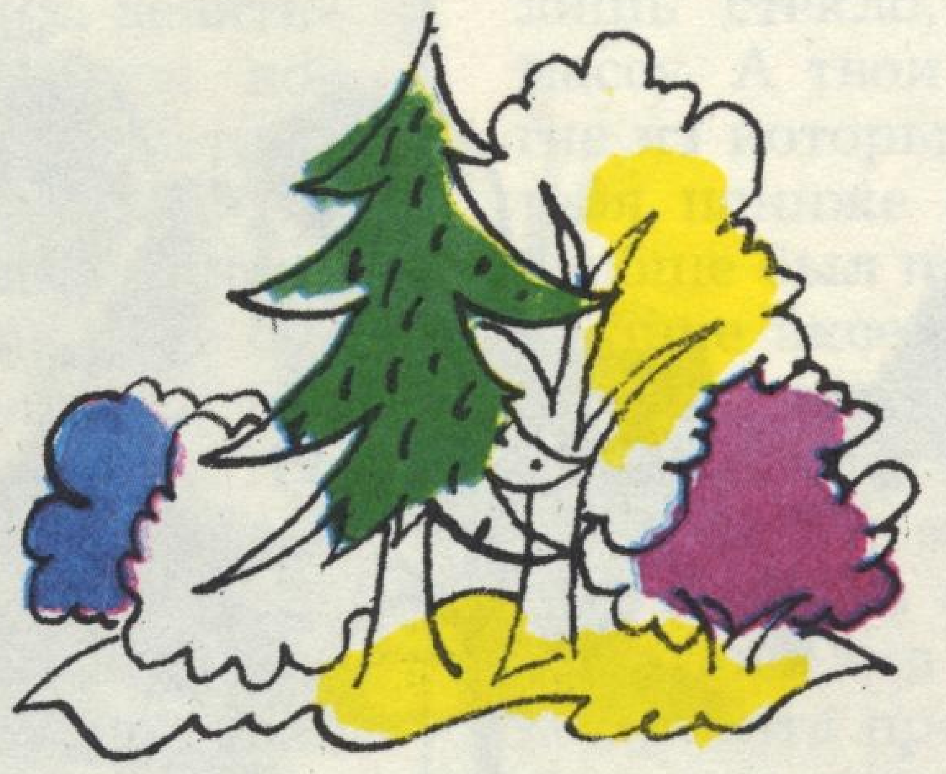
Я горжусь своим папой. Папа — коммунист и передовик производства. Он не раз побеждал в профессиональном конкурсе фрезеровщиков. Папа награжден за свой труд орденом Ленина и «Знак Почета», многими медалями.

Так что не только к летчикам слава приходит. Это я понял.

Алеша ШУМИХИН, 4 «Б» класс.



ГАЗЕТА



Кто виноват?

Мы считали, что у нас
Самый дружный в школе класс,
Все друг другу помогали,
Активистами нас звали.
А теперь все изменилось...
Что же с классом вдруг случилось?
Споры, ссоры и обиды —
Им конца теперь не видно!
Наш учитель всех девчат
Помирил. Притих отряд.
Но на днях на перемене
Захотели непременно
Наши девочки решить,
Кого в обидах обвинить,
Кто был прав, а кто не прав —
Показали все свой нрав —
Поругались, раздружились...
Чтобы снова помирились,
Вы не знаете секрета?
Юнкор Сергей. Я жду ответа.

Сергей КОЛОМЕЙЦЕВ, 6 «Б» класс.

Сергей Коломейцев и Веня Беккер — авторы «Юнкоровского пера», органа юнкоровского отряда «Радуга» пионерской дружины имени Г. С. Титова средней школы № 2 г. Прохладного.

Три друга и двадцать деревьев

— А, старые знакомые! Заходите! — Такими словами встречают рабочие завода теплоизоляции наших мальчишек: Шабунина, Марадецкого и Журавлева. Юра, Сережа и Коля каждый вторник приходят сюда за макулатурой.

Собрать 60 килограммов бумаги — это сберечь от вырубки одно дерево. Наши мальчишки за первое полугодие сдали более тонны макулатуры. Значит, уже 20 деревьев останутся расти, шуметь листвой и радоваться солнцу...

Ребята делают кормушки для птиц, выращивают цветы. А недавно проводили научное исследование: брали пробу снега у проходных близлежащих заводов, чтобы определить степень загрязнения воздуха...

Три друга, три старших пионера скоро станут комсомольцами.

Аня МОРИНА, 7 «А» класс.

Юлия Михеева, Алеша Шумихин и Аня Морина — юнкоры школы № 75 г. Челябинска.

За банкой варенья

Ежегодно в нашей дружине проходит День варенья. Все члены совета дружины приносят варенье и домашнюю выпечку. И вот начинается знакомство нового совета дружины. Банка переходит из рук в руки, и каждый, съев ложку варенья, рассказывает о себе. Потом мы разучиваем новые песни, игры, устраиваем конкурсы. А в конце традиционная песня-кольцовка: одни начинают, другие продолжают. Через месяц весь актив опять собирается за банкой варенья. Этот вечер уже называется «Расскажи мне о себе», то есть каждый может услышать о себе мнение товарища. И самое главное — никто не обижается на критику, и все после такого разговора стараются исправиться.

Галя БЕСНЕР, 7 «В» класс.

Из «Горниста» — газеты дружины средней школы № 34 г. Саратова.

Вопрос ребром

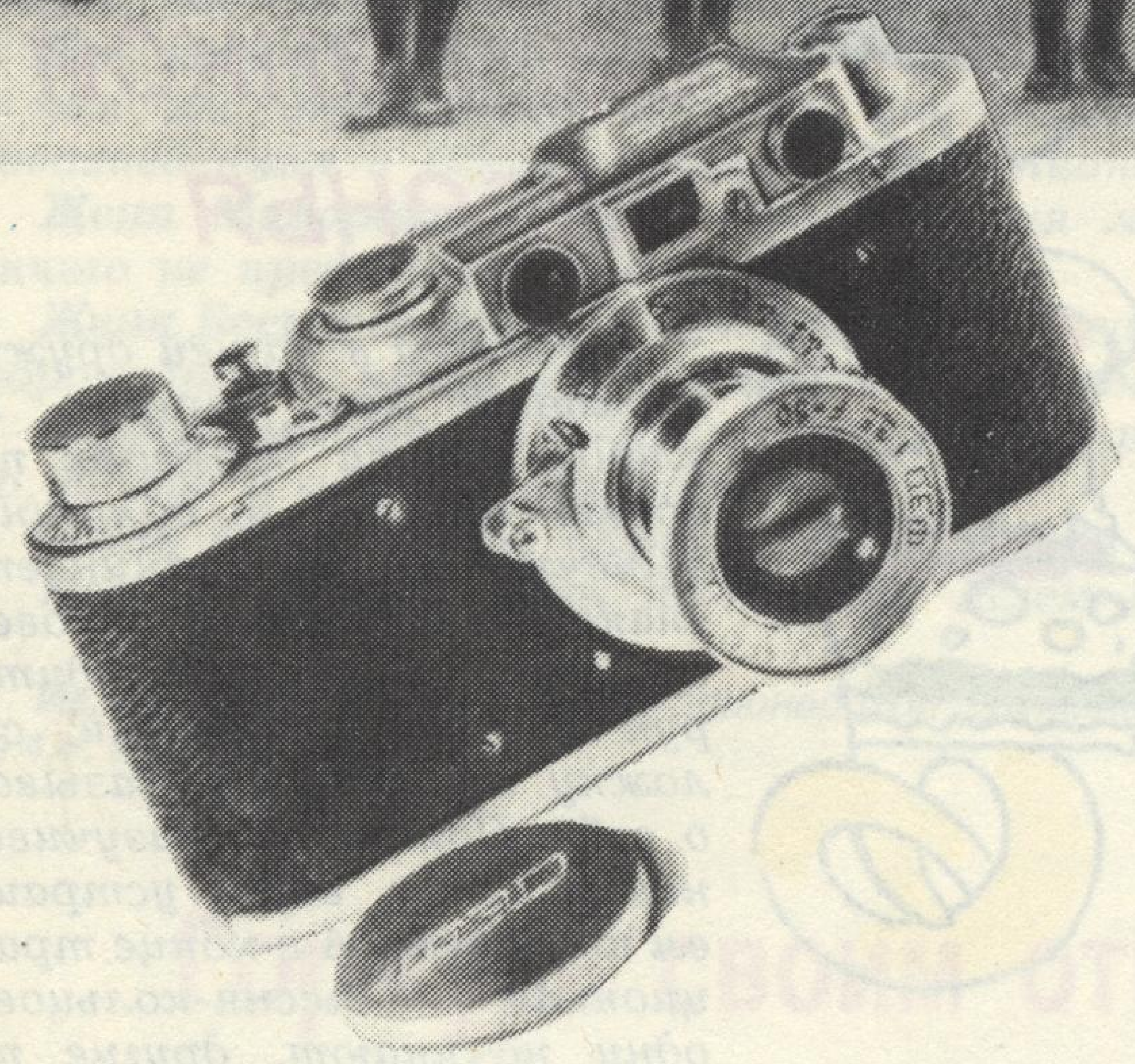
В нашей школе много настоящих филателистов, которые годами бережно собирают марки. Но сейчас вдруг появились другие «марочники» — они в марки играют. Как играли уже и в пробки, и в пуговицы, и в этикетки... Прямо эпидемия.

Кто же настоящий филателист? Тот, кто истрепывает марки, азартно хлопая по ним ладонями, чтобы они перевернулись, и собирающие таким образом свою коллекцию, или тот, кто не признает эту игру?

Веня БЕККЕР.

Рисунок К. ОРЛОВА.

100 лет
со дня рождения
А. С. Макаренко



ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ЗЕМЛЯН

Антон Семенович Макаренко умер в дороге. Ехал в пригородном поезде — спешил по своим литературным делам, в 1939 году педагогических дел у него уже не было... 32 года проработал он на педагогической ниве, 16 лет в школе, 16 лет с беспризорными, и о ребятах, которые волей случая оказались воспитанниками колонии имени М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, написал свои лучшие книги: «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях», «Марш тридцатого года»...

1988 год ЮНЕСКО объявил Годом Макаренко. Этой чести удостаиваются лишь лучшие из землян, обогатившие род человеческий чем-то необычайно важным. Значит, Макаренко — гордость не только наша, но и всей планеты. Хотя, кажется, какое ей, планете, дело до советских беспризорных, которых спасал замечательный педагог?

Но вот ведь что любопытно. В ФРГ работает специальное научное учреждение — лаборатория Макаренко. С немецкой дотошностью издаются там не только книги Антона Семеновича, но и стенограммы его выступлений — трижды выверенные по архивным источникам, воспоминания близких, дневниковые записи... Факт остается фактом: интерес к Макаренко за рубежами нашей страны высок.

Что же, собственно, сделал Антон Семенович?

Тут нам надо сначала заглянуть в сочинения Карла Маркса. Он как полагал воспитание и образование в разумно

устроенном обществе? Все люди, начиная с 9-летнего возраста, заняты трудом, причем не абы каким, а тем, что требует высокой квалификации, связан с машинами, нужен людям, оплачивается полной мерой. В процессе труда у всех людей, в том числе и совсем молоденьких, девятилетних, возникает масса вопросов: почему этот металл тяжелей того, отчего огонь горит на воздухе, а если его чем-нибудь прикрыть, так и не будет гореть, как правильно написать докладную мастеру? Ну, в общем, тысяча и один вопрос, на которые хочется найти ответ, оттого рука сама тянется к учебникам и книгам, и не надо никого убеждать, что ученье — свет. А если еще присовокупить к труду и учению занятия физической культурой («гимнастикой», как написано у Маркса), то и получится человек гармоничный, который сумеет горы свернуть, если это потребуется.

А теперь оглянись, пожалуйста, вокруг. Похожа твоя нынешняя жизнь на ту, о которой писал Маркс? Что полезного ты произвел, начиная с девятилетнего возраста? Много ли денег заработал? Скорее всего, ты не сумеешь даже ответить и на такой вопрос: а зачем ты, собственно, учишь в школе именно эти предметы, а не какие-нибудь другие? Что, составители программ лучше тебя знают, какие знания тебе пригодятся в жизни, а какие выветрятся из памяти на другой день после окончания школы? Но ведь не злоумышленники они — те люди, что мучат тебя бесполезными сведениями, да и Маркса они наверняка читали. Но раз читали, то почему же не поступают именно так, как он писал?

Да потому, что лишь в страшном сне может присниться взрослым людям, что нынешний девятилетний ребенок — хрупкий, неумелый и бестолковый — придет в цеха современного производства.

У Макаренко все именно так и было, как Марксу хотелось. Точнее, там начиналась такая жизнь.

На заводе, который работал при коммуне, ребята выпускали фотоаппараты «Феликс Эдмундович Дзержинский», а сокращенно «ФЭД», в честь человека, чье имя носило их учебно-воспитательное учреждение.

Фотоаппарат «ФЭД» был на переломе двадцатых и тридцатых чудом техники. Он, в общем, и сейчас тебе не по зубам: попробуй-ка сделай его своими руками, имея в распоряжении лишь стекло, сталь и пластмассу. А твои ровесники, многие из которых и ростом были тебя пониже (до войны народ вообще был помельче, чем нынешние акселераты), собирали и «ФЭДы», и электросверлилки и хозяйство держали такое, что им мог бы позавидовать иной из наших колхозов-совхозов. И в свои тринадцать лет ребята прекрасно разбирались и в хозрасчете, и в самофинансировании и умели **по очереди** командовать своим сложным трудовым коллективом. Твоим родителям приходится сегодня заново осваивать эти азбучные истины. Что поделаешь, вся страна нынче учится тому, чему мы могли бы выучиться еще много десятилетий назад, если бы развитие наше пошло несколько иначе. Иначе, но как? А вот так, быть может, как это у Макаренко было — он ведь на практике применил идеи Маркса, делал, как было написано в его толстых книгах, предупреждавших, что иного способа воспитать человека гармоничным и всесторонне развитым нет. Не бывает. Хоть ты всю мировую культуру обрушь на его бедную голову, того лишь и добьешься, что его станет тошнить от умных книг, от классической музыки...

А ребят-коммунаров от культуры не тошнило, хотя, казалось бы, книга, театр занимали в их жизни не самое важное место. Да, конечно, коммуна абонировала постоянные места в Харьковском театре — не пропускала ни единой премьеры, клубом заведовал у Макаренко удивительный человек — фантазер, умелец, весельчак — Виктор Николаевич Терский, и все-таки стержнем коммуны был завод с его скрежетом и лязгом. Как же все это сочетается?

Я, кажется, понимаю как.

Не так давно совершил я безо всякой машины времени удивительное путешествие сквозь эпохи. Заплатил пятачок, доехал до станции метро «Удельная» — дело в Ленинграде было, долго шел вдоль бесконечного забора, пока не приметил калитку, сквозь которую можно пройти на территорию спецшколы для «трудных». И сразу попал на заседание Совета командиров и окунулся в атмосферу, которую пытался описать на страницах своих книг Антон Семенович Макаренко. Представляете, сидит в уголке педагог и наблюдает за тем, как спокойно и уверенно крутится-вертится его творение — не бездушный механизм, а коллектив, состоящий из сотен ребят, вырванных из лап голода, невежества и злобы. Вот поднимается двенадцатилетний шпингалет и радостным голосом сообщает, что их класс, раздумывая, на какую бы общественно важную надобность израсходовать собственные тысячи, заработанные тут же, в школе, единогласно принял решение: часть отдать в фонд спасения зоопарков, а часть — в Детский фонд, чтобы улучшить положение дел в тех учреждениях, где пока и не пахнет макаренковскими достижениями.

Они там еще много чего решали на своем Совете командиров — так засиделись, что не дошли до последнего, седьмого по счету, пункта повестки дня — обсуждения провинившихся. Махнули рукой — а ну их, провинившихся, потом как-нибудь обсудим, тут столько более значительных дел. А вот вопрос о собственном чтении они обсуждали серьезно, не торопясь. Призвали к ответу библиотекаря, и та, запинаясь, говорила о том, что она всемерно старается придерживаться списка рекомендованной литературы, а то, что на всю школу только один томик Джанни Родари, так где его достанешь, он ведь не лежит в магазинах и коллекторах!

Эй, благополучный ровесник! Может, с того ты и начнешь приобщение к наследию Макаренко, что вышлешь в Ленинград, на улицу Аккуратова, в спецшколу, томик Джанни Родари или другую какую книжицу, не прочитанную в детстве этими мальчишками, в которых проснулось и самоуважение, и желание знать не меньше, чем знаешь ты?

А началось все лет семь назад.

Новый директор начал свою работу с того, что съездил за тридевять земель — в город Очер Пермской области, где, по слухам, имелась такая же спецшкола, более всех других спецшкол Советского Союза жившая по Макаренко. Впрочем, почему жившая? Очер и сейчас живет и имеет на своем счету миллион рублей, и это, кажется, единственное место в стране, где практически никто из ребят не курит и не ругается матом. Спортивной и всякой прочей экипировке, какую имеет каждый воспитанник Очерской школы, отчаянно завидуют даже самые обеспеченные из «домашних» детей. Зависть эта тем более обоснованна, что все эти джинсовые костюмы, хоккейные доспехи куплены ребятами на ими же и заработанные деньги!

Ну так вот, увидев, что жить по-макаренковски можно, оказывается, и в восьмидесятых годах, директор ленинградской спецшколы вернулся домой с твердой уверенностью, что и у него должно получиться не хуже.

Почти наверняка Антон Семенович мог бы стать неплохим художником или директором большого завода, ученым или конструктором — он относился к разряду дьявольски одаренных людей, у которых получается любое дело, за что бы ни брались. Но он выбрал тот вид деятельности, который и сегодня, да и в его годы не относился к числу самых популярных и престижных. Согласимся, что многие из нас педагогику представляют в виде усталой, замороченной женщины с сорванными голосовыми связками. Редко кто из нас встречал счастливого учителя. Макаренко доказал, что педагог не только может, но и просто-таки обязан быть счастливым — как иначе сделать счастливыми учеников своих, воспитанников?

Валерий ХИЛТУНЕН

Продолжаем обсуждать предложения читателей: **если бы пионерской организацией руководил ты, что бы ты изменил?**

Эти идеи мы взяли из газеты IX Всесоюзного слета пионеров «Вперед!».

«Предлагаю записать в Положение о ВПО имени В. И. Ленина, что структуру пионерской дружины имеет право выбирать сама дружина. Ведь одним коллективам больше подходит система разновозрастных отрядов, другим — отряды в классах.

Часто мы слышим: «Вожатые — кадры комсомольские». Так давайте попросим ЦК КПСС полностью передать кадры старших вожатых комсомолу. Сейчас вожатыми практически занимается Минпрос. Зарплата вожатых — дело Минпроса, вопрос о принятии на работу старшего вожатого решает директор школы, от него зависят условия работы вожатого. Всем этим должен заниматься комсомол, райкомы комсомола. Предлагаю также создать несколько всесоюзных круглогодичных школ старших пионервожатых, чтобы вожатых без знаний и практических навыков в школе не было».

Денис РОГАТКИН, делегат IX Всесоюзного слета пионеров.

«Если говорить об отрядных вожатых, то пусть их нам не назначают. У нас в отряде была вожатая, но она нам не нравилась, с ней было скучно. А вот если бы нам сначала вожатых предлагали! Мы бы с ними за месяц-полтора познакомились и сказали комитету комсомола, утвердить нам этих вожатых или нет».

Дика МУДРИЦЕР, делегат IX Всесоюзного слета пионеров из Молдавии.

Ребята! Думайте, предлагайте, не бойтесь ошибиться и высказать спорное мнение. Все ваши предложения мы напечатаем и обязательно передадим в Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. На конверте укажите: БАНК ИДЕЙ.

Ескен ЕЛУБАЕВ

Тихоня

Мальчишку в ауле
Тихоней прозвали.
Едва ли других,
Как его, уважали.
При нем не бывало
Ни драки, ни ссоры
И сами собой
Разрешались все споры.
Да что ж в нем такого?
Ни силы, ни роста,
Улыбка застенчива,
Выглядит просто,
А все же любила
Его детвора.
Любая игра
Без него не игра!
Играем в футбол —
Он встает на ворота,
Поскольку другим
Падать в грязь неохота,
А мяч улетит —
Вроде он ни при чем,
Но именно он
И бежит за мячом.
Всегда вратарям
Достается на поле,
Но он не заплакал
Ни разу от боли,
А лишь улыбнется
Друзьям виновато:
— Играйте,
Мне вправду не больно,
Ребята!..
Все делал он быстро,
Но только без спешки,
Терпел он обиды,
Прощал и насмешки,
Привыкли командовать
Им заводилы —
Никто и не знал
Его истинной силы.
Никто и не видел
За всеми делами,
Что этот Тихоня
Командует нами.
Но вот навестить
Он отправился брата —
И вдруг заскучали
В ауле ребята.
Проходит неделя,
Другая проходит —
Никак без него
Ничего не выходит.
Никто вратарем
Становиться не хочет,
А если же в сторону
Мячик отскочит —
Никто и не тронется
С места, однако.
И вот уже ссора.
За ссорою — драка.
За дракой — синяк,
Будто клякса под глазом,
И каждый драчун
Хорошенько наказан:
Кто смотрит в окошко
Три дня на аул,
А кто и присесть-то
Не может на стул!
И каждый при этом
Мечтает о мести!
Но вот по аулу
Промчалось известье,
Промчалось известье —
Аул встрепенулся:
— Приехал Тихоня!
Тихоня вернулся!
Был рад этой вести
Драчун и проказник,
Как будто настал
Замечательный праздник,
И к дому Тихони
Сбежались мальчишки:
— Чего ты так долго?!
— Ну, как там делишки?
По-прежнему жизнь
Закружилась в заботах,
И снова Тихоня
Стоит на воротах,
И снова все тот же
Застенчивый мальчик
Бежит, если с поля
Укатится мячик.
Но, правда, теперь
И другие в погоню
Бегут за мячом,
Обгоняют Тихоню,
И весело кто-то —
«Тихоня!» — кричит.
Негромкое имя —
А громко звучит!

Перевел с казахского
Юрий КУШАК.

Рисунок И. ПАНКОВА.

НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ

ТОВАРИЩ!
ДАВАЙ НАПИШЕМ КНИГУ!

Настоящую книгу, с красочными иллюстрациями и, конечно, увлекательную. А авторами ее станут все, кто захочет включиться в викторину-поиск журнала «Пионер» «НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ», посвященную 70-летию ВЛКСМ.

Но давай по порядку.

Перед тобой вопросы. Как видишь, вопросы не совсем обычные — здесь и карта путешествия, и картина, и ноты песни, и отрывки из литературных произведений.

Представь себе, что такую книгу, составленную из самых интересных вопросов и ответов по истории ВЛКСМ, получит каждый вступающий в комсомол.

Страницы этой книги помогут тебе лучше понять историю ВЛКСМ, его сегодняшние заботы.

Характер комсомола. Именно ему будет посвящена наша будущая книга, которая, как путеводитель, проведет пионера, вступающего в ряды Ленинского комсомола, по самым интересным страницам его истории.

Одно из заданий викторины-поиска — придумать свой, оригинальный вопрос.

Самые интересные вопросы войдут в пионерский «путеводитель» по истории комсомола, который будет опубликован в журнале после подведения итогов викторины.

Участвовать в викторине-поиске могут и отдельные ребята, и целые пионерские отряды, и семьи — родители, дедушки и бабушки (вместе с ребятами пионерского возраста).

Итоги викторины-поиска будут подведены к дню рождения комсомола — в десятом номере «Пионера». Ответы должны быть присланы в редакцию до 1 июня этого года. Оценивать ваши работы будет авторитетное жюри. Вот его члены:

Владимир Васильевич Лебединский, доктор педагогических наук, профессор Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ;

Николай Владимирович Богданов, детский писатель, ветеран комсомола, один из первых пионерских вожатых;

Сергей Борисович Цымбаленко, аспирант ВКШ;

Галина Федоровна Смирнова, сотрудник музейной группы Центрального архива ВЛКСМ;

Анна Владимировна Друянова, член редколлегии, редактор отдела внутренней жизни журнала «Пионер».

Авторы самых полных, интересных, хорошо оформленных работ, оригинальных вопросов будут награждены путевками в «Артек».

Пионерские отряды, звенья, группы ребят — подарками журнала «Пионер».

Особый приз ждет лучший семейный коллектив.

Учти, что оценивается будет не только правильность ответов, но и ВЫПОЛНЕНИЕ ПОИСКОВЫХ ЗАДАНИЙ, а также ОРИГИНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ответов и заданий викторины-поиска, поскольку элементы оформления — рисунки, магнитофонные записи, фотографии — также войдут в нашу книгу.

ОСОБЫМ БАЛЛОМ будут отмечены те, кто проявит инициативу и в дополнение к ответам на вопросы, к выполненным поисковым заданиям пришлет новые, интересные факты по истории комсомола: биографии комсомольцев разных поколений, комсомольских строек и починов, летопись славных дел комсомола своего края, области, города и района.

1. *Не булавка вколота —*
значком
прожгло рубахи
сердце,
полное
любовью к Ильичу.

Кто написал эти строки? О людях каких годов говорится в стихотворении? Постарайся нарисовать значок, о котором идет речь. Расскажи о ветеранах комсомола — комсомольцах 20-х, 30-х, 40-х годов, которые живут рядом с тобой.

2. ЮНКОМ, ЧОНовец, СИНЕБЛУЗНИК, ФАБЗАЯЦ.

Расшифруй значение этих слов. Кого так называли?

3. По широкому полю, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути,
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...

Это слова из популярной довоенной песни. Немудрено, что она появилась именно тогда — трактор входил в жизнь новой, колхозной деревни, тракторист становился главной фигурой на селе.

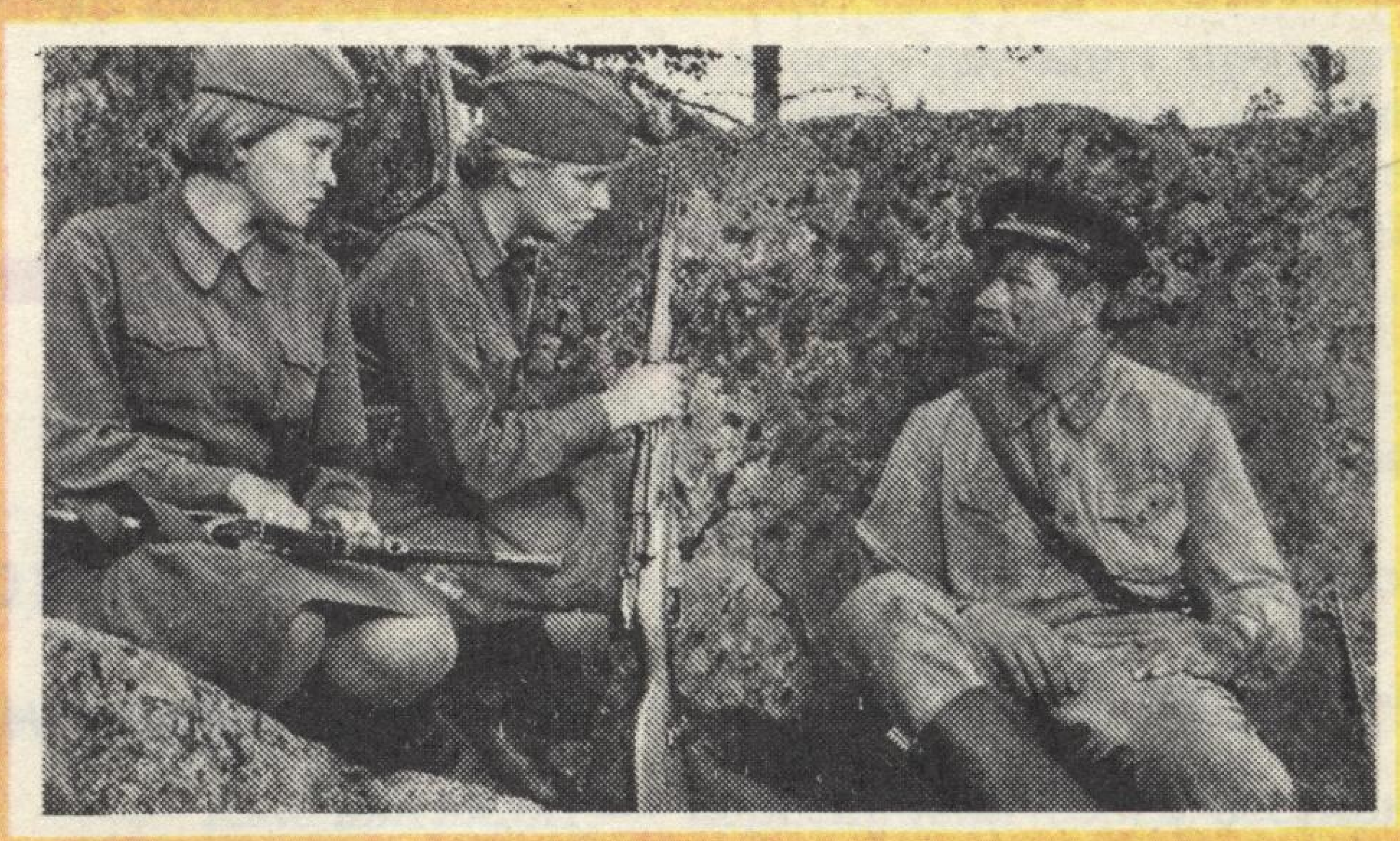
Какую роль играл в этом комсомол? О каком герое-комсомольце идет речь в этой песне, какой подвиг совершил этот человек?

4. «Тот, кто не сидел при свете коптилки в нетопленой комнате или в блиндаже, когда не только бушует на дворе осенняя стужа,— когда человек унижен, растоптан, нищ,— кто не ловил окоченевшей рукой у потайного радио свободную волну своей родины, тот никогда не поймет, с каким чувством слушали они эту речь из самой Москвы».

Кто изображен на этой картине? Какая книга (цитату из нее ты только что прочитал) рассказывает об этих людях?

5. Перед тобой ноты и стихотворная строка из популярной комсомольской песни и кадр из фильма, авторы которого удостоены премии Ленинского комсомола.

Угадай авторов песни, название фильма и имена его героев.



6. Какая экспедиция прошла этим маршрутом? Кто ее организовал? Знаешь ли ты что-нибудь о ее участниках? К какому походу они готовятся сейчас?

7. XX съезд ВЛКСМ стал переломным в жизни многих комсомольских организаций. Что это значит? От пустой говорильни, от формальных собраний ребята повернулись лицом к жизни, решают самые важные проблемы молодежи, совершают конкретные дела.

Расскажи о знакомом тебе комсомольце или комсомольском коллективе (это может быть бригада, молодежный клуб, театр...), которые работают по-новому, жизнь которых тебе кажется интересной.

8. И последнее задание.

Придумай вопрос, на который было бы интересно отвечать тебе и твоим друзьям при вступлении в комсомол. Не забудь прислать иллюстрацию к нему и ответ.

Желаем всем успеха!

Илья МОСКВИН

ФОРВАРД — В ЗАЩИТУ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 2.

— Наполеон! — крикнула официантка. — Ты его давай к старшому...

Однако проводник Наполеон остановился с Юрой в тамбуре и сказал:

— Ну, Лис Патрикеевич, выкладывай правду.

— Нет у меня тут никаких папы с мамой,— с безнадежной простотой молвил Юра.

— Знаешь, у меня тоже возникла такая мысль,— деликатно и озабоченно произнес Наполеон.— Вот что. Сейчас этот кошмарный человек уйдет, и мы с тобой поужинаем. А заодно обсудим, как дальше жить.

...Нет, события все же разворачивались правильно. И развернул их этот не особенно молодой, невзрачный человек. Так ведь и должно быть: когда ты едешь по правому делу, обязательно найдется хоть один, кто тебя поймет и поддержит. И это так просто: повернуть, как Наполеон, невидимый... Нет, не стоп-, а другой, хороший кран. Кран, которому надлежит быть в распоряжении каждой человеческой души.

ВООБРАЖАЕМЫЙ МЯЧ КАТИЛСЯ ПО ОПУСТЕЛЫМ И ПРИТЕМНЕННЫМ КОРИДОРАМ ВАГОНОВ, ВКАТИЛСЯ В ПУСТОЕ КУПЕ, ГДЕ ЮРА И ЗАНОЧЕВАЛ. А ПОТОМ, ОБВЕДЯ НОЧЬ, ЮРА ПОВЕЛ ДРИБЛИНГ ВОСПОМИНАНИЙ СНАЧАЛА ПРЯМО ПО РЕЛЬСАМ, ПРЯМО ПО ШПАЛАМ — потому что поезд давно прибыл и стоял в тупике далеко от перрона. Это была Москва.

И ВОТ ДРИБЛИНГ ИДЕТ ПО БОЛЬШОЙ КАЛИТНИКОВСКОЙ УЛИЦЕ.

И вот он — знаменитый Калитниковский, или Птичий, рынок. Рынок, который вполне бы мог называться «Рыбий», «Собачий», «Кошачий», «Кроличий», да мало ли еще чей. Нет, пожалуй, все же в первую голову — «Рыбий»...

Юра оторопел. Он увидел за оградой толпу, причем было непонятно, что можно в такой густой массе делать, кроме, разве, того, как просто стоять, вытянув руки по швам.

У входа культурные девушки и женщины продавали котят. И вообще народ тут был приличный. Присутствовал даже Николай Дроздов из телепередачи «В мире животных». Продавал гиббона. К нему подошли Юрины родители и стали прицениваться. Дроздов наставительно сказал, словно набивая цену:

— Гиббоны — единственные человекообразные обезьяны, передвигающиеся на двух ногах.

«Значит, я тоже гиббон», — подумал Юра и очнулся.

Он дома, на тахте. За стеной телевизор. Показывают «В мире животных». Звук стал громче, потому что дверь приоткрыл отец.

— Юрий, не обижайся на меня,— сказал отец.

Но это было не все. По умиротворенному виду Юры Александр Александрович догадался, что операция «Рыба», видимо, закончилась успешно. Почему бы сейчас не сделать сыну приятное — вскользь, небрежно, как что-то малозначащее, не сказать, например, такое:

— Костя, наверно, обрадовался, когда ты ему рыб привез?

Юра чуть вздрогнул. Молчал, соображая.

— Как, кстати, называются эти чертовы рыбы? — еще небрежнее спросил Александр Александрович. Он полагал, что сын столь же небрежно скажет что-нибудь наподобие «люминофоры», зевнет, повернется на бок и тем закончит разговор. Но сын молчал. А сам думал, думал. «Славик! — осенило его.— Это он Славику соврал насчет рыб тогда на станции... Соврать и сейчас?» «Промолчи,— посоветовал ЮАГ.— Скоро все само собой откроется».

Отец, помедлив, вышел. «Мальчишка, кокетка,— думал он, усмехаясь.— Скромник! Уклоняется от разговора. Но все равно молодец!»

А ЮРА, ЛЕЖА НА ТАХТЕ, ПОГНАЛ СВОЙ НЕВИДИМЫЙ МЯЧ С ПТИЧЬЕГО РЫНКА — ПОГНАЛ НАЗАД. В тот самый четверг, когда они, уже осмелев, снова играли в футбол под окнами.

— Голова, пас! — кричал Пашка.

Но Юра увидел возвращавшегося с циклопной ловли дядю Костю и подбежал к своему новому другу поздороваться.

— Физкульт-привет,— сказал тот.— Твой заказ выполнен,— и, улыбаясь, повертел рукой, словно размешивал чай.— Зайдем?

Неторопливо вошли в подъезд. Около почтовых ящиков Константин Петрович остановился и достал газету. Они уже поднимались по лестнице, как Юра весело закричал:

— Вы письмо уронили! Наверно, из Австралии.

Поднял и подал письмо. Костя так и прилип к нему глазами.

— Вот это номер! — произнес он то ли радостно, то ли испуганно и побежал вверх по лестнице. Прямо-таки помчался. Лихорадочно открыл дверь, вбежал в комнату и плюхнулся в кресло. Юру не замечал. Торопливо, как попало разорвал конверт и стал читать.

Юра тактично отвернулся и стал разглядывать свободную от аквариумов стену комнаты. Здесь висело очень много странных фотографий. Одни были не в фокусе, на других передний план застилали сучья, смазанные фигуры пешеходов. И везде обязательно присутствовали молодая красивая женщина и мальчик. Вот она сидит в сквере,

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

а он возле нее приостановился с велосипедом. Вот он стоит с сумками у булочной — видимо, ждет мать. Вот он ест мороженое на фоне Большого театра — того, что в Москве,— а мать ему внушает что-то педагогическое...

Хозяин квартиры отложил письмо. Посмотрел на Юру, как впервые его увидел. И возбужденно заговорил:

— Знаешь, это письмо от нее... От жены... От бывшей.

— Хорошо, что она написала,— подсказал Юре ЮАГ такие слова, а про себя Юра подумал: «Наверно, с новым мужем поссорилась, иначе бы не написала».

— Знаешь,— говорил, сильно волнуясь, дядя Костя,— знаешь, это все не так просто. Жили мы, знаешь, душа в душу... Вот она,— метнулся он к фотографиям на стене.— Хороша? Скажи... А?

— То, что надо,— ответил Юра, смутившись.

— А душа у нее какая! — продолжал дядя Костя.— И сын у нас, Юра, вроде тебя. Хороший он, Юра, мой парень. Вот послушай. Так... «В тебя пошел. Каждое воскресенье ездит на Калитниковский рынок. Увлекается дискусами...» Дискус, Юра, — это такая рыба. Распрекрасная, можно сказать. «Ездит он туда с дядей Васей, инвалидом, который ему какого-то особого самца обещал...» Эх, милые вы мои!

— Я бы на вашем месте сейчас бы прямо на самолет — и в Москву. А этому самому деятелю — по тыкве,— посоветовал Юра.

— Какому деятелю? А... Эх, Юра, ничего ты не знаешь!

— В поддых, потом в челюсть,— гнул свое Юра.

— Ладно, Юра, не глупи,— оборвал его Терновский.— На, получай обещанное,— и протянул Юре несколько чайных ложек из белого сплава.

УДАР — И ДРИБЛИНГ СНОВА ИДЕТ ПО ПТИЧЬЕМУ РЫНКУ. ТЕПЕРЬ ЮРА ПОВЕЛ МЯЧ ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ ВХОД.

Преодолев не особенно густую, но крикливую толпу голубятников, он вышел к аквариумным рядам и двинулся вдоль них. Найти в этой рыбно-человеческой массе инвалида, продающего дискусов,— вот что сейчас требовалось.

А как, кстати, узнаешь этих самых дискусов? Не станешь же спрашивать: «Это у вас случайно не дискусы?» Засмеют. Эх! Надо было у Кости выспросить, как они, эти распроклятые дискусы, выглядят!

Юра шел и прислушивался к разговорам:

— Трипафлавин? Трипафлавин у очкастого купим...

— Рекомендую — гибрид лялиуса и лябиозы,— внушительным басом просвещал полный дядька покупательницу.— Да вы посмотрите, дорогуля, какой получился самец! Это ж не самец, а народный артист! Козловский и Кобзон одновременно...

Сразу видно — человек веселый и не злой. Можно поговорить.

— А вы, случайно, не знаете, где здесь продаются дискусы? — спросил Юра у веселого.— Мне, понимаете, надо найти одного человека, родственника,— округлил он,— а я его никогда не видел. Знаю только, что инвалид и торгует дискусами...

— Лысый и продает меченосцев, не устроит? — неожиданно вмешался сосед веселого справа — видимо, тоже веселый человек. Он снял берет и показал, что он лысый.

Юра вежливо посмеялся и сказал с задумчивой досадой:

— Знать бы хоть, как выглядят эти самые дискусы...

— Как выглядят?— переспросил сосед веселого слева — тоже веселый человек.— Выглядят они так: во-первых, в полосатой тенниске,— взгляд его скользил по Юре,— волосы слегка кучерявые. Шнурок на левой кеде развязамшись.

Нарвался-таки на остряков!

Но первоначальный весельчак неожиданно спросил:

— Ферштейн зи дейч?

И с этими словами достал откуда-то красивую немецкую книгу. Полистал, поднес к Юриному лицу цветную иллюстрацию и прочел по-немецки: «Симфизодон дискус ин дер парунгспериоде». «Дискус в период нереста»,— перевел он.— Куке маль, майн либер фрейнд!

— Ты его слушай, он в этом деле профессор,— призвал Юру лысый.

Юра уже понял, что такое дискус. Жаль, в этой немецкой книжке нет портрета дяди Васи. А весельчак — уже и о дяде Васе:

— Сходи в тот конец,— неопределенно, но все же с некоторой ориентацией показал он рукой.— Наверно, там торгует твой онкель.

Все трое весело подмигнули Юре. Те, что по бокам,— было видно — гордились своим не только душевным, но и образованным другом.

Юра пошел, куда ему показали. Здесь тоже шла торговля. Унылый мужичок продавал трубочника. Этот червь в массе представлял собою серо-розовую лепешку, не подававшую признаков жизни. Но когда продавец время от времени трогал ее пальцами, она оживала — сжималась и разжималась, причем очень противно. Подошли двое покупателей — респектабельные молодожены. Унылый мужичок немедленно потревожил пальцами свой товар, и тот как бы вздохнул.

— Фу!— сказала она.

— Положите на сорок копеек,— сказал он.— Трубочник — люкс.

— Зря, девушка, морщитесь,— наставительно молвил продавец.— Не «фу», а одна из ступеней эволюции человека. Книжки надо читать.

Но молодую жену это испугало еще больше.

— Толик!— взмолилась она.— Уйдем отсюда...

А у дядьки уже новый покупатель объявился — невысокий, прихрамывающий.

— Все, Кузьмич, людей разоблачаешь?— добродушно сказал он.— А как же говорят: человек — это звучит гордо?

— Вон он звучит, твой человек,— проворчал Кузьмич, кивнув на одного из торгующих. Тот был чем-то недоволен и громко бранился. А потом переключился на рекламную волну. И тоже во всю мощь:

— Не ешь, не пей — купи гуппей. Гривенник штучка, полтинник кучка. Здорово, дядя Вась! — гаркнул он без всякого перехода, заметив хромого.

Юра вздрогнул.

Инвалид дядя Вася купил трубочника и пошел, перебрасываясь приветствиями со своими рыночными знакомыми. Вскоре он занял место у своей «ширмы», в которой... Ну, конечно же, плавали дискусы. Великолепные дискусы.

Юра довольно-таки решительно сказал:

— Дядя Вась, можно, я около вас постою? Я тут с Юркой условился.

— А стой, мне-то что,— разрешил дядя Вася.— Ты кто? Я тебя что-то не знаю. Юрку знаю, Мишку знаю, опять же Женьку. Ты покровский?

— Ну,— ответил Юра на всякий случай.

— Тоже любитель?— поинтересовался немного погодя дядя Вася.

— Знамо дело.

— Какими же ты, любитель, рыбами занимаешься?

— Да всякими,— ответил Юра уклончиво, но потом зачем-то добавил, вспомнив слышанное на рынке: — Ну, этими... Трипафлавинами.

Дядя Вася засмеялся. А с ним и люди, торговавшие по соседству. Причем дядя Вася ясно затянул смех в угоду своим коллегам. Юра даже обиделся. Но дядя Вася уже посерьезнел.

— Трипафлавин — это такое рыбье лекарство. Так что арапа мне не заправляй, любитель! Юрка твой вряд ли сегодня приедет. Нужен он тебе — езжай к нему.

— Если уж честно, то я и адреса его не знаю,— сказал Юра.

— Тогда обожди, вместе поедем. Я скоро пошабашу...

— А вот кому мотыль дохлый, мотыль полудохлый, совсем дохлый, самый дохлый,— кричал кто-то неподалеку.

Бывает, оказывается, и такая реклама.

Ехали в пригородной электричке — дядя Вася и Юрин тезка жили в Покровке, под Москвой. Дядя Вася дремал, всхрапывал, но потом спохватывался и подкачивал в «ширму» воздух оранжевой грушей. Разговаривали. Юра узнал, что его тезка живет с матерью, и поинтересовался, кто отец. Задремавший дядя Вася проснулся и выпалил:

— Капитан дальнего плавания.

В этих словах Юра вдруг почувствовал озорство.

— Вы его видели?— спросил Юра, но его спутник уже всхрапывал. Юра тронул его.

— Аюшки?— вскинулся тот.

— Видели, говорю, капитана?

— А... Капитана? Нет, не приходилось.— Приехали и стали прощаться. Дядя Вася показал Юре дорогу и забрал у него тяжелый деревянный чемоданчик с «ширмой», в которой плавали так до конца и не распроданные дискусы.

«Знаем мы таких капитанов! — рассуждал про себя Юра.— Слыхали. Или такое загнут: твой отец, мол, был летчик-испытатель и героически погиб. А в это время «летчик»... Да что говорить!»

Вот и Лесная улица, дом 25.

Напротив дома полянка, а на ней ржавые консервные банки, бумажки, посеревшие полиэтиленовые пакеты, провода в ярко-красной изоляции, кукла без головы, колесо от велосипеда. А дальше — благодать. Сосновый лес. Корабельные сосны — гигантские темные цветы на оранжевых ножках. У них на юге таких нет. Далеко заехал Юра Голованов...

И зачем он сюда заехал?

Гонял бы и гонял свой мяч. Устал — пожалуйста, вон она, тахта. Проголодался? А слышишь, как мать звенит посудой на кухне! Там же и отец — состоит нынче (по случаю возвращения сына) при мясорубке. Семья...

И, конечно, существует семья не для того, чтобы рассольник съесть, а на второе биточки. Или чтоб выцыганить деньги на кино. Костя вон как без семьи скучает, хотя сыт, одет. А Юра? Нет, невозможно Юре без папы и мамы. Не понимают, правда, они его, нервы по пустякам треплют, а он все им прощает. Привык к ним, что ли. Или любит?..

Может, и любит. Ну и ладно. Любит, не любит... Что там дальше-то у них было? Зачем он туда заехал?

ДАЛЕКО, ПОЧЕМУ-ТО ОПЯТЬ ДАЛЕКО НАЗАД ПОКАТИЛСЯ В ЭТОТ РАЗ МЯЧ ВОСПОМИНАНИЙ — Юра снова оказался в Костиной квартире.

А все потому, что глянул на стену над тахтой и еще раз увидел то, что созерцал уже много лет,— пластикового олененка, сосущего свою пластиковую мать. Оба — одни контуры. В общем-то красиво. «Трогательно»,— сказала мать. Может, и трогательно. Стоит вся эта штампованная из пластика любовь к природе две копейки. Две копейки — и вся любовь...

В пятницу Юра опять зашел к Терновскому. Решил поинтересоваться, не течет ли отремонтированный аквариум, да и просто поболтать.

Аквариум не тек, все было о'кей. Костя, как получил письмо из Москвы, слегка повеселел. И темы для разговоров находились. Терновский обвел рукой свое электрорыбное хозяйство и спросил:

— А скажи, нравится тебе все это? Интересно? Красиво?

— Еще бы! — ответил Юра с воодушевлением.— У вас тут прямо подводное царство. А как называется эта порода? — И ткнул пальцем в направлении ближайшего аквариума.

— Нет, брат, меня не проведешь! — засмеялся Константин Петрович.— Как зовут эту рыбу, тебе не интересно. Кому вот это дело, что называется, до фонаря, все в один голос говорят: «Подводное царство». Этакий штамп вежливого безразличия. Называется «дежурная вежливость». Материал — липа. Артикул № 287.

— Надо было, наверно, сказать: «У вас тут эстетически оформленный интерьер?» — предположил Юра.

Дядя Костя усмехнулся.

— Это уже и не липа, а синтетика какая-то. Наименование изделия: «Современный умник», материал — полистирол, артикул №... Неужели таким премудрым словам вас в школе учат?

— Учат,— вздохнул Юра.— Только я сам не знаю, что это значит.

Оба дружно засмеялись.

— Вот так и живем,— подытожил Константин Петрович.— Как говорится, каждому свое. Нет больше в нашем городе таких дураков...

— Да нет, почему,— учтиво перебил его Юра.— Вот у нас в классе тоже есть один — Витька Шпак. Тоже как вы.

— Тоже дурак?

— Да нет, я не в том смысле,— смешался Юра.

— Да ты не тушуйся! — рассмеялся дядя Костя.— Мы с твоим Шпаком действительно дураки. Вперимся в стекло — и смотрим, смотрим. А жизнь-то — она мимо, мимо. Да, брат,— грустно закончил он, но вдруг добавил: — А в общем-то, Юра, глаза бы мои на них не смотрели. Знаешь, как все оно тогда было? У меня, видите ли, впервые в мировой аквариальной практике размножался... ну там одна рыба. А жена с сынишкой на поезд опаздывали. Я им: «Счас, счас» — не хотел, понимаешь, прозевать этот самый исторический ихтиологический чертов момент... Спохватился — а она уже с ним, с пацаном, да еще со здоровенным чемоданом... Все. Отбыла.

— После этого вы и поссорились?

— С этого началось,— вздохнул Терновский.— Дальше — больше...

Юре от такой откровенности (а ведь как, наверно, болела Костина душа, если он с ним, с мальчишкой, так разоткровенничался!) стало совсем неловко, и он переменил тему:

— Вот вы говорили «дежурная вежливость»... Как это понять? Что тут плохого?

— Что плохого?.. Иногда дежурная вежливость бывает невыносимой. Представь: у одного человека дом сгорел, а другой к нему пристает и пристает: «Могу я чем-нибудь помочь? Могу я чем-нибудь помочь?», хотя прекрасно знает, что помочь ничем не может.

«А если может?» — подумал вдруг Юра, да так и задохнулся от приятного, жуткого предчувствия полной свободы дальнейших действий.

Это вам не «спасибо, что позвонили», это вам не «как вы себя чувствуете», это вам не «какое миленькое на вас бикини» — взволнованно и злорадно повторял про себя Юра. Это вам не «этический, эмоциональный, интеллектуальный», это вам не «современный интерьер», это вам даже не «чистота — залог здоровья» — валил он в кучу все: любезные, заботливые, «правильные», «культурные» слова, слышанные им от взрослых. Долго еще можно морочить голову этими — до последнего уже, кажется, предела осточертевшими (артикул номер сто чертей!) — словами-безделушками? Морочьте, но только не ему — Юрию Голованову, честному советскому футболисту. «Спеши делать добро» — говорите вы? А вот и поспешим. Вот тогда и посмотрим, кто «духовный», а кто «бездуховный»!

Именно в таком настроении пришел он в пятницу домой и заявил: «Я к бабе Нине в станицу поеду»...

УДАР — И ВООБРАЖАЕМЫЙ МЯЧ СНОВА У ПОДМОСКОВНОЙ ДАЧИ.

Из лесу вышел пушистый дымчатый кот, прыжками пересек поляну и мелкой трусцой побежал вдоль забора. Все правильно — и кошки тут другие, и разговор людей другой. Как-то суше здесь

говорят, тверже. Да... Далеко заехал Юра Голованов.

Кузнечики, однако, стрекочут так же...

Но к делу.

Юра раскрыл портфель, достал мяч, надул его, надел новенькие бутсы и стал сам с собой играть в футбол, обводя самого себя, передавая мяч самому себе и отнимая у самого себя. А вот и тезка — худенький мальчик со сросшимися, как у Кости, бровями. Поглядывает на Юру из-за забора, и непонятно, о чем думает.

— Чего смотришь? Иди, постукаем,— крикнул ему Юра Голованов.

Познакомились.

Юра назначил штангой пенек, а вторая штанга — портфель. Встал в ворота и крикнул:

— А ну!

Юра Икс стукнул, а Юра Голованов так оценил его удар:

— Удар у тебя плохо поставлен. Отец, небось, не дает тренироваться,— тут же начал он разведку.

Юра Икс промолчал.

— А ты наплюй,— продолжал свое Юра Голованов. Ему вдруг захотелось расшевелить своего несчастного, сиротливого тезку, утешить, просто рассмешить: он твердо уверился, что никакого отчима у Юры Икс уже нет.— Они все, отцы, нудные. Мой, знаешь, как начнет! Я не против того,— передразнивал Юра,— чтоб ты играл в футбол. Но если при этом в балансе разбитые стекла и жалобы жильцов... А то еще заведет про какую-то бездуховность. Надо, мол, что-то такое иметь за душой. Что-то такое, этакое, особенное,— издевался он.— Хобю, что ли, какую особую. Хобю, понял?

Юра Икс оценил шутку, но разговор не поддержал. Похоже, он вообще был молчалив. .

— Ладно, — сказал тогда Юра Голованов,— продолжаем отрабатывать удар,— и опять стал в воротах.

Юра Икс равнодушно бил по мячу. Иногда он вообще бил мимо ворот, но когда удар оказывался точным, Юра Голованов неизменно брал мяч. Удар! Неожиданно сильный и меткий. Но Юра взял и этот мяч, очень спортивно упав и выкатившись из ворот.

— А вот и вратарь,— вдруг раздался мальчишеский голос.

Юра встал. Несколько поодаль стояла группа ребят в футболках.

— Тебя как звать, парнишка?— продолжал тот, кто сказал, коренастый подросток в очках, видимо, капитан.

— Мария Ивановна,— ответил Юра.

— Остряк, а?— покровительственно похлопал Юру по спине очкастый, обращаясь к остальным.— Словом, так. У нас захандрил вратарь, а сейчас будет матч с артистами. Так что собирайся.

— С какими артистами?

— Да с садовых участков. Ты что, нездешний?

— Здешний,— нашелся Юра,— только недавно тут живу.

— Вратарь что надо! — одобрительно сказал кто-то из ребят.

— Вообще-то я центр,— неуверенно пробормотал Юра.

— Центр — это я,— гордо сказал очкастый.— Пошли.

— Тезка...— позвал Юра.

— К черту! — властно сказал очкастый.— Он нам не нужен.

— Ладно, пошли,— решился Юра и отдал тезке свой портфель.

И ВОТ НЕ ПОЙМЕШЬ, КАКОЙ МЯЧ В ИГРЕ — ТО ЛИ ВООБРАЖАЕМЫЙ, ТО ЛИ САМЫЙ ЧТО НИ НА ЕСТЬ НАСТОЯЩИЙ...

Что ж, матч, так матч. И, оказывается, на кубок какого-то профессора Милашкина. Скучновато: счет еще не открыт. У местных блестящая защита. Пару или, там, тройку раз Юра ловил мяч — слабый, вялый, словно случайно докатившийся до ворот. А вот вратарь артистов — класс! Не дает ему спокойно жить Богданов — тот самый, очкастый-коренастый. Обведет всех, потом словно перемигнется со своим правым краем: повторим, мол? А тот ему: повторим! Мяч у Богданова все же выхватывают из-под ног. Пас артистам. И тут впереди артиста сам словно мячик выпрыгивает, да так, будто из пустоты выныривает, тот самый правый крайний. И — пас Богданову. Удар!!! Ну, вратарь артистов, не умри. Нет, не умер. Взял.

Разозлился, наверное, Богданов, да и саданул за это кому-то из артистов по ноге. А вот это зря... Пострадавший корчился от боли на траве, пока его не унесли. За Юриной спиной — группка болельщиков. Сумбурно говорят, но понять можно: «Виктор Смаков». И его же почему-то именуют «дядя Гена». Бывает. Подковали, стало быть, тебя, дядя Гена...

Нет, вот он, дядя Гена! Здоровенный парень с усами. Выбежал на поле вместо пострадавшего. Он же, оказывается, и расплатится с Юрой за грехи Богданова — пробьет одиннадцатиметровый. Ну и ну!

— Долой! — закричали молодые болельщики местной команды.— Амбал с поля! На мыло Смакова! Дядя Гена, тебя невеста ждет!

А дядя Гена — ноль внимания. Зловеще, не торопясь, пристраивает мяч на траве.

— Теперь тебе хана,— послышался позади Юры чей-то сочувственный шепот.— У него жуткий удар. Смотри в оба.

— Давай, Витя-титя. Вмажь!— раздался грубый голос какого-то уже вполне взрослого, но не вполне хорошего человека.— На тебя смотрят Европа и Америка.

«А со мною вся моя страна»,— пришли вдруг Юре на ум, на подмогу слова из бравой милицейской песни, а сам он аж зазвенел всем телом от нетерпения.

Удар!!!

Юра взметнулся, и по нему садануло... Мячом это никак не назовешь — чугунное ядро. Вместе с ним он рухнул на землю и только по восторженным крикам болельщиков понял, что ворота спас.

До конца матча оставалось десять секунд, а счет так и не был открыт. Наверно, и у них полагается дополнительное время...

После финального свистка Юру окружила вся команда.

— Ну, выдал ты!— восхищенно говорил Богданов. Другие хлопали Юру по спине, жали руки. Подошел и сам профессор Милашкин с большим хрустальным фужером в руках. Профессор был очень стар.

— Хвалю, хвалю, молодой человек,— сказал он.— Вы затмили самого э... Хомяковича, э... Химича. Надеюсь вручить вам этот кубок.

Это он, наверно, о Хомиче — легендарном динамовском вратаре. Небось, и видел его, да забыл фамилию. Так ему и положено: профессор старый и рассеянный, весь в науке. Но Юре вдруг показа-

лось, будто и он сейчас, как Милашкин, что-то забыл. Но вот что? И почему он здесь? Костя!— будто новым ядром так и ударило его.

— Какое сегодня число? — спросил он.

— Ты опупел? — огрызнулся Богданов.

— Я серьезно.

— Пятнадцатое! — прямо в ухо прокричал ему Богданов.

— У Наполеона завтра обратный рейс...— пробормотал Юра.

— Ребя, чего это он?..— опешил Богданов.

— Я, пожалуй, пошел,— буднично сказал Юра.

— Что?! — заорал Богданов.

— Пошел.

— Да ты что, рыбу ел?!

Вокруг недоуменно и почтительно молчали.

— Дядю Гену боится,— засмеялся Богданов и оглядел всех.

— Ну, допустим даже так,— невозмутимо согласился Юра.

— Трус!— прямо в лицо ему проорал Богданов.

Юра размышлял.

— А, знаешь,— сказал он,— за такие слова можно и по организму.

— Осторожно, он боксер,— прошелестел сзади тот же заботливый шепот, что и перед одиннадцатиметровым.

— Сними очки, боксер,— так ответил Юра на эту заботу.

Богданов, улыбаясь, снял очки. Глаза его под очками оказались усталые, не страшные, даже, пожалуй, беззащитные.

«Эх, была не была»,— подумал Юра и вдарил.

Попал он, однако, в воздух, потому что Богданов, профессионально отреагировав, успел отклониться. И тут же последовал страшный, ослепительный удар в глаз. Юра бы упал, но его поддержали. Глаз моментально заплыл. Юра нашел в себе силы криво усмехнуться:

— Прощаю тебе по твоей младости. Хотел я, было, остаться, а теперь, как видишь, я не в форме. Будь здоров.

Уходя, он слышал неодобрительный гул в адрес Богданова. Но ему на все это было уже решительно наплевать.

И вот он снова у знакомой дачи.

Юра Голованов свистнул, и Юра Икс вышел.

— Заработал фингал? — отметил он.

— А! — отмахнулся Юра.— Дурак, что пошел с ними.

Дурак-дурак, а закрепил за собой репутацию местного жителя.

— Юра! — послышался женский голос.— Иди чай пить и зови своего товарища.

Юра Голованов медлил. Во-первых, фингал, а во-вторых... «Вот она, предательница,— думал он.— Костя страдает, а ей хоть бы что».

Юры Иксова мать сошла с террасы и приблизилась к ребятам.

— Меня зовут Ольга Николаевна,— сказала она, видимо, представляясь гостю.

Но гость промолчал. Прикрывая рукой фингал, он мрачно рассматривал красивую женщину, уже знакомую ему по фотографиям.

— Я не хочу есть,— сказал он наконец.— Я у себя на даче ел эти, пироги с сыром.

— С сыром? — удивленно переспросила Ольга Николаевна.

— С сыром,— мрачно повторил Юра.— Ну с творогом, значит.

— Интересно ты сказал,— заметила хозяйка дачи.— Здесь так не говорят. А что у тебя с глазом? Только не ври, что на дерево налетел!

— А я не люблю врать,— враждебно сказал Юра.— Заработал, значит, за дело.

— За правду пострадал? — все так же насмешливо выспрашивала она.

— Вы меня не пытайте,— сказал Юра.— Я и надерзить могу. За правду...

— Привет! — послышался сзади полувопросительный, смешливый девчоночий голос.

Юра повернулся и увидел младшую сестру хозяйки дома — он сразу это понял. Взрослая, высокая, а как девочка: то ли потому, что с челкой, то ли потому, что рыжая и в веснушках. Очень похожа на Юры Иксова мать, когда та была помоложе — на фотографиях у дяди Кости. Только рыжая и в очках. Она разглядывала Юру.

— А ты дерзкий, да? — спросила вдруг она удивленным и наивным голоском.— Ты и мне надерзить можешь?

«Одного поля ягода»,— подумал Юра, не зная, что ответить.

А рыжая уже шутила тоном ворчливой пенсионерки:

— Хорошая смена растет, ничего не скажешь.

— А я к вам в сменщики не набиваюсь! — брякнул Юра, да еще вдруг добавил: — На фига мне такая сменщица.

— Ой, верно! — восхитилась рыжая.— Дерзить ты умеешь.— И без всякого перехода произнесла теперь уже почтительно-опасливым тоном: — Будем знакомы. Меня зовут Капитолина Николаевна. А тебя?

— Тоже мне Николаевна! — еле слышно, смущенно проворчал Юра (нет, не располагала почему-то эта особа к имени и отчеству), но на вопрос ответил: — Юрий. Тезка вашего племянника.

— Так ты наш родственник! — непритворно обрадовалась рыжая.— Слышишь, Юра? — обратилась она к племяннику.— У тебя еще одна тетка объявилась. Или я ослышалась? — лукаво добавила она.

— Да ну вас,— смущенно отмахнулся Юра Голованов.

А рыжая Капитолина вдруг, как ни в чем не бывало:

— Ну, а чего вы не играете?

— У тебя есть какая-нибудь игра? — спросил Юра тезку.— Штанга или шахматы?

— Нет,— ответил Юра Икс.

— У нас есть настольный теннис,— сообщила Ольга Николаевна.

— Стола нет,— уныло возразил ей сын.

— Стол есть,— заявила вдруг Капитолина.— Тот самый, рококо. С моей виллы.

— Капа! — урезонивающе сказала старшая сестра.

— Я что-то не пойму,— сердито ответствовала младшая,— ты мне его подарила или как?

— Дурочка! Он же неподъемный.

Капитолина в ответ на это надула щеки и резко дунула, отчего густая, но легкая челка ее колыхнулась и снова легла на место. Проделав это, Капитолина чуть ошарашенно улыбнулась, словно очнулась от не очень серьезного потрясения.

Всем стало весело.

— Идем!— скомандовала Капа.

Все двинулись в глубь участка. За основным домом оказалась «вилла» — небольшой домик-времянка. А в нем искомый стол: старинный, массивный, из целикового орехового дерева.

— Стол эпохи Людовика Четырнадцатого из родового поместья Туган-Барановских,— неожиданно голосом экскурсовода объявил до того молчавший Юра Икс.

«Грамотный малый,— то ли с уважением, то ли с неудовольствием подумал Юра Голованов,— Трудно будет договориться».

— Ну, вы, слабосильная команда! Не зевай, тетушка! Оля! Ну-ка, дружно взяли!..

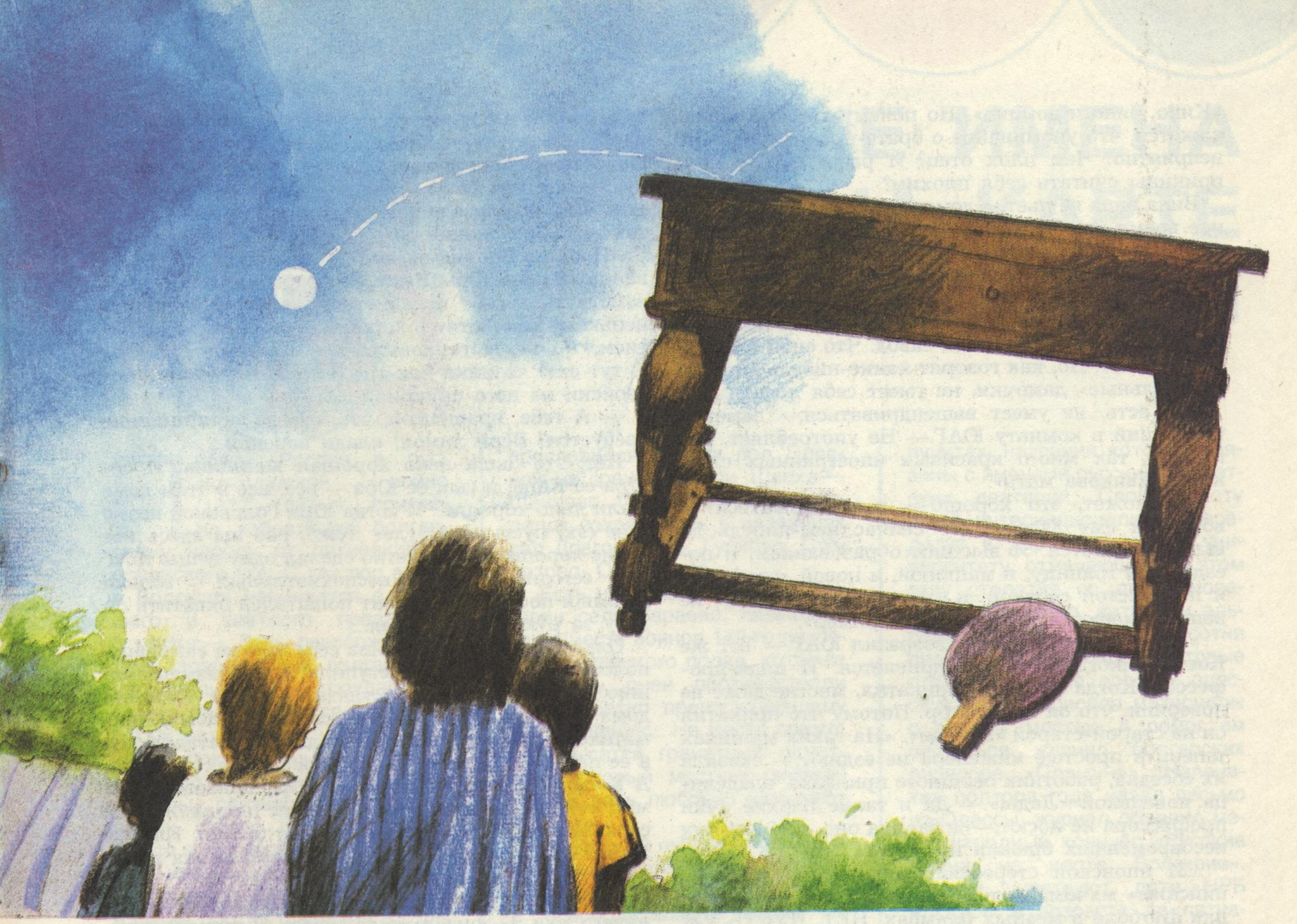
И, похоже, от ее слов у всех прибавилось сил. Особенно у Юры Голованова. Отчего бы это? Да смешно подумать — от звонкого Капиного голоса, от ее насмешливого взгляда снизу вверх, сквозь челку, когда она, присев, ловко отчиняла вторую половинку двери.

По габаритам стол идеально подходил для пинг-понга. Только слишком уж он был шикарным. И, наверно, очень старинным — весь в резьбе, в бронзовых шишечках, завитках. Наверно, когда-то за ним обедали очень богатые люди, и то, пожалуй, по большим праздникам. Такой стол в наше «время стрессов и страстей», которое «мчится все быстрей», просто не успели бы сделать. Старый стол-аристократ, однако, смолчал, когда прямо к его живому благородному телу прикрепили сетку. И даже тогда, когда по нему заскакал твердый белый шарик.

Игра началась: справа — Юра, слева — Капитолина, судья — Юра Икс, зритель — Ольга Николаевна.

Юра с удивлением смотрел на гибкую фигуру Капитолины. Когда он, отражая ее удар, пульнул шарик в кусты акации — лишь бы отбить, рыжая Капа, не успел Юра глазом моргнуть, сама сиганула за шариком.

«Такая вот ерунда — пинг-понг, а сколько веселья,— думал Юра, отбивая шарик.— Р-раз! — Похоже, скучно тут у них, если они так веселятся. Даже такой шикарный стол вытащили.— Р-раз! — Живут одни, «капитан» давно отчалил.— Р-раз! — Пора действовать: пойдем, Юрий Константинович.— р-раз! — Прогуляемся, поговорим за жизнь...»



Эту партию выиграл Юра — все же спортсмен, да и помоложе. Однако взмок. С Юрой Иксом он справился в два счета. «Пора действовать»,— решил он и сказал:

— Ну, хватит, наигрались. Что будем делать?

— Пошли в дом,— предложил Юра Икс.

Вот и хорошо, там и поговорим. Сначала о доме, потом о родителях — маме и папе, который, говорят, был капитаном, а затем...

Они вошли в дом, пошли по коридорчику, а Юра Голованов все холодел и холодел. Сначала он увидел в передней огромное штурвальное колесо, приспособленное под вешалку, потом люстру, сделанную из небольшого трехлапого якоря. Вошли в гостиную, и Юра совсем поник: стены были увешаны морскими акварелями, а самое главное — фотографиями очень бравого и очень обаятельного моряка. Прочие снимки не стоило и рассматривать: слишком отчетливой была их тематика: групповые снимки моряков, корабли, виды иностранных портов... А вот сразу вся семья — капитан, Ольга Николаевна и Юра Икс.

На столе лежал кокосовый орех, лежал и кичился своим нездешним видом: волосатостью и гигантскими размерами. Юра, однако, все это стерпел. Он даже кивнул небрежно на настенные снимки:

— Отец?

— Да,— ответил Юра Икс.— Завтра из рейса вернется,— сказал и покраснел от удовольствия, связанного с произнесением слова «рейс», а также с мыслью, что любимый папа вот-вот приедет.

— А где же твои аквариумы? — спросил Юра, еще на что-то надеясь. Он вдруг подумал: «А туда ли я заехал?»

— Пошли, покажу,— сказал Юра Икс и потащил куда-то своего невезучего тезку. Юра рассматривал и не видел каких-то рыб, слушал и не слышал тезкины объяснения с частыми повторами: «а этих папа привез», «а этих тоже». Он грустно глядел на сросшиеся у переносья брови Юры Икса и вяло размышлял: «А может, все это враки? Поди проверь, вернется капитан или нет...»

Но нет, какие уж тут враки. У Юры Икса был новый отец, причем со Знаком качества. А Костя, будь он хоть человек с большой буквы, хоть с очень большой буквы, конечно, не капитан. А если и капитан, то не дальнего и даже не ближнего, а комнатного плавания. Все его море разлито по стеклянным посудинам, и плавают в них никакие не акулы, а мелкие, несерьезные рыбки. Правда, он крупный специалист по сплавам.

А, может, и не крупный...

ЮРА ПРЕРВАЛ СВОЙ ДРИБЛИНГ и задумался, лежа на тахте.

А что, если бы дядя Костя был мелким специалистом по изготовлению мелких гвоздей? Был бы он тогда мелким человеком, как тот занюханный торговец трубочником на рынке, или нет? Или как «мелиоратор»? Тот, кстати, не бог весть какая, а все же шишка... Думал, думал Юра и решил: нет! Кем бы Костя ни работал, он все равно остался бы Костей.

А если взять отца? Некоторые почему-то считают, что он, Юра, непременно должен пойти по стопам дяди-профессора. Для таких смешных дамочек, как Стефаненкова, словом «профессор» сказано все и более того. Профессор — это, конечно, не Евгеньич с пятого этажа. Тот сам определил свой жизненный курс — дурашливо, но четко:

«Кино, вино и домино». Но почему же Юре порой кажется, что упоминание о брате-профессоре отцу неприятно? Чем плох отец? И разве есть у него причины считать себя плохим?

Вина папа не пьет, в домино не играет. В свободное время рисует, занимается в изостудии. Здоровый — и по врачам не ходит, и может при случае какому-нибудь хаму врезать. Смелый. Когда заболеет инкассатор, папа в нарушение правил оседлает «газик», сунет за пазуху «кольт» и сам доставит получку на свой огромный завод. Что еще? Умный, много знает. Но, как говорят какие-нибудь «интеллектуальные» дамочки, не умеет себя подать...

«То есть не умеет выпендриваться,— заметил вошедший в комнату ЮАГ.— Не употребляет, например, так много красивых иностранных слов, как Славикова мать».

«А, может, это хорошо — выпендриваться? — возразил ему Юра.— Все сейчас чем-нибудь да выпендриваются. И высшим образованием, и поездкой за границу, и машиной, и новой «стенкой», и породистой собакой, и... Некоторые, правда, не выпендриваются. Евгеньич, например».

«Нет, этот не в счет,— возразил ЮАГ.— Тот же Костя никогда не выпендривается. И дядя-профессор. Когда он к ним прикатил, многие даже не поверили, что он профессор. Потому что прикатил он на старой-старой «Победе». «На таких машинах теперь и простые инженера не ездиют,— сказала их соседка, работник овощного прилавка, владелица новенькой «Лады».— Да и такие плохие очки профессора не носют,— добавила она.— И в таких несовремённых брюках не ходют».

...И японской стереосистемой, и «ультраолимпийским» мячом, а один мальчик даже ботинками для футбола в медных блямбах. НЕТ, ПУСТЬ УЖ ЛУЧШЕ ДРИБЛИНГ ВОСПОМИНАНИЙ ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ.

Юра Икс, заметив невнимание гостя, замолчал и с удовольствием занялся кормлением рыб. В дверь постучали. Это оказалась Капа.

— Еще раз привет! — снова прозвучал ее удивленный и полувопросительный голосок.— Мальчики, к вам можно?

Она, оказывается, тоже решила завести рыб и пришла к племяннику за консультацией. Начался длиннейший и теперь уже даже неприятный для Юры Голованова разговор. Но не заткнешь же уши!

— А как корм для мальков лялиуса? — спрашивала, в частности, Капа.— Еще не изобрел?..

Про «сухой корм для мальков лялиуса» Юра уже слышал из письма, которое зачитывал Терновский. Как говорится, мне бы ваши заботы... Эх, съесть бы сейчас какого-нибудь корму!

Не успел подумать, как дверь приоткрыла Ольга Николаевна и позвала всех пить чай. В этот раз Юра не отказался. Тем более что чай — это было только название. Юре подали две большие котлеты с картофельным пюре и с продольной половинкой свежего, с грядки, огурца. Котлеты были только с огня — они тихо переговаривались друг с другом. Картофельное пюре добродушно молчало. Огурец же всем своим видом неожиданно дал понять: «Лето кончается — вот уже и семенные огурцы появились. Быстро время летит. Торопись, Юра, торопись».

Перешли непосредственно к чаю. Хозяйка поставила на стол небольшой блестящий прибор странной формы — в центре его было углубление в виде мыльницы. Ольга Николаевна положила туда лимон и с изящной неловкостью опустила на него решеточку, состоявшую из острых ножей. Ножи прорезали лимон, а вместе с ним и «мыльницу» — она вся была в тонких, еле заметных щелях. Лимон оказался разрезанным на множество тонюсеньких экономных долек, но не распался.

«Папа из Японии привез»,— подумал Юра Голованов голосом Юры Икса. Он старался раскрутить, взметнуть в себе ненависть к этому благополучненькому семейству с хорошо отлаженным чаепитием, но не вытанцовывалась что-то ненависть. А тут еще хозяйка как-то совсем уж хорошо, по-свойски на него прикрикнула:

— А тебе, правдолюб, что, особое приглашение требуется? Бери лимон, клади варенья...

Нет, это была явно хорошая женщина. И сестра ее Капа, и сын ее Юра — все, все в этом доме были явно хорошие. И тогда Юра Голованов назло себе (эх, пусть мне будет хуже, раз вы здесь все такие хорошие!) незаметно сделал одну вещь. ЮАГ был сегодня какой-то неспохватливый — только в самый последний момент попытался схватить он Юру за руку, да не успел...

Ольга Николаевна налила себе чаю из самовара, положила сахару и приступила к его размешиванию, но ложка прямо на глазах исчезла. Хозяйка дома ничего не говорила, медлила — долго и внимательно рассматривала-разгадывала оставшийся в ее пальцах маленький плоский кусочек металла. А Капа — та просто обомлела. Юра Голованов замер, стиснув зубы и плотно сплетя пальцы,— сам себя заковал в тесную, неудобную броню. Как он жалел о своей шутке! Но Ольга Николаевна вдруг очень просто сказала:

— Сплав Вуда. Плавится при температуре горячего чая...— она вылила чай в полоскательницу, взяла другую ложку и, наклонив чашку, выкатила из нее большую металлическую каплю, похожую на ртуть.— Вот он уже и застыл.— Перевернула ложку, и из нее вывалился небольшой, похожий на блесну слиточек. Он твердо стукнулся о скатерть.

Юра Икс, взяв его, переводил глаза с матери на гостя, с гостя на мать. Он ничего не понимал.

Но хозяйка и Юра Голованов, похоже было, поняли друг друга. Хорошо это было или плохо, Юра еще не знал. Ясно было одно: сейчас нужно исчезнуть. Что-то пробормотав, он подхватил портфель и быстро сбежал с террасы при общем молчании.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ПЛАНЕТА ДЕТЕЙ

РУССКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ БОЛГАРИИ

Победа России в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.) принесла избавление болгарскому народу от пятивекового османского ига. С тех пор весна в Болгарии начинается с большого и светлого праздника. 3 марта — День освобождения. День возрождения болгарского национального государства. Нынче он отмечается в сто десятый раз.

Из поколения в поколение передаются традиции братской дружбы, связывающей народы наших стран. Дружбы, родившейся в совместной борьбе против иноземных поработителей более века назад и закаленной в битве против фашизма в годы Великой Отечественной войны.

В Болгарии многое напоминает о подвиге русских воинов. Памятник «Братьям-освободителям» в столице страны Софии. Монумент Свободы на Шипке, горном перевале, героическая оборона которого вошла в легенду. Мавзолей в память погибших под Плевной. Подвиг освободителей увековечен в названиях населенных пунктов, парков, улиц, площадей и школ.

Успешно действовали на болгарской земле воинские соединения во главе с Драгомировым, Гурко, Столетовым, Скобелевым.

Дивизия Михаила Ивановича Драгомирова первой форсировала Дунай летом 1877 года. Иосиф Владимирович Гурко с передовым отрядом совершил поход за Балканы, командовал отрядом гвардии под Плевной, с семьюдесятью тысячами солдат преодолел в зимних условиях Балканские горы, занял Софию и при содействии болгарских и сербских войск разбил турок под Филиппополем (ныне — Пловдив). Николай Григорьевич Столетов командовал болгарским ополчением, руководил обороной Шипки. А Михаил Дмитриевич Скобелев прославился в боях под Плевной, в сражении при Шипке — Шейново. Память об их ратных делах сохранилась в названиях сел Драгомирово, Гурково, Столетово, Скобелево.

Есть на северо-востоке Болгарии село Зараево, названное так в честь воинов 140-го пехотного Зарайского полка, которые двадцать дней противостояли десятикратно превосходившему их противнику. На месте сражения высится гранитный памятник, который местные жители по сей день любовно называют Русским.

Известный публицист и общественный деятель Иван Сергеевич Аксаков непосредственно в освободительной войне не участвовал. Но он долгие годы возглавлял Славянский благотворительный комитет в Москве, который много сделал для политического и культурного сближения русского и болгарского народов. Немалую роль сыграл Иван Сергеевич в формировании болгарского ополчения. Так что появление села Аксаково неподалеку от черноморского порта Варны тоже не было случайным.

После второй мировой войны на карте Болгарии прописались город Толбухин, село Чапаево. Город назван в честь видного советского военачальника, Героя Советского Союза, Героя НРБ маршала Федора Ивановича Толбухина. Селу же Царски Извор новое имя Чапаево дано в память об известном партизане и организаторе антифашистской борьбы Стефане Недялкове, который в годы войны был известен под псевдонимом «Чапаев».

Об этих и других городах и селах, об их прошлом и настоящем расскажут в альбоме «Русские имена на карте Болгарии» кидовцы 121-й школы Одессы. Им удалось собрать сведения более чем о пятидесяти болгарских населенных пунктах, названия которых связаны с именами русских и советских деятелей. Свою работу юные интернационалисты передадут в дар Софийскому университету, отмечающему в этом году столетие со дня основания. Собственно, авторами альбома могут считать себя и сотни пионеров-димитровцев, которые откликнулись на просьбу одесских ребят, прислав материалы о родных местах. А помог им связаться журнал болгарских пионеров «Пламъче». Напечатав полтора года назад письмо из Одессы, журнал объявил международный конкурс «Русские имена на карте Болгарии». В нем участвуют дети НРБ и СССР в возрасте до пятнадцати лет. На конкурс принимаются историко-художественные и документальные материалы, снимки, рисунки, рассказывающие о русских и советских революционерах, военачальниках, деятелях культуры, чьи имена носят населенные пункты и другие объекты на территории Болгарии. Конкурс рассчитан на несколько лет. Итоги подводятся ежегодно 3 марта — в годовщину освобождения Болгарии от османского ига.

Такая вот большая и интересная акция выросла из скромной инициативы кидовцев 121-й одесской школы.

Н. АЛЕКСЕЕВ.

Для тех ребят, которые захотят принять участие в международном конкурсе «Русские имена на карте Болгарии», сообщаем, что победителей ждут награды — болгарский компьютер, путевки в пионерские лагеря Болгарии и СССР, специальный вымпел, дипломы Географического общества Академии наук СССР. Материалы нужно высылать по адресу: НРБ, София, 1000, бульвар «Толбухин», 51, редакция журнала «Пламъче».

Дебора Девис — американская детская писательница, которая живет в городе Кэмден в штате Мэн. Кстати, в этом штате жила и Саманта Смит, имя которой, мы уверены, известно каждому нашему читателю.

В прошлом году Дебора Девис приезжала в СССР. Она была участницей советско-американского похода за мир. Тогда же писательница пообещала рассказать читателям журнала «Пионер», как непросто было ей собрать средства на эту поездку и какое впечатление произвели на нее встречи с советскими людьми.

И вот мы получили рукопись — страницы из дневника Деборы Девис. Прочтите их, и вы почувствуете, что простые американцы тянутся к миру. Как и мы. Как и большинство людей в других странах. Потому-то и были с таким удовлетворением и надеждой восприняты повсюду результаты поездки Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева в США в декабре 1987 года, подписание советско-американского договора о полной ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Сделан первый, пусть небольшой, но важный шаг на пути к безъядерному миру. Этот шаг — наша общая победа. Победа всех миролюбивых сил планеты.

Дебора ДЕВИС

Вместе — дорогой мира

Кэмден, Мэн, 1 марта 1987.

3700 миль через всю Америку прошла моя подруга Моника с участниками Великого марша мира! Сегодня она показала мне фотокарточки и слайды, снятые во время этого девятимесячного путешествия, в котором участвовало более пятисот взрослых и детей. Люди жили в палатках, готовили по очереди еду, даже организовали для пятидесяти детей школу на колесах. Все у них было, как в любом американском городке,— и мэр, и городской совет. Множество встреч в пути, и всюду беседы о необходимости ядерного разоружения и прекращения испытаний новых видов оружия, о путях мирного разрешения конфликтов. Я подумала: какой же это чудесный способ сказать «Нет войне», встретить новых друзей и еще попутешествовать!

Кэмден, Мэн, 10 марта.

Сегодня Моника сообщила мне, что летом Марш мира пройдет и в Советском Союзе. Как здорово! Я тоже хочу быть там! Моника дала мне адрес участников Великого марша из Калифорнии, это они при помощи Советского комитета защиты мира организуют советско-американский поход за мир.

Кэмден, Мэн, 20 марта.

Ну и длиннющая же анкета! Организаторы похода задают массу вопросов. Почему я хочу стать участницей Марша? Чего от него ожидаю? Где возьму деньги на дорогу в Россию и на еду? Что буду делать, когда вернусь в родной город после похода?

Я совсем немного читала об СССР — несколько романов, пару книг по истории. В некоторых американских фильмах русских показывают часто людьми несчастными, которые только и думают, как бы переехать в США. Трудно поверить, что все советские люди таковы, но такими уж их показывают у нас в кино и описывают в газетах... Как хочется встретиться с ними лицом к лицу и самой узнать, правда это или нет.

Участие в походе станет моим гражданским действием против гонки ядерных вооружений. Я буду встречаться с людьми, которых называют моими «врагами». Как могут советские люди быть моими врагами, если я их даже не видела? А когда я их узнаю, не окажутся ли они вместо этого моими друзьями?

Где взять деньги на поездку? Хорошенький вопрос. Ну, во-первых, у меня масса друзей и родственников. В нашем городке многие знают меня по работе с подростками из трудных семей — этим я занималась до того, как стала писательницей. Еще: я всегда покупаю продукты в одних и тех же магазинах, их владельцы за пять лет тоже хорошо узнали меня. Думаю, что если объяснить всем этим людям, почему я хочу участвовать в Марше, они помогут собрать необходимые 2 тысячи 500 долларов.

Чего я жду от самого Марша? Предполагаю, что некоторые советские люди будут к нам настроены дружески, но большин-

ство все-таки предпочтет держаться от нас подальше. Мы для них, наверное, будем казаться необычными, а может быть, они вообще будут бояться разговаривать с нами.

Кэмден, Мэн, 4 апреля.

Я пишу это, сидя на Скале — в одном из моих самых любимых уголков на берегу океана. Я прихожу сюда, чтобы подумать и побыть одной.

Я еще не знаю, поеду ли я. Сегодня у меня «день сомнений». Денег пока очень мало. К тому же я десять лет не была за границей. Я так привыкла к родным местам, что попросту боюсь покидать их!

Но самое большое сомнение: достойна ли я стать участницей Марша. Нужно всего двести человек, а желающих отправиться в СССР гораздо больше. Кто я такая в конце концов? И какое у меня право просить людей помочь мне оплатить это месячное путешествие? Что я привезу им взамен?

Кэмден, Мэн, 8 апреля.

Я еду в СССР! Я — участница советско-американского похода за мир!

Как много нужно сделать! С чего начать? С денег? Или закончить сперва работу, которую необходимо сдать до отъезда? Срочно учить русский язык? Почитать о советских людях и правительстве? Начать собирать вещи? Интересно, каким журналам и газетам предложить статьи о походе? Сколько фунтов багажа можно брать с собой? А сколько мне понадобится фотопленки? И опять — где на все это набрать денег?

Кэмден, Мэн, 30 апреля.

Восемьдесят писем друзьям с просьбой о денежной помощи заставили меня потрудиться и посомневаться, но игра стоила свеч. Каждое утро бегаю к почтовому ящику. Иной день — пусто, а иногда приходит по четыре-пять переводов!

Кэмден, Мэн, 8 мая.

В доме все вверх дном. По крайней мере десяток друзей, которые хотят помочь, но не могут дать денег, привезли нам с Моникой книги, одежду, инструменты, кухонную утварь и другие им не очень нужные вещи. Скоро придут Моника и Энн, чтобы помочь мне разложить все это хозяйство на лужайке перед домом. Завтра мы устраиваем ярмарку-продажу. Надеюсь, что многие откликнутся на объявление, которое я дала в газету, и на плакатики, развешанные по городу.

Кэмден, Мэн, 15 мая.

Сегодня я занималась миллионом мелочей — купила тетрадь для записей, батарейки для фонарика, перочинный ножик, ручки, носки, в общем, все необходимое для похода. Вдруг я задумалась: а как советские участники готовятся к Маршу? Наверное, так же покупают батарейки и фотопленку? А продаются ли эти мелочи в Советском Союзе? Может быть, как я и Моника, берут в последний момент уроки языка? Интересно, так же тяжело им дается английский, как мне русский?

Я представила себе советскую сверстницу, которая волнуется, что спать в спальном мешке будет холодно... И вдруг люди, которых я скоро увижу, стали для меня реальными людьми, а не просто «советскими».

Кэмден, Мэн, 3 июня.

До отъезда осталось всего четыре дня, а я сижу и плачу. Своих друзей Мери и Гордона я не видела больше пяти лет и только что получила от них чек на пятьдесят долларов. Это уже третий крупный перевод за эту неделю, и, прибавившись к предыдущим, они подвели меня к заветным двум с половиной тысячам долларов!

Еще новость: Даг прислал мне тринадцать катушек фотопленки, а потом позвонил какой-то его знакомый из компании по производству обуви и сообщил, что они решили подарить мне пару хороших туристских ботинок. Теперь у меня есть все необходимое.

Еще один разговор: хозяин бюро путешествий сказал мне, что русским доверять нельзя. Потом все-таки добавил: «Ну, не знаю уж, как улучшить отношения между Россией и Америкой... По крайней мере то, что ты собираешься сделать, повредить не может никак. А глядишь, даже и на пользу пойдет».— Сказав это, он подарил мне чек на 20 долларов.

Лизбург, Вирджиния, 12 июня.

Голова идет кругом. Я так занята, что времени на дневник практически не остается.

Сегодня мы пытались все вместе определить — что же делает нас американцами. Ну и работка! Ведь Америка — это такая невероятная смесь самых разных культур. Кажется, мы не так сильно привязаны к родной земле, как русский народ. А может быть, именно смешение разных культур и делает нас американцами?

Группа у нас очень разнообразная. Самый молодой — Диллон, ему лишь десять месяцев. Франклину, самому старому, почти 80 лет. Двадцати семи участникам Марша еще нет двадцати. В нашей группе — учителя, врачи, студенты, домохозяйки, музыканты, фотографы и пенсионеры (среди них — пять ветеранов второй мировой войны). Мы представляем 28 штатов США и еще три страны — Канаду, Новую Зеландию и Западную Германию.

Одна отважная двенадцатилетняя девочка решилась поехать в СССР без родителей! Правда, за ней есть кому присмотреть: двадцатишестилетняя Лаура согласилась стать «официальной» наставницей Миры (так зовут девочку). На меня решительность Миры произвела огромное впечатление, ведь когда мне было двенадцать лет, я даже толком не знала, что такое ядерное оружие, и уж тем более не пыталась сделать что-либо, чтобы не допустить его применения.

Ленинград, 17 июня.

Я ужасно рада оказаться наконец в Ленинграде, но меня немного смущают размеры нашей группы — 230 американцев и по крайней мере 120 советских участников. Сам поход еще, кажется, не начался, так как мы ведем себя, как обычные туристы, а не как участники Марша мира. Ленинград прекрасен, как мне и предсказывали, и единственное, о чем я жалею, так это о том, что у меня не целый месяц, а всего два часа на осмотр Эрмитажа.

За ужином я огляделась и легко отличила русских от американцев. Советские люди одеваются аккуратнее, чем мы! Мы в каких-то ярких майках и фуфайках, джинсах и шортах,

На этот снимок обратите, пожалуйста, особое внимание. Почему? Да потому, что на нем — автор того самого дневника, который вы сейчас читаете. Знакомьтесь — детская писательница из американского города Кэмден ДЕБОРА ДЕВИС.

а они — в брюках и юбках, отглаженных рубашках и пиджаках. Мы — в спортивных тапочках и сандалиях, они — в туфлях, а некоторые женщины даже на высоких каблуках. Наши прически — тоже более «дикие», особенно если сквозь коричневые волосы пробивается несколько зеленых прядей! А наши головные уборы! Здесь и береты, и соломенные шляпки, и кепки с козырьками, и красочные ковбойские платки — «банданы». Наверное, самая странная одежда в нашей группе — майки с нарочито неаккуратно оторванными рукавами и воротом, не говоря уже о футболках, исписанных друзьями, которые помогли нам сюда приехать...

Тосно, Новгородская область, 18 июня.

Моим соседом по автобусу стал Алан из Ташкента. Он очень терпеливый учитель русского языка, и я пытаюсь этим воспользоваться, когда есть время. В основном мы рассказываем друг другу о себе, рисуем дома, в которых живем, обсуждаем работу и любимые занятия в свободное время.

Местность под Ленинградом очень напоминает мне родной штат Мэн. В северном Мэне тоже хвойные леса, а на Атлантическом побережье в центре штата, где я живу, растут такие же белые березы.

Дома и деревни, которые мы проезжаем, тоже напоминают

Фотографии автора

мне о Мэне, там точно такие же садики вокруг каждого домика. У нас также выращивают картофель, лук, помидоры и другие овощи. И в садах так же много фруктовых деревьев.

Новгород, 20 июня.

Тридцать или даже пятьдесят тысяч человек вышло на улицы, чтобы встретить нас в Новгороде! Я сама видела многих из них, стоящих вдоль улиц на протяжении нескольких километров. А вот до центра города я так и не добралась. Одна из женщин пригласила меня в гости на чашечку чая. Она довольно много произносила неизвестных мне русских слов, но я горжусь, что по крайней мере «дом» и «чай» поняла.

Мне было очень интересно побывать у Елены. Дома она познакомила меня с мужем и с шестилетней дочкой Инной.

Чай мне Елена предложила не сразу. Сначала на столе появились курица, яйца с укропом под майонезом, овощи в очень вкусном соусе, а еще хозяйка нарезала замечательного русского черного хлеба.

Елена живет в четырехкомнатной квартире, которая, по ее словам, больше средней в городе, но мне комнаты показались маловатыми. Мой четырехкомнатный дом почти в два раза больше!

В разговорах с советскими людьми, не знающими английского, я уже привыкла полагаться на переводчиков. А тут и группа, и переводчики были далеко. Елена же совсем не говорила по-английски! В течение трех часов мы всеми силами пытались как можно больше узнать друг о друге. Я вспоминала все известные мне русские слова, мы рисовали картинки, показывали цифры на пальцах. Мы постоянно хохотали, потому что два взрослых человека, говорящие на разных языках и пытающиеся объясниться при помощи жестов, выглядят довольно смешно.

Новгород, 21 июня.

Я опять была в гостях у Елены и на этот раз взяла с собой в качестве переводчика Джеймса. И — немного пожалела об этом. Я узнала много интересного из жизни Лены — где она работает, где родились ее родители и тому подобное, но сегодня я почему-то не чувствовала того сердечного контакта, что вчера.

Через какое-то время Джеймс устал переводить и все просто заговорили по-русски. Тогда я взяла цветные карандаши и стала играть с Инной — здесь особых слов не требовалось. Она познакомила меня с Мишей, своим плюшевым медвежонком. Мы прекрасно понимали друг друга, ведь в иных ситуациях слова просто не нужны.

И Елена, и Инна плакали, когда я уходила. Мне тоже было грустно, но я сдержалась.

Валдай, Новгородская область, 24 июня.

Нас везде так тепло встречают! Я не ожидала, что столько людей оставят свои дела только для того, чтобы увидеть нас. И уж, конечно, я никогда не думала, что они будут дарить нам цветы, открытки, игрушки, книги, платки, чудесные расписные деревянные ложки и многое, многое другое.

Меня окружили человек тридцать и начали расспрашивать прямо посреди улицы. «Где вы работаете? Сколько получаете? Сколько у вас стоит сходить к врачу? А дети у вас есть?»

Поначалу я разнервничалась. Но они были так доброжелательны, так хотели услышать мои ответы! Кажется, они думали то же, что и я,— как это важно встретиться и поговорить с «врагом» лично. Эти люди хотели выяснить, верно ли то, что они знали или слышали о моей стране.

Торжок, Калининская область, 25 июня.

Сегодня одна старушка, стоявшая у обочины вместе с другими, обняла меня. Она сперва крепко прижала меня к себе, а потом начала говорить сквозь слезы. Всех слов я не поняла, но «два сына», «блокада Ленинграда» — это разобрала. Слезы этой русской женщины тоже в переводе не нуждались. Двух сыновей потеряла она на войне, а сегодня благодарила меня за участие в походе мира.

Я чуть не расплакалась вместе с ней. До приезда в Советский Союз я не понимала, что страх войны в этой стране более значителен, чем у нас. Ведь на нашей земле большой войны не было никогда! Эта старая женщина помогла мне понять и почувствовать русский народ.

Солнечногорск, Московская область, 30 июня.

Я уже не знаю, кто из какой страны. Все участники похода обменялись майками, шапками и кепками, платками и значками, так что со стороны все выглядят одинаково. И улыбаются все тоже одинаково.

Москва, 7 июля.

Самым важным событием стало, конечно, шествие участников Марша по Красной площади. Там нас было человек пятьдесят — русских и американцев, и мы несли перекрещенные флаги наших стран. Это был один из чудеснейших моментов моей жизни. Единственное, что сможет с этим сравниться, — это если таким же Маршем пройти вокруг Пентагона или Белого дома в Вашингтоне.

Трудно поверить, но завтра мы летим домой. Я с нетерпением жду этого, чтобы рассказать о своих встречах и приключениях друзьям и родственникам, но и расставаться со множеством новых друзей тоже очень печально. Когда я их увижу теперь, да и увижу ли вообще?..

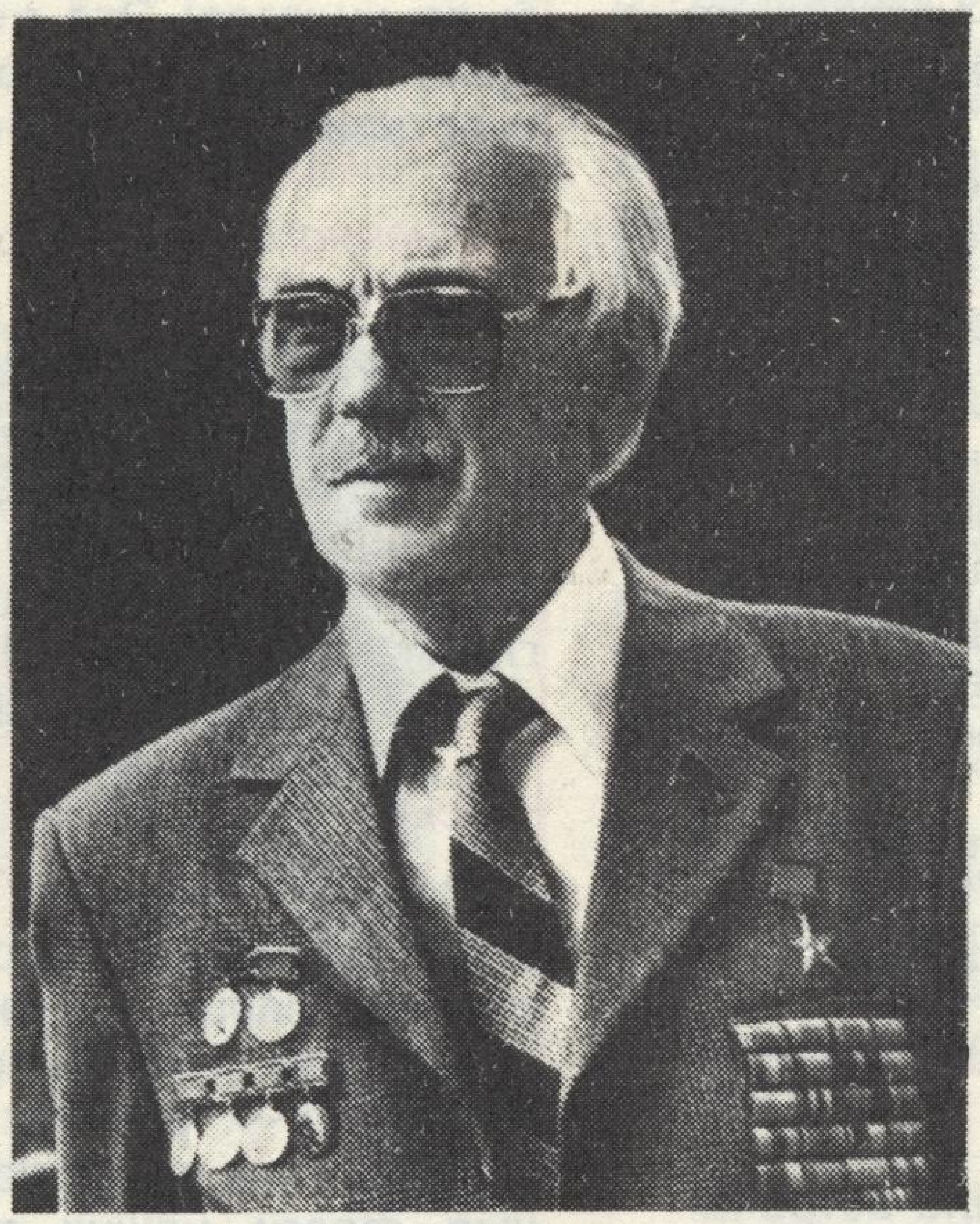
Кэмден, Мэн, 1 сентября.

Позвонила Элен, чтобы поблагодарить за мою статью о советско-американском походе за мир в газете «Мэн Таймс». Она сказала, что плакала, когда читала. Она уже четвертая, кто мне об этом говорит. На следующей неделе я буду показывать слайды и рассказывать о Марше ученикам средней школы «Тодди Понд». Может быть, кому-то из школьников тоже захочется встретиться с советскими людьми и участвовать в борьбе за мир, как мне, когда я впервые увидела слайды Моники и услышала ее рассказ.

Я надеюсь, что если советские люди и американцы будут больше общаться друг с другом, война станет невозможной...

Перевод с английского А. ОРЛОВА.

К 75-летию Сергея Владимировича Михалкова



Кто не знает Сергея Владимировича Михалкова? Без преувеличения — знают все. Известнейший писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, действительный член Академии педагогических наук, кавалер международного детского ордена Улыбки, Сергей Владимирович посвятил свою жизнь, свой талант детям. О популярности Михалкова говорит хотя бы тот факт, что общий тираж некоторых его изданий составляет 195 миллионов экземпляров. Книги писателя переведены на 38 языков. Но Сергей Владимирович Михалков — это еще и наш, «Пионерский» писатель. Он член редколлегии журнала, многие, многие его стихи, басни, пьесы увидели свет на страницах журнала «Пионер». А дядя Степа! Если бы этот любимый литературный герой имел свидетельство о рождении, то там бы значилось: 25 апреля 1935 года, «Пионер» №7. На фотографиях в том памятном номере в роли Степана Степанова, симпатичного молодого великана, — сам Сергей Владимирович. Причем на одном из снимков дядя Степа спит. На переднем плане — огромные, «сорок пятого размера», ботинки. Ноги лежат на двух табуретах. Помните: «Спать ложился дядя Степа — ноги клал на табурет»...

Когда сейчас готовили к печати этот номер журнала, были совершенно уверены, что все читатели «Пионера» захотят поздравить Сергея Владимировича с юбилеем, и могли бы просто сказать: «Редакция «Пионера» и миллионы его друзей поздравляют Михалкова с 75-летием!» Но мы решили сделать иначе: вышли на улицы Москвы, отправились в другие города и попросили тех, с кем встречались, сказать несколько слов о любимом писателе. Вот что мы услышали...

«Когда мне было 5 лет, я впервые познакомилась с творчеством Сергея Михалкова. Конечно, это был «Дядя Степа». Потом мне подарили книжку басен «Коты и мыши». Это была очень красивая и веселая книга, населенная самыми разными животными. Здесь были дальновидная Сорока и разборчивая Кошечка, легкомысленная Синица за границей и жадная Ворона, ленивый начальник Енот и хмельной Заяц-хвастунишка... Под видом этих животных Михалков высмеял плохие черты человеческого характера, и от этого, мне кажется, люди должны становиться лучше. Потом я прочла много других произведений Сергея Михалкова, в том числе и новых басен. Эти книги стоят у меня на самой нижней полке. Я всегда могу открыть их и перечитать. А увидев в жизни таких людей, я вспомню героев басен и улыбнусь».

Оля ДАВЫДОВА, 5-й класс, Москва.

«В нашей районной библиотеке книги Сергея Михалкова представлены и на русском, и на литовском языках. Его произведения пользуются неизменным спросом у ребят. Литовским детям, так же, как и русским, так же, как и детям других национальностей, населяющих нашу страну, дорог добрый великан дядя Степа, другие любимые герои и персонажи. Ребята декламируют главы из «Дяди Степы» на школьных праздниках, многие стихи поэта знают наизусть. В этом году мы заказали для фондов библиотеки новые книги Сергея Михалкова на русском языке».

Д. Ф. ТАУГИНАЙТЕ, зам. заведующего библиотекой Таурагского района Литовской ССР.

«В первом классе знакомые с раннего детства стихи Сергея Михалкова я увидел на страницах учебника. Помню, здорово обрадовался: я теперь сам смогу эти стихи прочесть! Может, поэтому я так полюбил читать. Это увлечение хочу передать дочке. Ей пять лет. И ее первые книги — это тоже книги, написанные Сергеем Михалковым. Они помогут дочери научиться по-своему воспринимать окружающий мир. А пьесы Михалкова! Ведь это тоже целый захватывающий мир. Считаю Сергея Владимировича одним из основателей детского театра в нашей стране».

С. А. ГРАЧЕВ, военнослужащий.

«У нас в доме есть старая зачитанная книга 40-х годов — «С. Михалков. Стихи». Ее читали и бабушка, и мама, и я. Все мы знаем наизусть многие стихи Михалкова из этой книги, даже бабушка, которая не перечитывала ее, наверное, лет двадцать.

Любимый наш герой, конечно же, дядя Степа. Главное в этом человеке не то, что он самый высокий, а то, что самый добрый, смелый, находчивый и веселый. Именно эти качества привлекают к нему людей всех поколений. Дядя Степа — человек на все времена!»

Андрей ГОЛУБЕВ, 4-й класс, Москва.

«Начиная с трех лет мои дети на слух воспринимали стихи Михалкова и знали их полностью. Самым любимым было: «Мы едем, едем, едем в далекие края...». Это стихотворение дети инсценировали, отправлялись в веселое путешествие со своими куклами и зверюшками. Моя дочь, уже будучи учителем, как и я, с увлечением читала стихи Михалкова своим ученикам. А главное, на глазах у ребят рисовала персонажей из стихов, басен, рассказов писателя. Так они еще лучше их запоминали. Внучка моя, тоже учительница, со своим классом ставит пьесы Михалкова. Многие стихотворные строки С. В. Михалкова можно использовать как поговорки, которые подходят к любым случаям жизни.

Я, моя семья и наши ученики сердечно поздравляем Сергея Владимировича с юбилеем!»

Л. И. АГАФОНОВА, заслуженный учитель РСФСР, г. Брянск.

Сергей МИХАЛКОВ

КЛАД, или У каждого барона своя фантазия

ПЬЕСА С КУПЛЕТАМИ
В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ, ПЯТИ КАРТИНАХ

Действующие лица:

ШУРИК БАРОНОВ, СТАСИК, ВЕРА, СВЕТА — друзья, 10—12 лет
ИВАН САВВИЧ БАРОНОВ — дед Шурика
ЕЛЕНА ИВАНОВНА — его жена
ПЕТРУШКИН — сосед
УЧАСТКОВЫЙ
ИВАНОВА, ПЕТРОВА, СИДОРОВА — сослуживцы Баронова
ГЛАВНЫЙ ПИРАТ, ВТОРОЙ ПИРАТ, ТРЕТИЙ ПИРАТ, ЧЕТВЕРТЫЙ ПИРАТ — морские разбойники

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Первая картина

У КОСТРА

Полянка на краю леса. Друзья: ШУРИК, СТАСИК, ВЕРА и СВЕТА расположились вокруг костра. Вдали видна излучина реки с высоким берегом. Все затаив дыхание слушают рассказ Стасика.

СТАСИК *(продолжает рассказ)*. Это был пират из пиратов! А уж какой у него был вид! Страшно представить.

ВЕРА. Какой?

СТАСИК. Он весь, как обезьяна, зарос густыми черными волосами. Все лицо, начиная от глаз, и вся грудь... И спина! Одежда у него была в пятнах от крови. Платье порвано и зашпилено булавками. Грязное тело пропахло потом, ромом и порохом. На густой черной бороде он заплетал маленькие косички с лентами и заправлял их за уши, а перед боем он надевал через оба плеча по широкой ленте, и на них висело по три пистолета! Под шляпой он закреплял два горящих фитиля, которые свисали по обе стороны его ужасного лица. Глаза у него были злые и жестокие. Это был самый отчаянный и беспощадный морской разбойник! Страшилище!

СВЕТА. Как его звали?

СТАСИК. Его звали Эдвард Тич, а прозвище у него было «Черная Борода». Его прикончил в бою старший лейтенант английского военно-морского флота Роберт Майнард.

ВЕРА. Расскажи, как это было!

СТАСИК. Может быть, на сегодня довольно?

СВЕТА. Нет, нет. Расскажи!

СТАСИК. Ладно. Тогда слушайте!

ВЕРА. Только, пожалуйста, поподробнее.

СТАСИК. Значит, так... Этому Роберту Майнарду строго-настрого приказали изловить Тича —

Черную Бороду. 17 ноября 1712 года пирата и его команду окружили в бухте Охракоке, где они стояли на якоре. Это был страшный бой. Меткий ружейный и пистолетный огонь сразу лишил отважного лейтенанта двадцати человек, убитых и раненых. Черная Борода и четырнадцать его разбойников ворвались на борт военного корабля, и тут разгорелась последняя ожесточенная схватка. Майнард и Тич выстрелили одновременно из своих пистолетов. Тич был ранен. Затем они стали драться на саблях. Когда у лейтенанта сломалась сабля и пират приготовился нанести ему смертельный удар, один из военных моряков тяжело ранил Тича в шею. Но Черная Борода продолжал драться. Он свалился лишь от меткого пистолетного выстрела лейтенанта, сразившего его насмерть. На теле пирата насчитали 25 ран, пять из которых были огнестрельными. Старший лейтенант Майнард, который тоже был ранен, приказал отрубить Тичу голову и повесить ее на рее...

ВЕРА *(не сразу)*. Стасик! Откуда ты все это знаешь? И так подробно!

СТАСИК *(с чувством превосходства)*. Я же книги читаю!

СВЕТА *(неожиданно)*. Что же это мы о пирате говорим, а про картошку забыли. Она, наверное, давно уже спеклась.

(СВЕТА разгребает золу и достает печеную картошку. Ребята, обжигая пальцы, разбирают картошку.)

СВЕТА. Еще бы немножко, и она совсем бы сгорела!

СТАСИК. А вот кто скажет, почему вкуснее печенной в костре картошки ничего нет? Дома ее тебе и нарежут, и нажарят, и картофельные котлеты, и пюре, а так, как в горячей золе, не получается! Ведь совсем другой вкус! Света, посоли мне!

СВЕТА. Ты спрашиваешь, почему? А потому, что мы ее сами напекли!

ВЕРА. Стасик, ты сколько картошек заложил?

СТАСИК. Двенадцать. По три на брата. Мало?

ВЕРА. Я не это хотела сказать. Двенадцатой картошки не вижу.

СТАСИК. Пошарь в золе.

ВЕРА *(шарит веточкой в золе)*. Вот она! Совсем обгорела!

СТАСИК. Вкусней будет. *(Обжигая пальцы, чистит картошку.)*

СВЕТА *(ШУРИКУ)*. А ты чего, Барон, грустишь? Чего грустишь, я спрашиваю?

ШУРИК *(неожиданно)*. А моего дедушку вчера акула съела!

(Ребята переглядываются. Большая пауза.)

СТАСИК. А ну, повтори, что ты сейчас сказал! Повтори! Мы что-то не расслышали.

ШУРИК *(невозмутимо)*. А моего дедушку вчера акула съела.

СТАСИК. Ты что, опять?

ШУРИК. Ничего я не опять.

СТАСИК. Как могла твоего дедушку съесть акула? Объясни!

ШУРИК. Очень просто, она же хищник! Сколько людей они перехватали!

СТАСИК. Где?

ШУРИК. Ну, там, где они попадаются.

СВЕТА. Какая акула? Где она его съела?

ВЕРА. Вот именно. Где?

ШУРИК *(невозмутимо)*. В реке.

СТАСИК. В какой реке?

СВЕТА. В нашей реке?

ШУРИК. В нашей. Вон там! *(Показывает в сторону реки.)*

СТАСИК. Барон! Не дури! Откуда тут у нас может появиться акула? Объясни!

ШУРИК *(пожав плечами)*. Не знаю. Заплыла откуда-то.

СТАСИК *(настойчиво)*. Откуда она могла заплыть?

ШУРИК. Наверное, из моря.

СВЕТА. Из какого еще моря?

СТАСИК. Ты географию учил? Отсюда до ближайшего моря, знаешь, сколько?

ШУРИК *(не понимая)*. Чего сколько?

ВЕРА. Ну, километров. И чего ты опять прикидываешься!

ШУРИК. А реки на что? Они же впадают в моря. Волга, например, впадает в Каспийское море.

СТАСИК. Хорошо. Сейчас мы тебя разоблачим. Вернее, не тебя, а все твое вечное вранье. Неужели ты не понимаешь, что мелешь нелепости?

ШУРИК. Дедушка всегда говорил, что вся жизнь состоит из нелепостей.

ВЕРА. А ты видел сам, как его схватила акула? Видел?

ШУРИК. Как я мог видеть? Он меня с собой на реку не взял.

СТАСИК. Ладно. Допустим, что твоего дедушку съела какая-то сказочная акула. А тогда объясни, почему ты здесь сидишь такой спокойный и уравновешенный, как будто ничего не случилось? Да еще выбрал себе три самые большие картошки!

СВЕТА. Я видела сегодня твою бабушку, и она не плакала.

ШУРИК. Она держала себя в руках. Она фронтовичка.

СТАСИК. А ты заявил в милицию?

ШУРИК. Нет.

СТАСИК. Почему?

ШУРИК. Они бы мне все равно не поверили.

СТАСИК. А мы, значит, должны тебя слушать и верить! Ты будешь нам лапшу на уши вешать, а мы, значит, должны реагировать?

СВЕТА. Окончательно ты заврался, Барон! С тобой что-то происходит.

(Ребята поют:

Несешь ты, Шурик, явный бред:
Акула есть, а деда нет!
Барон Мюнхгаузен и тот
В своих рассказах меньше врет.
Хоть все мы тут твои друзья,
Но верить нам тебе нельзя!)

СТАСИК. Ребята! Смотрите! Вон там идет его дедушка! С акулой в ведерке!

(Все смотрят. Человек в высоких резиновых сапогах и с удилищем через плечо приветливо машет ребятам издалека рукой. Ребята смеются.)

СТАСИК *(ШУРИКУ)*. Ну? Видел? Узнал своего дедушку?

ШУРИК *(невозмутимо)*. Узнал. Значит, спасли.

Большая пауза. Ребята многозначительно переглядываются.

СВЕТА *(ШУРИКУ)*. Ты действительно самый настоящий барон Мюнхгаузен!

ШУРИК. Может быть, только я не барон. Я Баронов.

СТАСИК. Сидишь, мелешь черт знает что, а мы должны верить!

ШУРИК. А вы не верьте, кто вас заставляет?

ВЕРА. Но ты же так серьезно рассказываешь, врун несчастный!

ШУРИК. Я не врун.

СВЕТА. А что же тогда?

ВЕРА. Он фантазирует.

СВЕТА. Хорошенькие фантазии! Вообще никогда не знаешь, что у тебя в голове.

ШУРИК. А я вот не только знаю, но даже вижу, что у тебя в голове.

СТАСИК. Ты что, рентген? Просвечиваешь? Да?

ШУРИК *(упрямо)*. Не просвечиваю, а просто вижу и — все! Я вообще в этом году с вами учиться не буду, в другую школу перехожу.

СТАСИК. Куда же это ты собираешься переходить?

ШУРИК *(невозмутимо)*. В спецшколу для одаренных детей.

СВЕТА. Какой же это у тебя неожиданно дар открылся?

СТАСИК. Смотрите, пожалуйста, среди нас есть одаренный! Какая у тебя способность? Врать и фантазировать?

ШУРИК. Я всех вас вижу насквозь!

СВЕТА *(давясь от смеха)*. Что ты говоришь? Насквозь?

ШУРИК. То, что слышишь!

СТАСИК. Как же это ты можешь видеть насквозь? Как?

ШУРИК. А вот так: смотрю и вижу!

СТАСИК. Ну, что ты, например, сейчас видишь? Смотри на меня!

ШУРИК *(серьезно смотрит на живот СТАСИКА)*. Вижу, как бьется твое сердце, как у тебя кишки ворочаются.

СТАСИК. Ну, ты и даешь, Барон! А то, что в моих кишках, тоже видишь?

ШУРИК. Конечно, вижу. У тебя намечается расстройство желудка.

СТАСИК. Откуда ты знаешь?

ШУРИК. Я же вижу! Ты вчера зеленых груш наелся. Я одну маленькую грушку почти целиком вижу. Даже с хвостиком. В цвете вижу. Как по телевизору.

СТАСИК. Ну, Барон, смотри! Твое вранье до добра не доведет!

СВЕТА *(иронически)*. И ты собираешься с этим своим спецвидением в спецшколу. Да таких и школ-то нет!

ШУРИК. Странные вы люди! Не было, а теперь открыли. Вы читали в газете про парнишку, который одним своим взглядом все поджигал. Как куда взглянет — там пожар. Тоже чудо природы.

СТАСИК. Постой, постой! Но ведь его же не в спецшколу направили, а в спецбольницу. Может, и тебе там место приготовили? Для проверки.

ШУРИК. Ничего, ничего! Скоро вы обо мне узнаете!

(Ребята поют:

И до каких же это пор
Молоть ты будешь всякий вздор?
Никак тебя не разберешь,
Когда ты шутишь или врешь!)

ШУРИК *(поет):*

Во мне фантазия сидит,
И мной она руководит.
Как не понять вам до сих пор,
Что я не враль, а фантазер!
Что я великий фантазер!

СТАСИК *(поднимаясь)*. Пошли, ребята! А то он нам еще какую-нибудь фантазию преподнесет. Затаптывайте костер, чтобы от лесника не попало.

(Ребята затаптывают еще теплющуюся золу костра. Только ШУРИК стоит в стороне, не принимая в этом участия.)

СТАСИК. Смотрите, Мюнхгаузен задумался! Пошли!

Хоть все мы тут твои друзья,
Но верить нам тебе нельзя.

(Ребята, напевая, уходят. ШУРИК продолжает стоять, в задумчивости вороша веточкой потухшую золу.)

Вторая картина

КЛАД

Небольшой домик на садовом участке. Верандочка. Появляется ИВАН САВВИЧ. Он в явном возбуждении. Бросает портфель на стол.

ИВАН САВВИЧ *(зовет)*. Лена! Елена Ивановна! Лена! Где ты там?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(появляясь в дверях)*. Здесь я. Что случилось?

ИВАН САВВИЧ *(указывая на соломенное кресло)*. Лена, сядь!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Ну, я села. Что с тобой? Что случилось? Что-нибудь потерял?

ИВАН САВВИЧ. Наоборот, нашел! *(Вытирая платком лоб.)* Лена, ты мне веришь?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. В каком смысле?

ИВАН САВВИЧ. В самом прямом. Ты мне, своему мужу, с которым прожила сорок лет, веришь или нет?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(замявшись)*. Ну, верю. А что?

ИВАН САВВИЧ. Если бы я что-нибудь нашел, ты могла бы подумать, что я от тебя это скрою?

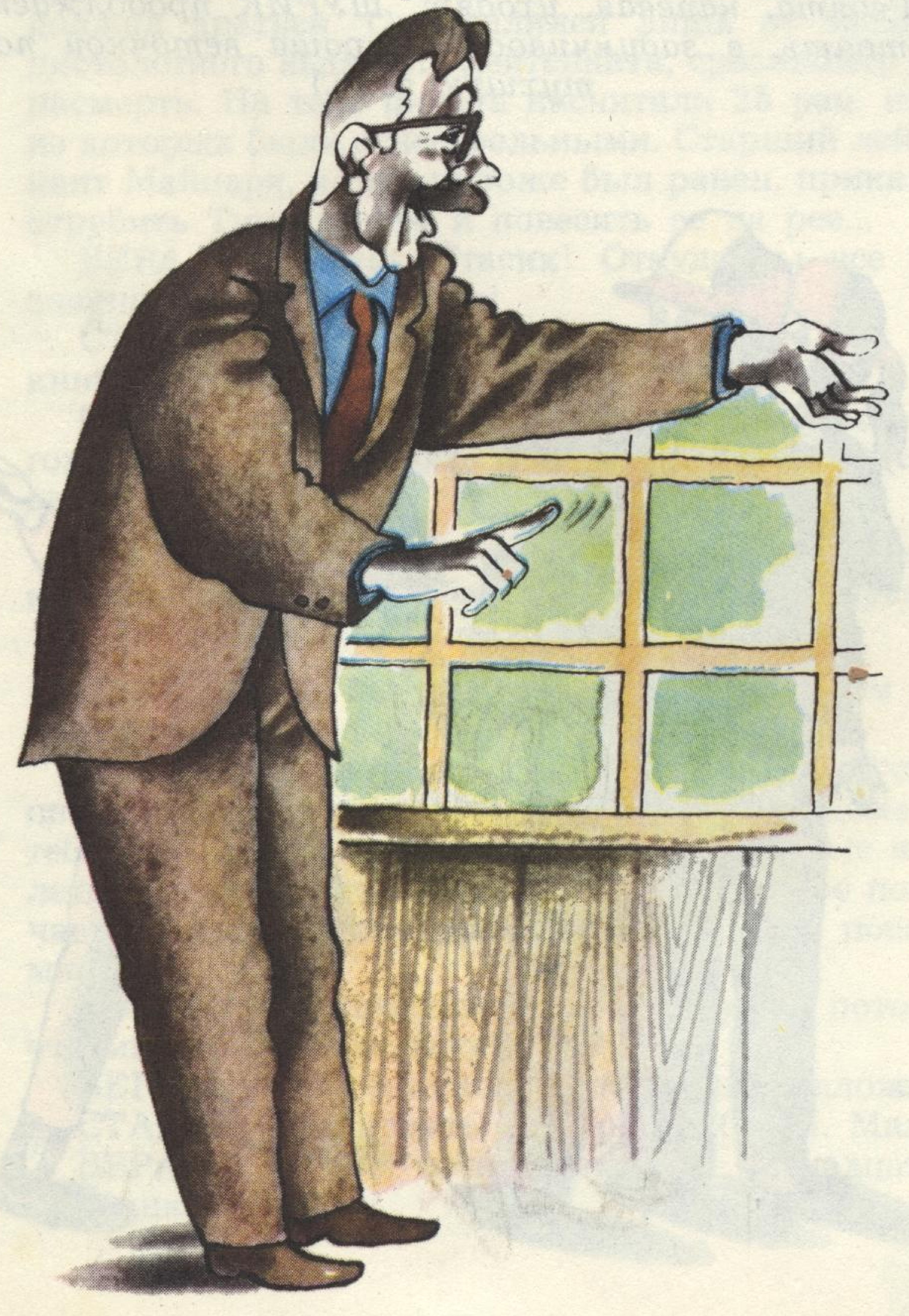
ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А что ты нашел?

ИВАН САВВИЧ. Нет, ты раньше ответь на поставленный вопрос. Ты могла бы поверить, что я от тебя могу что-то скрыть?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(не сразу)*. Не знаю. Если что-то по службе... секретное...

ИВАН САВВИЧ. Я не о секретном говорю. Да я ничего секретного и не знаю. Я и на войне-то в пехоте был. Ты мне скажи, я от тебя что-нибудь когда-нибудь скрывал? Отвечай! Смотри мне в глаза!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Кажется, нет. А что случилось, Ваня? Что произошло?



ИВАН САВВИЧ. Представь себе, что я нашел клад!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Какой клад?

ИВАН САВВИЧ. Обыкновенный клад. Допустим, золотой.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Когда ты нашел этот клад?

ИВАН САВВИЧ. Не знаю. Очевидно, на днях.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. То есть как это ты не знаешь, если ты его нашел? Где ты его нашел?

ИВАН САВВИЧ. Не знаю, где я его нашел. Нет, как это тебе нравится? Я нашел клад и утаил его. А? Каково? Похоже это на меня? Утаил!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. От кого утаил? От меня?

ИВАН САВВИЧ. От всех! Нашел золотой клад и утаил его, вместо того чтобы сдать, как положено, государству и, как положено, получить свои законные двадцать пять процентов.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я ничего не понимаю, Ваня! Какой клад? Какие проценты? Да расскажи мне все по порядку!

ИВАН САВВИЧ. Я ему говорю, если бы я нашел клад, первой об этом узнала бы моя жена Елена Ивановна. У меня от нее секретов нет!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Кому ты это говоришь?

ИВАН САВВИЧ. Кому, кому... Валентину Сергеевичу!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Валентину Сергеевичу? Романюку, что ли?

ИВАН САВВИЧ. А то кому же? Вызывает меня, понимаешь, сегодня перед обедом к себе в кабинет, приглашает сесть. Я сажусь. Не понимаю, зачем я ему понадобился. План мы сдали вовремя. Задолженности за мной нет. Сидим мы друг против друга, молчим. Он на меня смотрит, улыбается. А потом вдруг говорит: «Везет же людям!» Я опять ничего не понимаю. Тогда он, прямо так, в лоб, спрашивает: «Вы, Иван Саввич, советские законы знаете?» «Какие законы?» — спрашиваю. «А те,— отвечает,— в которых говорится, что гражданин, нашедший клад, обязан его сдать государству и получить законно свои двадцать пять процентов наградных. В противном случае он совершает уголовное преступление. Вы что,— спрашивает,— ждете неприятностей?» «Помилуйте,— говорю, — Валентин Сергеевич, о каком кладе идет речь?» «Не знаю,— отвечает,— что вы там нашли, но к нам поступил сигнал».— И достает из папочки бумагу. Протягивает мне, и я читаю, что там написано.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Что же там было написано?

ИВАН САВВИЧ. А вот что! Я слово в слово запомнил, что там было написано. «На садовом участке Бароновых найден золотой клад. Нашедший утаил его и не пошел сдавать клад куда следует. Видимо, владелец клада лишен элементарной гражданской совести. Прошу проверить и привлечь».

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(неожиданно, после паузы)*. Ну и что ты теперь намерен делать? Сдавать или не сдавать?

ИВАН САВВИЧ *(с возмущением)*. Лена! Что ты мелешь? Что я должен сдавать, если мне нечего сдавать!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А ты, правда, ничего не находил? Ты уж мне скажи. Вместе и решим, что делать.

ИВАН САВВИЧ. Ну, Лена! Ну, Елена Ивановна! Ну, ты и даешь! Да неужели я бы тебе не сказал, если бы действительно я что-нибудь нашел? Разве это на меня похоже?

ИВАН САВВИЧ *(поет)*.

Живем с тобой мы сорок лет,
Так ты мне веришь или нет?
Спокойно прожил я свой век —
Я че-е-естный человек!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(поет)*.

Тебя я знаю, как никто,
Ты не соврешь мне ни за что!
Спокойно прожил ты свой век —
Ты че-е-стный человек!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Я безусловно тебе верю, ты мне в свое время даже про свою знакомую все рассказал, как ты с ней познакомился и в кино с ней ходил... Когда она тебе надоела.

ИВАН САВВИЧ. Нашла что вспомнить. Я уж забыл, как ее звали.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Вероникой Павловной ее звали. Я помню. Она мне до сих пор иногда снится. И все в гробу...

ИВАН САВВИЧ *(думая о своем)*. Нет, ты только подумай, я нашел клад! На нашем участке! Да еще золотой! И какой пакостник об этом просигналил нашему начальству! И как теперь проверить, что мы ничего не находили!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Пусть нас обыщут!

ИВАН САВВИЧ. Этого еще не хватало! Чтобы весь поселок об этом узнал?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Да ведь, наверное, и так уж знают, если написали. Не знаю, Ваня, что и посоветовать!..

ИВАН САВВИЧ *(поет)*.

Узнал я час тому назад,
Что я нашел какой-то клад!
Да клад к тому же не простой,
А зо-ло-той!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(поет)*.

Как могут люди говорить,
Что ты его задумал скрыть!
У нас ведь даже нет лопат,
Чтоб на участке вырыть клад!

ИВАН САВВИЧ *(поет)*.

А клад не сдашь — пойдешь под суд,
И адвокаты не спасут!
Спокойно прожил я свой век —
Я че-е-стный человек!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(поет)*.

Ты получаешь свой оклад,
Зачем тебе какой-то клад?
Спокойно прожил ты свой век —
Ты че-естный человек!

(Появляется ПЕТРУШКИН.)

ПЕТРУШКИН *(приподнимая соломенную шляпу)*. Добрый вечер, Иван Саввич! Здравствуйте, Елена Ивановна!

ИВАН САВВИЧ *(мрачно)*. Привет, Митрофан Гаврилович!

ПЕТРУШКИН. Я вижу, вы уже огородились?

ИВАН САВВИЧ. Огородились, огородились.

ПЕТРУШКИН. А я все никак штакетник не завезу. К моему участку сейчас не проехать. Мосток развалился, так, пока его починят, лето пройдет.

ИВАН САВВИЧ. Понимаю.

ПЕТРУШКИН. Я мимо шел, дай, думаю, зайду дальних соседей проведать. У вас телевизор работает?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Мы его еще не привезли.

ПЕТРУШКИН. А то сегодня интересный матч передают: Мадрид — Барселона.

ИВАН САВВИЧ. Мы футболом не болеем.

ПЕТРУШКИН. А я, признаюсь, не равнодушен. Поднимает настроение. Как вообще дела-то, Иван Саввич? Что новенького?

ИВАН САВВИЧ. Все старенькое.

ПЕТРУШКИН. Ой ли! Я вас сегодня в приемной Романюка видел.

ИВАН САВВИЧ. Ну и что, что видели?

ПЕТРУШКИН. Нет, это я так. *(Вспоминает.)* Да! Только что нашего участкового встретил, вами интересовался. Он к вам еще не заходил?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(переглянувшись с мужем)*. Нет. Не заходил.

ПЕТРУШКИН. Ну, зайдет еще. Он по всем участкам ходит, с владельцами знакомится.

ИВАН САВВИЧ. Пусть зайдет.

ПЕТРУШКИН *(не сразу)*. Завидую я вам, Иван Саввич!

ИВАН САВВИЧ. Чему же вы завидуете?

ПЕТРУШКИН. Хороший участок вам достался. Золотой!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Мы его не выбирали. Он нам по жеребьевке достался.

ПЕТРУШКИН. Клад, а не участок!

ИВАН САВВИЧ. При чем тут клад?

ПЕТРУШКИН. Это я так, к слову! Хотел сказать, везет же людям. Кто ищет, тот всегда найдет!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Могло бы и вам повезти. Это дело случая.

ПЕТРУШКИН. Конечно, конечно. Я же сказал, кто ищет, тот всегда найдет! Ну, я пошел. Если к вам участковый заглянет, не откажите в любезности передать ему, чтобы после вас он ко мне зашел. Есть у меня к нему дело. Всего хорошего!

(Приподнимает соломенную шляпу. Уходит.)

ИВАН САВВИЧ. Зашел, понюхал и ушел. Ты поняла его намеки? Золотой участок! Клад, а не участок. Кто ищет, тот найдет... Может, это он написал? От зависти, что не ему этот участок достался. Неужели хватило совести? Говорят, он на многих писал...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(неожиданно)*. Ваня! А что бы мы делали, если бы действительно...
ИВАН САВВИЧ. Что действительно?
ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Если бы действительно клад...
ИВАН САВВИЧ. Размечталась.
ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Если бы ты действительно золотой клад нашел и тебя бы наградили. Это же действительно было бы кстати! Находят ведь люди.
ИВАН САВВИЧ. Лена! Перестань!
ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Ваня, а ты от меня ничего не скрываешь?
ИВАН САВВИЧ *(повышая голос)*. Елена Ивановна! Прекрати провокацию! Этого мне еще не хватало, чтобы ты...
ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Ваня! Не шуми! Мы в лесу не одни живем.
ИВАН САВВИЧ. Ничего я не находил, а потерять потерял. Покой потерял!

(Появляется УЧАСТКОВЫЙ.)

УЧАСТКОВЫЙ. Добрый вечер, товарищи! Разрешите представиться, капитан милиции Пончиков! Андрей Андреевич! Ваш участковый!
ИВАН САВВИЧ. Слушаю вас, товарищ капитан! Чем обязаны?
УЧАСТКОВЫЙ *(уклончиво)*. Да вот дело небольшое есть.
ИВАН САВВИЧ. А именно?
УЧАСТКОВЫЙ. Может быть, вы мне свой участок покажете?
ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А что вас интересует?
УЧАСТКОВЫЙ. Посадочек еще не делали? Я вижу, земляные работы у вас еще идут?
ИВАН САВВИЧ. Гараж пристраиваю. Летний.
УЧАСТКОВЫЙ. Ясно. Машина, значит, есть? Это хорошо. Так, может, пройдем? Я по всем участкам хожу. Работа у нас такая.
ИВАН САВВИЧ. Извольте! Я готов показать вам все, что вас интересует.

(Все уходят. Появляются ШУРИК, СТАСИК, СВЕТА и ВЕРА.)

ШУРИК. Ну, что вы ко мне пристали? Ходите за мной, как тени!
СТАСИК. Ты обещал показать! Выполняй свое обещание!
ШУРИК. Сейчас не могу.
ВЕРА. Почему?
ШУРИК. Сейчас невозможно!
СВЕТА. Но ты же обещал!
ШУРИК. Мало ли что я обещал. Обстановка изменилась.
СТАСИК. Какая обстановка?
ШУРИК. Надо будет опять копать, а сейчас все дома.
СТАСИК. А зачем копать, если ты уже копал?
ШУРИК. Я его обратно закопал.
СВЕТА. Ну, а что все-таки ты нашел? Какой клад? Золотой?
ШУРИК. Да там все, что хочешь! И золотые монеты, и ожерелья, и кольца!

(Ребята поют:

Но если ты на этот раз
Опять обманываешь нас,
Не будем мы с тобой дружить
И нашей дружбой дорожить.
Кому везет — тому везет,
Кто что-то ищет, тот найдет!
Я тоже был бы очень рад
Найти хоть маленький, но клад!)

СТАСИК. Да-а-а! Если это опять твоя ненормальная фантазия, мы с тобой больше дружить не будем!
ВЕРА и СВЕТА. Не будем! Ни за что! Ты нам все лето тут голову морочишь!
ШУРИК. Ничего я не морочу. Вы можете меня вообще не слушать, когда я что-нибудь вам говорю. Это ваше личное дело.
СТАСИК. Самое интересное это то, что все вокруг уже знают про этот клад. Ты еще кому-нибудь про него рассказывал?
ШУРИК. Нет, только вам.
СВЕТА *(виновато)*. Я рассказала маме. Я не знала...
ШУРИК. Зачем ты рассказала своей маме? Это же моя тайна! Я вам, как друзьям... а ты...
СВЕТА. Но ведь это же интересно. Я не могла удержаться.
СТАСИК. Ну, и что сказала твоя мама?
СВЕТА. Она сказала, что надо и у нас на участке поискать.
ШУРИК. Напрасно. Вы ничего не найдете!
СВЕТА. Почему? Чем наш участок хуже вашего?
ШУРИК. Потому что наш... Да ты пойми! На нашем участке двести лет тому назад стояла церковь. Вокруг шли сражения. Отступал неприятель. Наступали войска. Люди прятали сокровища.

(Появляются супруги БАРОНОВЫ и УЧАСТКОВЫЙ.)

УЧАСТКОВЫЙ. Значит, так, Иван Саввич! Если у вас ко мне вопросов не имеется, то так и доложим.

ИВАН САВВИЧ. Так и доложите.
УЧАСТКОВЫЙ. Если что надумаете, то наш телефон вы записали. Звоните.
ИВАН САВВИЧ. Хорошо.
УЧАСТКОВЫЙ. Честь имею.

(Уходит.)

ШУРИК. Деда! А зачем он приходил?
ИВАН САВВИЧ. Кто-то сообщил в милицию, что на нашем участке найден какой-то клад.

(Ребята переглядываются.)

ШУРИК. Клад? Какой клад?
ИВАН САВВИЧ. Я не знаю. Я лично ничего не находил.
ШУРИК. Интересно.
ИВАН САВВИЧ. Бред какой-то! *(Уходит за женой в дом.)*
СТАСИК. Что ты теперь делать будешь? Выкапывать?
ШУРИК. Теперь нет! Пусть лежит! Двести лет лежал, пусть еще столько же пролежит! Лично мне он не нужен.

* * *

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Третья картина

СОН ШУРИКА

Пещера в горах. Луна освещает вход в пещеру. Слышен шум морского прибоя. У входа появляются силуэты двух мальчиков. Это ШУРИК и СТАСИК. Они входят в пещеру и зажигают карманные фонарики. Лучи фонарей выхватывают из темноты отдельные предметы: ковры, статуи, амфоры и т. п.

ШУРИК *(шепотом)*. Стасик, Стасик, посмотри! Вот он!
СТАСИК *(шепотом)*. Кто?
ШУРИК. То, о чем я тебе говорил,— ларец! *(Освещает фонарем большой старинный ларец.)*
СТАСИК. Действительно! Как ты догадался, что он здесь?
ШУРИК. Я же вижу насквозь! Ты забыл?
СТАСИК. Забыл. Давай его откроем!
ШУРИК *(пытается открыть ларец)*. Не получается! Помоги!
СТАСИК *(пыхтит над крышкой ларца)*. Какой тяжелый! Ой, не могу!
ШУРИК. Здесь замок с секретом. Вот! Я нашел, как он открывается.

(Крышка ларца поднимается. Ларец полон драгоценностей. Ребята стоят над ним некоторое время молча, освещая содержимое ларца. Золото и серебро блестят в лучах фонариков.)

ШУРИК. Вот это действительно клад. Ничего себе!
СТАСИК. А нас тут не зацапают?
ШУРИК. Кто? Пираты?
СТАСИК. Да эти самые, которые сюда все это натаскали!
ШУРИК. Я не знаю. Мы же только хотели посмотреть. Нам же все равно всего этого не унести.
СТАСИК. По золотой монетке можно было бы, конечно, захватить. Тут их тысячи. Никто и не заметит.
ШУРИК. А что мы потом скажем, когда домой вернемся? Придется государству сдавать. У дедушки, знаешь, какие сейчас из-за меня неприятности?
СТАСИК. Не надо было фантазировать, будто ты настоящий клад нашел.
ШУРИК. Я сам об этом жалею. Но что я могу поделать, если мне все время фантазируется.
СТАСИК. Я тебе сказал, что твои фантазии до добра тебя не доведут.
ШУРИК. Ах, Стасик, Стасик! Я же не виноват, что у меня так голова устроена. *(Прислушивается.)* Тихо! Слышишь?

(Издалека доносится грубый мужской смех. Кто-то приближается к пещере.)

СТАСИК. Ну, вот! Засыпались! Уже идут! Хорошо, что мы девчонок с собой не взяли.

ШУРИК. Давай, быстро! Вот сюда! Сюда! Спрячемся!

(Мальчики прячутся. Крышка ларца остается открытой. В пещеру вваливается группа пиратов. Они сваливают на землю награбленное добро. Зажигают факелы.)

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Теперь можно и отдохнуть! Кашалот, тебя сильно ранили?

ВТОРОЙ ПИРАТ. Да нет, не очень. Офицер не успел задеть меня своей шпагой, как я его своим мечом проткнул насквозь! Он так и повалился за борт!

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Это был хороший бой!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Это был хороший меч!

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Мы удачно поживились!

(Пираты рассматривают свою добычу.)

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Спасибо Хромому Джиму, который нашел на этом необитаемом острове такое надежное убежище, как эта пещера. Тут нас сам черт не обнаружит!

(Все смеются.)

ВТОРОЙ ПИРАТ *(неожиданно)*. Друзья! Посмотрите! Крышка ларца! Он же был заперт, когда мы уходили!

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Она же не могла сама открыться! Замок был с секретом!

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Не может быть! Кто же его открыл?

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИРАТ. Точно! Здесь кто-то был!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Нас хотели ограбить и не успели. Далеко они не могли уйти! Надо обыскать остров.

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Ночью они никуда не уйдут. Есть только одно место, где можно причалить к острову. А там я выставил охрану. Сначала давайте обыщем пещеру.

(Разбойники тщательно обыскивают пещеру и, наконец, вытаскивают на свет двух мальчиков.)

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Вот они!

(Пираты окружают ребят. Ребята жмурятся от яркого света факелов.)

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Как вы сюда попали? Кто вы такие? Это вы тут рылись в наших сокровищах?

ШУРИК *(оправдываясь)*. Но мы хотели только посмотреть. Нам ничего не надо.

ВТОРОЙ ПИРАТ. Вы слышали? Им ничего не надо! Залезли в нашу пещеру, разгадали секрет ларца, и им ничего не надо! Как вам это нравится? А? Какие любознательные!

ТРЕТИЙ ПИРАТ. И какие находчивые!

(Все смеются.)

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Да знаете ли, несчастные, куда вы попали?

ШУРИК. Догадываемся.

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Так куда же?

ШУРИК. На остров Сокровищ!

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Кто вам показал сюда дорогу? На чем вы приплыли? Где вы пристали к берегу?

ШУРИК. Я не помню. Мы просто сразу попали сюда. Я лег спать... и вот... мы здесь.

СТАСИК. Вы извините, но это трудно объяснить. Видите ли, он *(показывает на ШУРИКА)* великий фантазер!

ШУРИК. И когда я сплю, мне тоже снятся всякие фантастические сны.

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Вы мне лапшу на уши не вешайте! Мы должны с вами поступить по закону пиратства. Или вступайте в нашу компанию и становитесь такими же пиратами, как мы, или мы вас... вздернем! *(Показывает.)*

ШУРИК. Я понял. Но мы не умеем грабить.

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Мы научим. Это очень просто! Кашалот, объясни нашу тактику!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Значит, так. Выслеживаем торговый корабль. Преследуем его. Поднимаем свой черный флаг. Пришвартовываемся к чужому борту. Вступаем в бой с командой. Теряем двух-трех своих товарищей. Грузим добычу на свою посудину и... вот мы здесь! Сегодня нам повезло, мы никого не потеряли!

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Ясно? Так вы идете на наши условия? Мы хотели бы пополнить наши ряды. Недавно мы потеряли двух смелых пиратов.

ШУРИК *(неуверенно)*. Я не знаю... Стасик, а ты?

СТАСИК. Это так неожиданно для нас. Правда, Шурик?

ШУРИК. Надо подумать.

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Вы пока думайте, а мы отдохнем! Все равно вам от нас никуда не уйти.

ШУРИК. Это мы понимаем.

(Пираты располагаются вокруг костра, разливают в кружки вино из бочонка. Пьют, смеются, переговариваясь друг с другом. Начинают петь. Танцуют.)

ПЕСНЯ ПИРАТОВ

Мы смелые пираты,—
Мы в море бой вели!
Не нужно нам зарплаты —
Мы грабим корабли!
У нас такой обычай:
Своих не предавать,
Богатую добычу
По-братски раздавать.

Ой-ой! Ай-ай! И о-хо-хо!
И все-таки пиратом
Быть очень не легко!
Везут свои товары
Заморские купцы,
А мы берем задаром
С их золотом ларцы!
Мы храбрые, как черти,
Свободой дорожа,
Идем навстречу смерти
Во имя грабежа!
Ой-ой! Ай-ай! И о-хо-хо!
И все-таки пиратом
Быть очень не легко!
Мы вольные пираты —
Разбойники морей!
Фантазия богата
У наших главарей.
Охотится за нами
Любой военный флот,
Маячат перед нами
Тюрьма и эшафот.
Ой-ой! Ай-ай! И о-хо-хо!
Поэтому пиратом
Быть очень не легко!

ВТОРОЙ ПИРАТ. Поднимем наши кружки за память всех, кто был настоящим разбойником!

(Голоса: «Поднимем! Поднимем!»)

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Среди нас было не мало таких, которые бедным давали, а у богатых брали!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИРАТ. Кто помнит штурмана с «Пестрой коровы»? Его казнили 20 октября 1401 года. Ему отрубили голову.

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ. Как же его не помнить? Уже обезглавленный, он пробежал мимо одиннадцати своих соратников. Только когда палач подставил ему ногу, его тело упало на землю! Славный был малый!

(Голоса: «Слава ему, слава!»
ШУРИК и СТАСИК незаметно выбираются из пещеры. Пираты продолжают веселиться, не замечая побега ребят.)

ГЛАВНЫЙ ПИРАТ *(опомнившись)*. Эй, вы! Где вы там? Куда они делись? Я только что их видел!

(Осматривается.)

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Они только что были здесь. Я их тоже видел.

ВТОРОЙ ПИРАТ. Я сразу подумал, что лучше бы было их сразу прикончить!

ТРЕТИЙ ПИРАТ. Они далеко не уйдут! С нашего острова так просто не убежишь!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПИРАТ. Если бы они даже согласились войти в нашу компанию, от них было бы мало толку! Они же фактически дети! Зачем нам дети? Они бы испугались первого же выстрела из пушки!

(Неожиданно на пороге пещеры возникает фигура УЧАСТКОВОГО. За ним ШУРИК и СТАСИК.)

УЧАСТКОВЫЙ *(с автоматом в руках)*. Руки вверх! Вы все арестованы! Следуйте за мной! Сокровища конфискованы в пользу государства!

(ПИРАТЫ поднимают руки. Немая сцена.)

Четвертая картина

СОН ДЕДУШКИ

Большая комната, где обычно проходит рабочий день ИВАНА САВВИЧА. Только его сослуживцы — ИВАНОВА, ПЕТРОВА и СИДОРОВА — сидят на своих рабочих местах, а за его столом восседает мрачный ПЕТРУШКИН. С большой картонной коробкой под мышкой ИВАН САВВИЧ ходит от стола к столу и просит принять найденный им клад.

ИВАН САВВИЧ *(ИВАНОВОЙ)*. Зоя Сергеевна? Я принес. Хочу сдать.

ИВАНОВА. Что вы принесли?

ИВАН САВВИЧ. Клад принес. Хочу сдать.

ИВАНОВА. Обратитесь к Петровой.

ИВАН САВВИЧ *(ПЕТРОВОЙ)*. Анна Леонидовна! Я принес. Хочу сдать.

ПЕТРОВА. Что вы хотите сдать?

ИВАН САВВИЧ. Да клад же! Который я нашел. Примете?

ПЕТРОВА. К Сидоровой. Второй стол от окна направо.

ИВАН САВВИЧ. Что, я разве не знаю, где она сидит? *(Отходит.)*

СИДОРОВА. Я вас слушаю, Иван Саввич!

ИВАН САВВИЧ. Я к вам. Можно сдать клад?

СИДОРОВА. Какой клад?

ИВАН САВВИЧ. Золотой. На своем участке выкопал.

СИДОРОВА. Вы обращались к Ивановой?

ИВАН САВВИЧ. Обращался. Она направила к Петровой.

СИДОРОВА. Вы были у Петровой?

ИВАН САВВИЧ. Не хочет принимать. Направила к вам. Сказала, что вы примете.

СИДОРОВА. Сказала, если бы медный, она бы приняла! А золотой не может. Это не входит в ее функции. Боится взять на себя ответственность.

ИВАН САВВИЧ *(возмущаясь)*. Да что же это такое? Его же надо сдать! Я не могу утаивать!

ПЕТРУШКИН. Как вы не можете утаить то, чего у вас нет? Что у вас в коробке? Покажите! Не стесняйтесь! Здесь все свои.

(ИВАН САВВИЧ подходит к столу и высыпает на стол содержимое коробки. Это сосновые шишки.)

ПЕТРУШКИН. Ну вот, сами видите! Вы что? Пришли издеваться над сотрудниками?

ИВАН САВВИЧ. А вы почему сидите на моем рабочем месте? Это же мой стол!

ПЕТРУШКИН. Временно вас замещаю. До выяснения обстоятельств.

ИВАНОВА. Надо составить акт и привлечь к ответственности!

ПЕТРОВА. Гражданин Баронов! Мы вас вычеркнули из списка туристов. Вы не поедете с нами в Болгарию.

СИДОРОВА. Мы вам не доверяем. Вы можете там тоже что-нибудь раскопать и выкопать. А потом за вас отвечай!

ПЕТРУШКИН. Идите домой и проспитесь!

(Появляется ЕЛЕНА ИВАНОВНА. В руках у нее портфель ИВАНА САВВИЧА.)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Ваня! Ты забыл дома клад! *(Протягивает мужу портфель.)*

ИВАН САВВИЧ *(в растерянности)*. Ах, да! Действительно! Забыл. *(Осматривается.)* Извините. Кому можно сдать клад?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. И получить наградные двадцать пять процентов!

ИВАН САВВИЧ. Да, да! По закону! Двадцать пять процентов!

ИВАНОВА. Зачем вам деньги?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Мы откроем кафе-блинную. На кооперативных началах.

ИВАН САВВИЧ *(сердясь)*. Кто примет клад?

ИВАНОВА. Зайдите завтра в это же время.

ПЕТРОВА. Вы рассчитываете получить двадцать пять процентов?

ИВАН САВВИЧ. Но по закону, ведь полагается!

ПЕТРУШКИН. Мы вам по закону двадцать пять процентов, а вы нам двадцать пять процентов от ваших двадцати пяти процентов! Идет?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Но это же грабеж! Вымогательство!

ИВАН САВВИЧ. Я согласен, Лена! Я согласен. Только бы сдать!

ПЕТРУШКИН. Откройте ваш портфель. Что вы там принесли?

ИВАН САВВИЧ *(поспешно)*. Открываю! *(Открывает портфель и высыпает содержимое на стол. Теперь это еловые шишки.)*

ИВАН САВВИЧ *(поет)*.

Я клад нашел! Я клад нашел!
Я сдать его хочу!
Я по закону за него
Награду получу!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(поет)*.

Сказали нам, сказали нам,
Что клад нельзя скрывать!
Что надо клад, что надо клад
Немедленно сдавать!

ИВАНОВА *(поет)*.

Но как же может бюрократ

ПЕТРОВА *(поет)*.

От вас принять какой-то клад?

СИДОРОВА *(поет)*.

И как его нам оценить?
И где и как его хранить?
И как вас можно наградить,
Чтобы себе не навредить!
А вы к тому же принесли
Совсем не то, что вы нашли!

ПЕТРУШКИН *(поет)*.

Я так и знал, я так и знал,
Я не случайно дал сигнал!
И я не зря сказал, что тот,
Кто что-то ищет, тот найдет!

(Все исчезают.)

Пятая картина

ТЫСЯЧА КОПЕЕК

Обстановка второй картины. Раннее утро. На веранду выходит ИВАН САВВИЧ. Спускается в сад и садится на скамейку. У него усталый, озабоченный вид. Появляется ЕЛЕНА ИВАНОВНА.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Ваня! Что тебе снилось? Ты так стонал во сне, что я испугалась. У тебя болело сердце?

ИВАН САВВИЧ. Такая ерунда привиделась... какой-то бред...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Что же тебе снилось?

ИВАН САВВИЧ. Будто я пошел сдавать клад, а его никто не принимает. На моем рабочем месте сидит Петрушкин... Кошмар какой-то!

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Это потому, что ты вчера перенервничал. Но у тебя же совесть чиста: ты ничего не находил, и тебе просто нечего утаивать.

ИВАН САВВИЧ. Так-то оно так, но слух-то пошел. Надо еще доказать, что ты ничего не находил.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. И Шурик что-то всю ночь во сне вскрикивал. Уж не заболел ли?

(Появляется ШУРИК.)

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Шурик? Ты здоров?

ШУРИК. Здоров.

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. А что ты сегодня так неспокойно спал?

ШУРИК. Сон снился. Пираты всякие... Разбойники...

ЕЛЕНА ИВАНОВНА. Это все от погоды. Сейчас в природе магнитные бури, вот они и отражаются на человеке. Я так вообще не спала, все к вам обоим прислушивалась. А разбудить боялась.

ИВАН САВВИЧ. Меня надо было разбудить.

ШУРИК. И меня тоже! Дедушка! Мне надо с тобой поговорить по секрету.

ИВАН САВВИЧ. Давай поговорим.

(ЕЛЕНА ИВАНОВНА уходит в дом.)

ШУРИК. Понимаешь, дедушка, я не знаю, что с собой делать!

ИВАН САВВИЧ. Не понимаю.

ШУРИК. Меня одолевают фантазии.

ИВАН САВВИЧ. Опять не понимаю.

ШУРИК. Ну, например, я что-то такое необычное придумываю и выдаю за правду.

ИВАН САВВИЧ. Например?

ШУРИК. Например, я на днях рассказал ребятам, что тебя съела акула!

ИВАН САВВИЧ. Акула?

ШУРИК. Да еще в нашей реке, когда ты на рыбалку ходил.

ИВАН САВВИЧ *(смеется)*. И они поверили?

ШУРИК. Они, конечно, не поверили, но я так им все нафантазировал, что они даже разозлились. Ты понимаешь, я просто не могу удержаться, чтобы не рассказывать кому-нибудь то, что мне нафантазировалось. Они меня за это даже прозвали бароном Мюнхгаузеном!

ИВАН САВВИЧ. Выходит, ты мастер приврать?

ШУРИК. В том-то и дело, что я не вру, а фантазирую.

ИВАН САВВИЧ. Ну, и что ты еще нафантазировал?

ЕЛЕНА ИВАНОВНА *(появилась в окне)*. Ваня! Тебя к телефону.

(ИВАН САВВИЧ уходит в дом. ШУРИК сидит задумавшись. Появляются ребята.)

СТАСИК. Шурик!

ШУРИК. Чего вы в такую рань пришли?

СТАСИК. Раз пришли, значит, надо. Хотим тебя выручить!

ШУРИК. Как это — выручить?

СВЕТА. Шурик! Мы знаем, какие у вас дома неприятности.

ШУРИК. О чем ты?

ВЕРА. Как будто ты не понимаешь?

ШУРИК. Ну и что?

СТАСИК. Ну вот мы тоже начали фантазировать, как тебе помочь.

ШУРИК. И нафантазировали?

СТАСИК. Да. Ты должен сказать, что это лично ты нашел клад!

ШУРИК. Я? Как я его нашел?

ВЕРА. Ты копал в саду червей и на него наткнулся!

ШУРИК. На что наткнулся?

СТАСИК. На клад!

ШУРИК. Что же я выкопал?

СВЕТА. Вот что ты выкопал! *(Протягивает ШУРИКУ что-то завернутое в бумагу.)*

ШУРИК. Я это выкопал?

СТАСИК. Ты это выкопал.

ШУРИК. Посмотрим! *(Разворачивает бумагу. Обнаруживает в ней стеклянную банку, полную блестящих монет.)*

СТАСИК. Сейчас все вместе пойдем в милицию и сдадим. Мы — свидетели! Нам поверят.

ШУРИК *(высыпает монеты)*. Так это же копейки!

СВЕТА. Тысяча копеек!

ШУРИК. Они же не могли лежать в земле двести лет. Они же советские.

СТАСИК. Какая разница. Раз ты их нашел в этой банке, значит, это клад!

ВЕРА. Мы вчера целый день десять рублей на копейки меняли!

СТАСИК. Сложились и наменяли!

СВЕТА. Мы хотели, чтобы они были новенькие, как золотые!

(Высыпают копейки на землю. Появляется ИВАН САВВИЧ.)

ИВАН САВВИЧ. Что это?

СТАСИК. Иван Саввич! Это, оказывается, Шурик нашел на вашем участке клад! Золотой клад! Где же ты был раньше?

ИВАН САВВИЧ. Надо немедленно звонить в милицию!

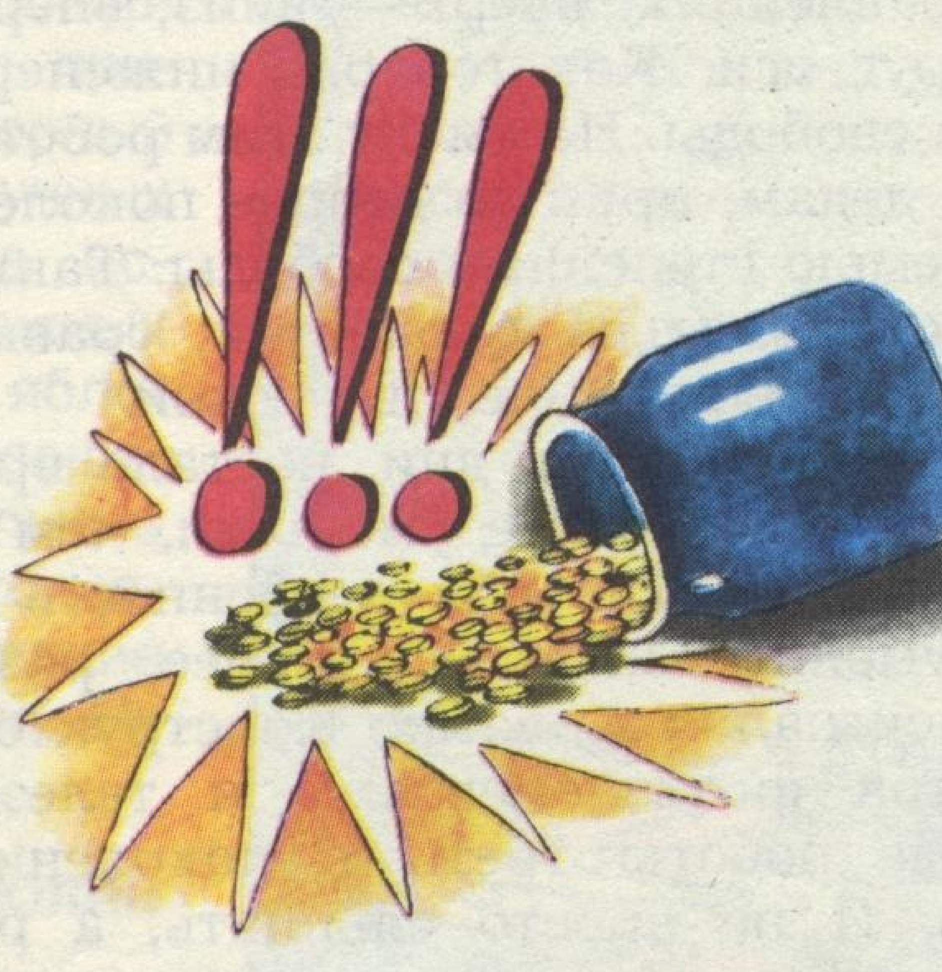
(Все поют.)

ШУРИК.
Спасибо, верные друзья!
Вам очень благодарен я
За то, что выручить меня
Вы искренно хотели!

ДРУЗЬЯ.
Увы, фантазия твоя
Довольно близко от вранья
Была на самом деле!

ШУРИК.
Я фантазер, но я не враль!
И самого себя мне жаль,
И жаль, конечно, деда!

ДРУЗЬЯ.
Все будет так, как мы хотим,
Но никогда мы не простим
Петрушкина-соседа!



Рисунки А. БОРИСОВА.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет **В. НИКИТИНА**

Рисунки **Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.**

Дорогие читатели! Сегодняшний выпуск нашего раздела посвящен РОБОТАМ. Из ваших писем мы поняли, что эта тема вас очень интересует. Какие еще тематические выпуски вы хотели бы видеть в этом году?

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

Роботы-деды и роботы-внуки

Много лет назад на выставке детского технического творчества я познакомился с симпатичным роботом, который лихо отвечал на вопросы ребят. «Как тебя зовут?» — «Марсик». — «Хочешь быть пожарным?» — «Нет, не хочу». — «Кто тебе больше нравится: мальчики или девочки?» — «Этого я не знаю, я машина». Всем он очень нравился, этот находчивый Марсик.

Были на той выставке и другие железные человечки с глазами-лампочками и ногами на колесиках: робот-кондуктор, робот-лектор, робот-экскурсовод — все со спрятанными внутри магнитофонами, которые и проигрывали нужную запись.

Теперь же такими механическими игрушками никого не удивишь. Нам вовсе не нужно, чтобы робот, полезная, необходимая на заводах и в лабораториях машина, своей внешностью напоминал человека. Важно, чтобы он своим умением, своей точностью, неутомимостью заменял человека там, где работа тяжелая, однообразная, вредная и опасная. А если искать какое-то сходство этих машин с людьми, то его можно найти, например, в том, что у роботов постоянно идет смена поколений.

Роботы первого поколения были совсем простыми. Их руки-манипуляторы двигались всего в трех направлениях: вверх — вниз, вперед — назад да вокруг оси. Как говорят инженеры, всего три степени свободы. На смену этим роботам, можно сказать, дедам, пришло второе поколение, уже с шестью-семью степенями свободы. Такие машины могли справляться с работой, сравнимой по сложности движений с человеческой.

А потом, уже в наши дни, настало время внуков, они оказались более умелыми, чем их отцы и деды. Пожалуй, главная особенность роботов-внуков — умение «видеть», вернее, разбираться в световых сигналах и цветах. Конструкторы снабдили роботов фотоэлементами и телеэкранами. А некоторые роботы третьего поколения умеют и слышать. И не просто слышать, а различать команды, подаваемые голосом, то есть воспринимать человеческую речь. Правда, не все команды подряд, а только те, которые необходимы для наладки и переналадки их рабочих программ. Но и это немало.

Итак, роботы третьего поколения способны воспринимать внешний мир, ориентироваться в нем. И они гораздо лучше своих предшественников координируют собственные движения. В них вмонтированы логические устройства, позволяющие принимать верные решения в зависимости от того, как изменилась обстановка. Они «чувствуют» не только цвет, но и форму, и размеры деталей, подлаживаются под них.

Роботы третьего поколения могут работать на удивление точно. Скажем, делать чертежи. Или выполнять анализы в лабораториях. Или собирать и паять радиосхемы. Возможно, такие роботы будут когда-нибудь даже помогать хирургам делать сложные операции.

Но как же машина осязает предметы? Например, так: с помощью особой искусственной кожи, которой покрыт манипулятор. Эта «кожа» представляет собой сетку из эластичного токопроводящего материала с пьезоэлектрическими свойствами, то есть преобразующего давление в электрические сигналы, как это делает звукоснимающая головка проигрывателя. Прижимаясь к поверхности детали, гибкая сетка посылает электрические импульсы. Они попадают в ЭВМ, и машина как бы воссоздает образ предмета, которого коснулась рука робота. Когда давление руки на предмет возрастает, кожа немного растягивается, больше становится контактов с предметом, больше посылается и сигналов. А когда робот ощупывает предмет со всех сторон, машина строит в своем электронном «мозгу» полный облик детали.

Обнаружив, что деталь на конвейере лежит неверно, механическая рука повернет ее как надо и уложит на место. А потом из правильно расположенных деталей соберет то, что поручено собирать,— телевизор, автомобиль, станок...

Очень важно то, что робот легко перестраивается на любые детали. Сегодня он может собирать телевизоры, а завтра, после переналадки и переме-

ны программы,— фотоаппараты. На некоторых однообразных операциях робот уже сейчас может полностью заменить человека.

Однако перед роботами ставятся новые, еще более сложные задачи. Они должны помочь нам создать полностью автоматизированные, как говорят, безлюдные цехи и заводы, в которых ни одной детали не коснется рука человека. Это заводы завтрашнего дня. И на них будут работать уже не внуки, а правнуки — роботы четвертого поколения, к созданию которых ученые приступили. У этих роботов появится еще одна существенная особенность. По-научному ее называют адаптацией, а если говорить более просто,— приспособление.

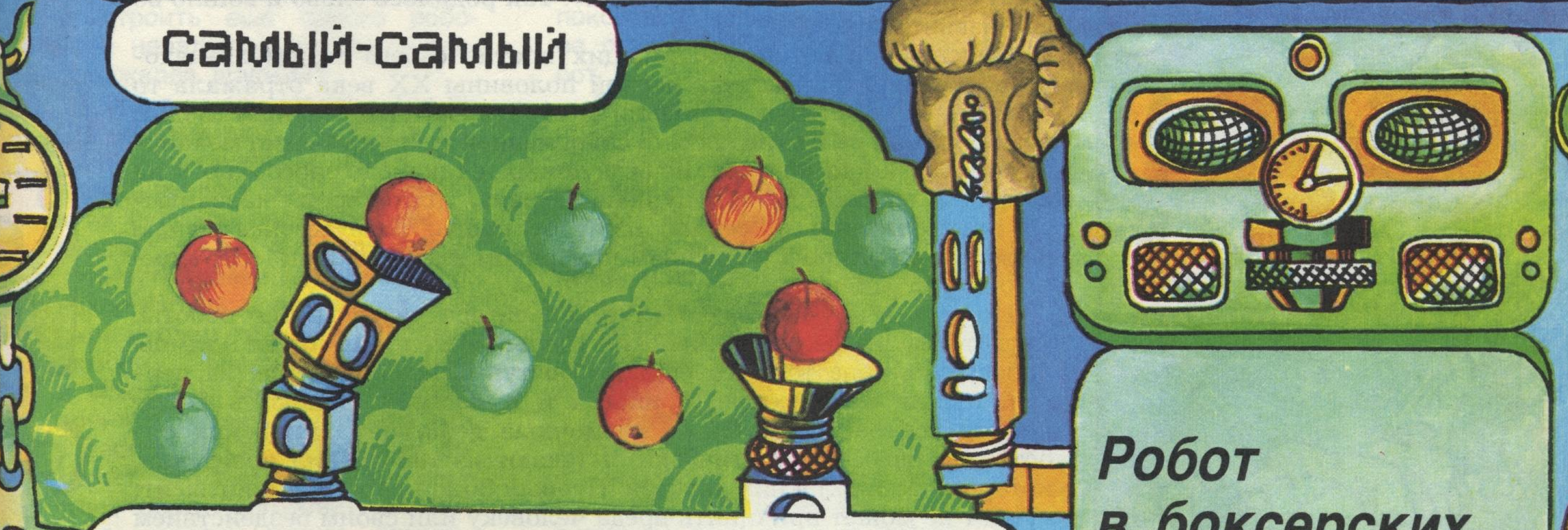
Мы умеем приспосабливаться к меняющимся условиям внешней среды. Когда хвораем, у нас повышается температура — это защитная реакция на инфекцию. Когда быстро бежим, сердце начинает учащенно биться, чтобы подавать больше крови к нагруженным мышцам, и мы дышим гораздо чаще, чтобы в кровь поступило достаточно кислорода...

Сегодняшний робот, даже самый совершенный, работает по неизменной программе, хотя порой и очень сложной. Сам, по своей воле он не может и не умеет программу изменить. А вот адаптивный робот, способный ощутить деталь и понять, что именно с ней надо сделать, умеющий уловить изменения во времени (одна операция слишком затянулась, другая, напротив, пошла быстрее намеченного),— такой робот сам поймает себя на ошибке, внесет поправку в собственную программу и быстро выправит положение.

Ученые верят: правнуки будут работать на заводах уже в этом веке. И тебе, читатель, наверняка доведется с ними встретиться. А может быть, познакомиться и с их потомками — праправнуками первых роботов.

Г. МИХАЙЛОВ

САМЫЙ-САМЫЙ



Кто это шарит по садам?

Из Франции поступило сообщение: роботы стали забираться в яблоневые сады и срывать спелые яблоки. Да не то что берут одно-другое, а очищают все деревья до единого...

Не надо тревожиться. Роботы не взбунтовались и не расшалились. Но то, что произошло, пожалуй, увлекательнее всякой фантастики.

Создана машина для тяжелой и утомительной работы — уборки яблок, машина, которая производительностью не уступает опытному сборщику, а бережным отношением к плодам даже превосходит его. Действует она так. Телекамера с чувствительными диодами (их больше двухсот пятидесяти) по яркости легко отличает наливные яблочки от зеленой листвы. Небольшая электронно-вычислительная машина прикидывает расстояние до найденного плода, и к нему тянется рука робота — раздвигающаяся, как удочка, трубка с захватом на конце. По этой трубе и катится румяное яблочко в брезентовый желоб, а из него — в обычную плетеную корзину.

Чтобы робот распознавал спелые плоды еще точнее, конструкторы собираются усовершенствовать его: поставить приборы, применяющие ядерный магнитный резонанс. В научных лабораториях этот метод используют для анализа сложных химических веществ, а в яблоневом саду он позволит безошибочно различать растительные ткани разного химического состава, то есть спелые, сладкие яблоки и незрелые, кислые. Ну не чудеса ли?

М. ЮЛИН

Робот в боксерских перчатках

Чтобы побеждать на ринге, нужно много и упорно тренироваться, как говорится, до седьмого пота. А для этого необходим партнер — ловкий, сильный, неутомимый. И терпеливый: получать удары — удовольствие маленькое. Вот такого незаменимого товарища по тренировке и сконструировали в Германской Демократической Республике. Робот-боксер умеет защищаться — отступает, уклоняется от ударов, словом, нахрапом его не возьмешь. А при случае может и сам перейти в атаку. С таким партнером не зазеваешься!

М. АБРАМОВ

Три закона для роботов

Интересно, кто придумал роботов? Полагаешь, ученые-кибернетики? Ничего подобного. Придумал роботов... художник — чешский художник Йозеф Чапек, человек, очень далекий от техники...

Дело было в 1920 году. Брат Йозефа, известный писатель Карел Чапек, задумал пьесу о механических людях, которые поднимают бунт против тех, кто их создал (эту пьесу можно прочитать в пятитомнике Чапека — она называется «Р.У.Р.»). Но он никак не мог изобрести слово, которым можно было бы назвать таких механических людей. Своими затруднениями Карел поделился с братом, и тот сказал: «Назови их роботами». Так родилось слово и вошло во все языки мира.

Описывая роботов, восстающих против своего создателя-человека, научная фантастика первой половины XX века отражала то смешанное чувство восхищения и страха, которое внушал людям возникавший на их глазах мир современной техники — мир механических созданий, могучих, но бездушных, одинаково способных и на добрые и на злые дела. Ощущение страха, долгое время казавшееся преувеличенным, сейчас оживает вновь, разбуженное цепью недавних катастроф и грозным призраком ядерно-космическо-компьютерной войны.

Но есть в научно-фантастической литературе и другие роботы. Создателем их был американский ученый и писатель Айзек Азимов. Роботы Азимова тоже совершают поступки неожиданные, на первый взгляд непонятные, а иногда и пугающие. Однако в конце концов все разъясняется — загадочные действия азимовских роботов, оказывается, логически вытекают из тех правил поведения, которые заложил в них человек. Первый Закон роботехники гласит: «Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред».

По этому закону строится все поведение роботов. Они должны повиноваться командам человека, но это всего лишь Второй Закон, он действует лишь в тех случаях, когда такие команды не противоречат Первому. Даже стремление к самосохранению, предусмотренное Третьим Законом, отступает для робота на задний план, если ради выполнения Первого или Второго Закона он вынужден жертвовать собой.

Законы роботехники, придуманные Азимовым,— ответ тем фантастам, кто опасался бунта машин против людей. Но их можно толковать и шире. Если подумать, они не что иное, как законы поведения очень хорошего человека, который стремится делать людям только добро (Первый Закон!), готов подчинять свои интересы интересам общества (Второй Закон!) и способен на самопожертвование во имя блага человечества (Третий Закон!). Когда таким законам станут следовать и люди, и машины, творения человеческого разума никогда не будут использованы против самого человека.

И последнее — о слове «роботехника». Это слово придумал я, когда двадцать лет назад переводил на русский язык книгу Азимова «Я, робот».

Сейчас эта отрасль стала реальностью, ее называют «робототехникой» — может быть, с точки зрения словосложения оно и правильнее, но мне все-таки кажется, что мой вариант звучит лучше. Не зря же науку о минералах мы называем не «минералологией», а минералогией...

А. ИОРДАНСКИЙ

И в шутку, и всерьез

Монолог-фантазия

Пока я выучусь да вырасту, роботов станет полным-полно. Придешь на работу и знай жми кнопки, а эти умницы все, что надо, сделают сами. Хотя, если вдуматься, необязательно и кнопки жать. Нельзя, что ли, пристроить еще одного робота — начальника, чтобы он распоряжался другими?

Да и в школу ходить... Так ли это необходимо? Я читал, в Англии есть учебный центр, где промышленных роботов готовят к их будущей работе,— чем не школа? Так, может, если их еще чуть-чуть усовершенствовать, то какой-нибудь электронный зубрила сможет ходить и в человеческую школу? Например, в мою. А я бы дома посидел, почитал детектив, погонял мяч с ребятами. Он вернется — доложит, что там нового на занятиях, обед приготовит. Кстати, и в магазин может сгонять, пусть постоит в очереди, куда ему торопиться? Разве что уроки за меня делать...

Я бы тем временем телевизор посмотрел, чай попил. А роботу нечего баловаться. Уроки сделал, переписал чистенько — и хорош. Выключу его из сети, чтобы зря энергию не тратил.

И как же всем будет здорово! Маме не надо переживать из-за обеда, учительнице — беспокоиться насчет дисциплины: не станет же ее нарушать робот...

Экзамены, правда, придется сдавать самому. Комиссия сразу заметит, если вместо живого человека войдет скрипучая машина. Одно дело на уроке — там нас тридцать восемь, за каждым не уследишь. Ну ничего, часы-то надеть можно? А в часы вделать приемник. И пусть этот бездельник стоит под окошком, диктует, что мне отвечать.

И опять будет славно. Если только робот в самый ответственный момент не испортится. А ведь вполне может — вон сколько в нем узлов да блоков. Между тем, если блоки включены один за другим, последовательно, надежность схемы снижается. Допустим, каждый узел надежен на 99%. Неплохо. Но в одном случае из ста отказ возможен. И если блоков 10, то придется число 0,01— вероятность отказа — умножать на 10. Но на самом деле узлов куда больше. Чем хитроумнее робот, тем сложнее его схема. А ну как роботу-подсказчику потребуется 50 узлов? Вероятность отказа возрастет до 0,5—50%! Значит, один шанс из двух, что робот под окошком испортится. А если это будет мой робот — испортится наверняка. Мне всегда не везет.

Нет, уж, придется, видимо, учиться самому. Да и работать тоже. Пусть машины таскают тяжести, сверлят в деталях дырки — это у них хорошо получается. А там, где надо изобретать, соображать, пусть трудится человек, без него машина мертва. Не то жить станет совсем скучно: дома роботы, на заводе — тоже. Где же хоть немного размяться, на стадионе? Но если все на свете взвалить на роботов, можно и такого дождаться: придешь на стадион, а там занято, роботы мячик гоняют.

В. ИНОХОДЦЕВ

А теперь посчитайте сами

Сколько за час?

Рабочий с тележкой каждый час подвозит роботу по 600 заготовок. Этот робот может сделать в час 10 000 деталей, а стоящий за ним робот-упаковщик — уложить в ящики (за это же время) 100 000 деталей.

Какова будет часовая производительность этой бригады?

Ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

600 деталей. Деталей роботы смогут сделать и упаковать не больше, чем доставляется заготовок. Человек с дедовской тележкой окажется «узким местом» в цехе. Но даже если заготовки подавать в достатке, робот-упаковщик все равно будет 90% времени бездельничать, ведь его производительность в 10 раз выше. Не стоило, значит, тратиться на такую шуструю машину, если остальные от нее отстают.

Наверное, оскомину набила фраза, что любовь к большой Родине начинается с любви к родине малой: своему городу, улице, переулку, двору, дому. Но это святая правда, которую все знают умом, но далеко не все ощущают жаром и болью сердца. Батюшков говорил: «О, память сердца, ты сильней рассудка памяти печальной». Это справедливо и в отношении знания нравственных начал. Знание сердца сильнее знания рассудка. Вот мне и хотелось бы поговорить с вами о том, что дает человеку, тем более молодому, знание истории своего родного города.

Юрий НАГИБИН

ГОСУДАРЕВА ДОРОГА

Наш сегодняшний путь пройдет мимо Армянского переулка, где шестьдесят семь лет назад я увидел свет. Я рад, что родился в этом некогда тихом переулке, в прекрасной старинной части Москвы. В незапамятные времена переулок носил название Столповского, по церкви Николы в Столпах, и еще он назывался Артамоновским, по двору знаменитого дипломата времен царя Алексея Михайловича, боярина Артамона Сергеевича Матвеева.

В Армянском, кроме дивной церкви Николы в Столпах, источавшей далеко окрест себя теплый ладанный дух, стояла на церковном дворе с чудесной решеткой, под сенью вековых вязов усыпальница бояр Матвеевых. Эта гробница была построена в виде римского саркофага с двумя портиками и колоннами в 1820 году на месте избы с высокой тесовой крышей — старой усыпальницы.

Было великим удовольствием перелезть через высокую решетку со стреловидными наконечниками, взбежать по замшелым, обшарпанным ступенькам и мимо источающих влажную стынь колонн испуганно просунуться к темному пролому в стене склепа, откуда шибало спертым могильным тленом. В кромешной тьме едва угадывались какие-то продолговатые каменюки — разбитые надгробья, но мы были убеждены, что видим кости и даже... обызвествленные боярские сердца. Да, да, я ничего не придумываю!..

А еще была у нас армянская — с высоким куполом — церковь в глубине обширного светлого двора. Эту церковь построила семья Лазаревых, возведенных Екатериной II в дворянское достоинство. Армяне испокон веку жили в нашем переулке, отсюда и название его, но предприимчивый род Лазаревых — их шелка и парчи считались лучшими в Европе — покрыл невиданным блеском старое армянское подворье. Особенно преуспел действительный статский советник и командор Лазарев, завещавший своему наследнику построить училище для детей беднейших армян. Из этого училища возник впоследствии знаменитый Лазаревский институт восточных языков. Прекрасное здание его сохранилось в неприкосновенности и по сию пору. Равно и памятный обелиск действительному статскому советнику и командору.

А еще у нас был в переулке да и сейчас стоит дом, в котором провел детство и юность величайший философский лирик России Федор Иванович Тютчев. Там жили декабристы Завашилин и Шереметьев, у последнего на квартире был арестован после разгрома восстания на Сенатской площади Якушкин, тот самый, о котором Александр Сергеевич Пушкин писал: «Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал».

Считается, что дети существуют вне истории, что жизнь их, пользуясь выражением бывшего жителя Армянского переулка Тютчева, «вся в настоящем разлита». Это неверно. Дети живут в истории, хотя она входит в их сознание нередко в причудливом мифологическом убранстве. Мы, дети лучших лет Армянского переулка (впоследствии этот переулок, как и вся Москва, многого лишился, ничего не приобретя взамен), не были равнодушны к тому, что наше жизненное пространство украшает древняя церковь Николы в Столпах, что в церковном дворике тени деревьев накрывают единственную на всю Москву боярскую гробницу, что у нас есть Лазаревский институт и очень, очень старые дома, обиталища знаменитых русских людей. Мы знали, что многочисленные сады вокруг нашего дома (с лучшим из них — Абрикосовским) — останки громадных царских садов, что между нашим переулком и Старосадским находилась некогда Космодамиановская решетка, запиравшаяся на ночь, что другой стороной наш дом глядел на Меншикову башню с золотым шпилем. Нам как бы сообщалась некая избранность, и, право же, это очень хорошо, ибо другие ребята округи были отмечены и «вознесены» близостью Юсуповых палат или Покровских казарм. Главное — было бы чем гордиться. И мы гордились прошлым, так плотно обступившим наш замечательный дом, причастный Октябрю,— в нем нахо-

дился штаб революционных печатников, как в моем детстве называли всех типографских работников.

Человеческая личность закладывается в детстве, от детских впечатлений, наблюдений, переживаний во многом зависит, каким станет человек. В смазанности окружающего трудно ощутить и собственную индивидуальность. Парень из Армянского переулка был особый парень, и чистопрудный — особый, и покровский — особый, и старосадский — особый.

Надо сказать, что самих строителей новых районов тревожит одуряющая безликость неотличимых серых коробок, вырастающих, как грибы после солнечного дождя, на окраинах Москвы, и они пытаются внести некоторое разнообразие, декорируя балконы красными, желтыми, зелеными пластиками. Это было бы красиво, если б не удручающее качество краски: ныне же грязно-бурые и плесневые полоски лишь уродуют здания, не доставляя ни малейшего эстетического наслаждения.

Некоторые озабоченные судьбой окраин люди предлагают призвать на помощь растительный мир. Чтобы наряду с непременным озеленением: высаживанием в асфальт чахлых лип и тополей — каждый дом сам бы себя декорировал силами добровольцев — жильцов, выбирающих на свой вкус: ель, пихту, лиственницу, березу или клен. А во дворах могли бы цвести сирень, жасмин, рябина, жимолость. Не надо забывать и вьющиеся растения... Впрочем, сейчас это не наша тема.

Но, как бы ни выглядели новые районы, в них все равно не будет того, чем богата — до сих богата, несмотря на все тягчайшие потери,— старая Москва: связи с прошлым. Вот почему так важно сохранить исторический образ города. В памятниках архитектуры — деяния предков, героическая быль многострадальной русской столицы и нетленная красота. Пусть молодой человек, уроженец микрорайона, не увидит вокруг себя старины в благородной патине, он сядет в поезд метро или троллейбус и отправится в коренную часть Москвы, где на него глянет история задумчивыми лицами старых зданий. Даже о достопримечательностях Москвы, таких, как Василий Блаженный, останки Китайской стены, Юсуповы палаты, дом Пашкова, Ново-Девичий монастырь, надо что-то знать, чтобы оценить по-настоящему, исполниться их прелести и важности, а что говорить о безымянных старых зданиях, обладающих своей тайной, ведь Москва на редкость скупа на памятные доски, привлекающие внимание несведущего глаза. С этой целью и были задуманы рассказы о московских улицах и площадях. Хочется думать, что это будет интересно не только жителям столицы, но и тем, кто не бывал в Москве. Возможно, и не будет, но ведь Москва — наша общая любовь, забота, боль...

И начинаю я с нынешних улиц Богдана Хмельницкого и Чернышевского, называвшихся прежде Маросейкой и Покровкой. Конечно, меня тянет к родным местам, но основная причина этого выбора в том, что названные улицы — старейшие в Москве из всех, что вышагнули за Китай-город. Москва, кроме ее центральной части — Кремля,— строилась по дорогам, ведущим из нее и к ней: Смоленской, Новгородской, Тверской, Дмитровской... В конце XIV века по этим дорогам возникали целые поселения, в дальнейшем они становились улицами, сохранив, как правило, те же названия. Быстрее да и добротнее всего обстраивалась та недлинная дорога, по которой русские государи ездили в свои подмосковные вотчины: Покровское, Измайлово, а позже и Преображенский дворец. Особенно охотно строились тут знатные люди, чтобы достойно принять притомившегося в пути государя. Ездили в те давние годы неспешно и охотно останавливались на отдых и трапезу. При Иване III по обеим сторонам Покровской были разбиты великолепные сады, которые поддерживались и подновлялись в последую-

щие времена. Мое раннее детство прошло в чудесном Абрикосовском саду, где стояли неохватные трехсотлетние дубы и разлапистые клены. Когда в середине тридцатых этот сад уничтожили, чтобы поставить на его месте серое кирпичное здание школы, то память о садах средневековой Москвы осталась лишь в названии Старосадского переулка.

Для нас, нынешних, центр — это улица Горького, Пушкинская площадь, Кузнецкий мост, Петровка. Житель XVII века, пользуйся он этим словом, имел бы в виду Покровку. С восемнадцатого века часть улицы от Ильинских до Покровских ворот стала называться Маросейкой по стоящему в начале ее (на углу нынешнего Большого Комсомольского переулка) Малороссийскому подворью, где останавливались официальные представители Украины. А в XIX веке Маросейку подрезали, она стала доходить лишь до Армянского переулка.

Ныне эта улица кажется настолько узкой, что на ней введено одностороннее движение. А еще в начале нашего века в обе стороны грохотали конки, да и не простые, а империалы, что значит двухэтажные. Женщин на верхние места не пускали, это считалось опасным. От Ильинских ворот до Земляного вала конка шла около полутора часов. Но при всей своей медлительности часто давила людей. Весь темп жизни был так замедлен, что черепашьего хода конки было достаточно, чтобы настигнуть и задавить пешехода, движущегося со скоростью улитки.

Когда-то здесь заливались колокола многочисленных церквей, память о них сохранилась в названиях переулков: Спасоглинищевский — от Спаса в Глинищах, Петроверигский — по церкви вериг Петра. Но сохранилась церковь Косьмы и Дамиана, построенная в исходе восемнадцатого века великим русским зодчим Матвеем Казаковым, главным строителем Москвы. К сожалению, за спиной этой маленькой, необычайно соразмерной, изящной, как и все, что выходило из рук Казакова, церковки вознесся гигантский стеклянный куб и подавил творение гениального архитектора.

Историк московских улиц Петр Васильевич Сытин пишет: «В современном владении № 11 по улице Богдана Хмельницкого, принадлежавшем в XVII веке боярину Шереметьеву, а с 1604 до 1706 года В. Ф. Нарышкину и его вдове, в 1704—1707 годах помещалась сначала школа, потом гимназия пастора Глюка». Эрнест Глюк был, несомненно, выдающимся деятелем просвещения своего времени. Вот какая программа предлагалась для обучения юных москвичей: кроме древних и новых языков, география, «ифика» (этика), политика, объяснение древних историков и поэтов (Курция, Юстина, Вергилия и Горация) и картезианская философия. По своей перегруженности она может поспорить с программой современной средней школы, но было у нее одно преимущество: гуманитарная направленность. Глюк хотел воспитать нравственного человека, а не набить молодую голову кучей точных и большей частью бесполезных сведений. При его преемнике программа еще расширилась, включила геометрию, физику, астрономию, а также логику, риторику, грамматику, музыку и «пристойное обхождение». Вот что следовало бы нам непременно позаимствовать у старинных наставников московского юношества.

К сохранившимся домам XVIII века принадлежит и дом № 2. Его избрал своей резиденцией маршал Мортье, назначенный Наполеоном комендантом Москвы. Не знаю, как досматривал Мортье за старой русской столицей, но улице, на которой жил, он уделил внимание и был потрясен дивным храмом Успения божьей Матери. Мортье, конечно, не знал, что построил его в стиле нарышкинского барокко не обученный архитектор, а русский самоучка Петрушка Потапов на деньги купца Сверчкова, что, потрясенный его белокаменной резьбой, величайший русский зодчий Баженов ставил этот храм в один ряд с церковью Василия Блаженного. Но что-то француз все-таки понял и воскликнул: «О, русский Нотр-Дам!» После чего приставил к нему солдат для охраны. И во время пожара и всех бесчинств, творившихся в Москве как неприятелями, так и отечественными мародерами, храм нисколько не пострадал. «Московским Нотр-Дамом» называл церковь Достоевский. Проезжая мимо нее на извозчике, он всякий раз выходил и благоговейно озирал дивное «дело рук человечишки Петрушки Потапова». Но храм не ушел от рук московских радетелей в середине тридцатых годов нашего скорбного века. Галерея церкви вдавалась в узкую мостовую улицы и мешала извозчикам и немногочисленному автотранспорту. Повергли нарышкинское барокко, московский Нотр-Дам, и на освободившемся месте открыли летнее кафе с зонтиками. Потом кафе отодвинули несколько вглубь. А ведь можно было отодвинуть храм, тогда это уже умели, или снести галерею, или убрать здания с другой стороны улицы. Возможны были любые решения, но выбрали наихудшее. Некоторое представление об уничтоженном чуде дает красная церковь Климента в Климентовском переулке.

До войны 1812 года Маросейка, как и продолжающая ее Покровка, была улицей знати, но после знаменитого пожара и изгнания Наполеона социальный характер Маросейки изменился: знать уступила место купцам. В Петроверигском переулке под номером 4 стоит дом, приметный в истории русской культуры. Тут провел свое детство декабрист Тургенев, тот самый, о котором Пушкин сказал в уничтоженной десятой главе «Евгения Онегина»:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Тут бывали Херасков, Карамзин, Жуковский. От аристократов дом перешел к чаеторговцам Боткиным, но не выпал из русской культуры, а остался связан с ней теснейшими узами. Эта семья дала трех высокоодаренных братьев: знаменитого врача-терапевта, именем которого названа одна из лучших московских больниц, основателя крупнейшей школы русских клиницистов Сергея Петровича Боткина, писателя Василия Петровича, автора «Писем из Испании», многих статей по литературе, искусству, в том числе нашумевшей статьи о поэзии Фета, и Михаила Петровича — живописца и гравера, автора книги об Александре Иванове. И была у них сестра Мария Петровна, ставшая женой великого русского лирика Афанасия Фета.

То не был брак по взаимной любви, каждый уже «пережил свои желанья» и надеялся обрести в другом лишь тихую пристань. Как и все браки, в которых не участвует сердце, он оказался на редкость удачным: долгим и прочным. Особенно повезло Фету, который на капиталы Марии Петровны смог развернуть свой недюжинный хозяйственный талант и стать крупным помещиком.

Что, как ни странно, совсем не мешало его тончайшей лирике. Мария Петровна, если верить ее брату Василию, земледельческие таланты мужа ценила менее поэтических. Наверное, так и было, если вспомнить сцену, разыгравшуюся в Ясной Поляне, в семье Льва Толстого, очень любившего Фета как поэта и человека. После пения гостившей в доме Татьяны Кузминской Фет вспомнил другой давний вечер, когда она тоже пела, и пение это поразило его. Он написал ей стихотворение, которое заканчивалось так:

И много лет прошло
томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос
слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах
этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь,
что ты одна — любовь,

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Вся семья Толстых была в смущении, особенно Софья Андреевна. Я, правда, не знаю реакции самого Льва Николаевича. Но вот кто не дрогнул, так это Мария Петровна, она оценила стихи, до остального ей не было дела.

Афанасий Афанасьевич Фет бывал в Петроверигском, в чудесной усадьбе с большим нарядным домом и многочисленными флигелями. Ныне там ведутся реставрационные работы.

В доме № 10 проживал в начале века знаменитый физик Лебедев, а по соседству на месте старинных куракинских палат известный и решительный зодчий Лялевич построил для резиновой мануфактуры «Треугольник» громадный по тем временам дом в стиле классицизма. Этот дом сохранился по сию пору, но уже не служит резиновой промышленности.

А в Спасоглинищевском, круто спадающем в бездну, набитую по ночам звездами, стоит дом, построенный Матвеем Казаковым, где жил знаменитый русский художник Абрам Архипов. Ныне и переулок носит его имя.

В доме № 5, построенном на деньги известного книгоиздателя Сытина, находились книжный магазин и склады. Чудом полиграфии были подарочные издания Сытина. Мне когда-то подарили на елку «Детство, отрочество и юность» Толстого в сытинском издании. Книга давно пропала, но ее переплет, шрифт, удивительные цветные иллюстрации до сих пор перед глазами, это было одно из самых радостных чудес моего спартанского детства.

Закончить рассказ об улице Богдана Хмельницкого можно домом на углу с Армянским переулком. Создателем его считается гениальный и несчастный Баженов, чьи самые величественные проекты не были осуществлены, а сделанное уничтожалось либо произволом ненавидевшей его Екатерины II, либо безжалостным временем. И этот дом неоднократно перестраивался, но «вычитать» в нем Баженова все же можно. Дом откупил у полковника Хлебникова фельдмаршал Румянцев-Задунайский, велев расписать внутренние покои фресками, изображавшими его победные баталии. После его смерти дом перешел к старшему сыну — графу Румянцеву, основателю Румянцевской библиотеки и музея. Для размещения своих книжных и художественных сокровищ граф приобрел дом Пацкова — самое красивое здание Москвы, также созданное Баженовым и находящееся ныне в угрожаемом положении.

На этой оптимистической ноте мы перейдем к продолжению улицы Богдана Хмельницкого — улице Чернышевского, в прошлом Покровке.

Снова обратимся к московскому историографу Сытину. «Здесь по левой стороне в XVII веке жили слободой «котельники» — мастера, изготовлявшие котлы для варки пищи; по правой стороне — «колпашники», шившие «колпаки», мужские шапки того времени». Добавлю от себя: память об этих ремесленниках сохранилась в названии Колпачного переулка... Здесь до сих пор стоит дом гетмана Ивана Мазепы — отрицательного героя, как сказали бы сейчас, пушкинской «Полтавы».

Переведем дух на дивных строках этой поэмы, помните — о казаке, что «при звездах и при луне так поздно едет на коне». Хорош конь под казаком, остер булатный меч, за пазухой мешок с червонцами, но дороже всего ему шапка на буйной голове.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат.
И выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Торопитесь взглянуть на московское обиталище романтического злодея Мазепы, которому два великих поэта: Пушкин и Байрон — посвятили поэмы, дом в плохом состоянии...

У Покровских ворот стоит дом, где прежде находился кинотеатр «Аврора», в пору моего детства — «Волшебные грезы». Сюда мы убегали с уроков смотреть захватывающие немые фильмы с «веселым, вечно улыбающимся» Дугласом Фербенксом, лучшим за всю историю кино д'Артаньяном, Зоро и Робином Гудом, таинственные фильмы с большеглазым Конрадом Вейдом и чувствительные ленты с печальной Лилиан Гиш. С тех пор кино уж никогда не навевало на меня волшебные грезы. Сытин считает, что это здание построено по типовому проекту петербургского архитектора Стасова, выполнявшего указ «полубезумного властелина» Павла I поставить у всех ворот снесенного Белого города «одинаковые фасадою» гостиницы. Здесь Сытин ошибся: стасовская гостиница не этот, а другой, низенький желтый дом, глядящий фасадом на Чистые пруды. Такое же здание завершает и Страстной бульвар.

Все покровские ребята, и я в их числе, называли красивый сине-белый дом с колоннами неподалеку от Покровских ворот «голицынским комодом». Оказывается, «дом-комод», прозванный так за многочисленные выступы, принадлежал Апраксиным, а после — князьям Трубецким. А есть на

Покровке другой дом (№ 38), принадлежавший княгине Голицыной — пушкинской Пиковой даме. Помните, какой увидел ее Германн, пробравшийся к ней в спальню, чтобы узнать тайну трех карт, приносящих выигрыш: «Графиня стала раздеваться перед зеркалом. Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик с ее седой и плотно остриженной головы. Булавки дождем сыпались около нее. Желтое платье, шитое серебром, упало к ее распухлым ногам. Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец, графиня осталась в спальной кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна».

И какая поразительная проза — ни одного лишнего слова!..

Дальше в Барашковском переулке реставрируется стройная, бордового цвета церковь «Введения во храм».

Вот как писал о Покровке в середине прошлого века один московский старожил: «Первый предмет, поражающий вас на этой улице, есть необыкновенное множество каретных и дрожечных лавок. Наблюдая далее за Покровкой, вы удивляетесь множеству пекарей, хлебных выставок и овощных лавок. Проезжая мимо, вы постоянно слышите, как бородатый мужик, хлопая по калачу, как паяц по тамбурину, кричит вам: «Ситны, ситны, калачи горячи!» Кроме того, перед вами мелькают замысловатые вывески, на которых написан чайный ящик и сахарная голова с надписью: «Овощная торговля иностранных и русских товаров». А потом вы видите пять или шесть белых кружков на синей вывеске, а вверху надпись, бог знает какими буквами: «Колашня».

Портного ли вам нужно? Есть портной, и даже не один. Модистку ли вы хотите иметь? Вот вам несколько вывесок с чем-то очень похожим на шляпку. Нужна ли вам кондитерская? Добро пожаловать! Спрашиваете ли вы типографию? Извольте! Наконец вот вам декатиссер, который выводит всех возможных родов пятна, даже пятна на лице».

И хотя вы не услышите сейчас таких выкриков да и кондитерских с калачными не найдете, едва ли удивитесь обилию овощных лавок, насчет шляпок тоже не густо, общий рисунок улицы остался старинным. Здесь легко представить себе, какой была Москва в начале нашего века. И я уверен, если частная инициатива пробьется сквозь бюрократические препоны, сходство ее усилится, ибо появятся и кондитерские, и калачные, и овощные, и шляпные мастерские, и косметические на каждом углу, чтобы выводить пятна с лица.

На углу с нынешней улицей Чаплыгина (прежде Машков переулок) стоит огромный дом, даже целый куст домов, построенных для политкаторжан. Многие мои товарищи по школе, находившейся в двух шагах отсюда в Лобковском переулке (ныне улица Макаренко), жили в этих домах. Мы часто ходили туда гонять в футбол на асфальтовых пустырях гигантского двора. Постепенно все эти мальчишки и девочки, кроме одной, ныне покойной, остались без отцов. Как ныне всем стало известно, Сталин, истреблявший всю ленинскую гвардию, пересажал, частью сразу уничтожил старых революционеров, узников царских тюрем. Самое невероятное, на нынешний взгляд, что это не казалось нам странным — отцов не было почти ни у кого из моих однокашников: кто попал в узилище как инженер-вредитель, кто за причастность к нэпу, кто объявлен врагом народа по лживому доносу, а военные шли по делу Тухачевского, Уборевича и других героев гражданской войны, подло оклеветанных и расстрелянных. Понятие «маменькин сыночек» обрело тогда иной смысл: не забалованный капризник, а товарищ и помощник своей матери, тянувшей в одиночку тяжкий семейный воз. Вот и такое лицо было у Покровки моего детства...

Надо сказать о двух замечательных жителях вселенной, именуемой Покровка. «В Малом Казенном, ныне Мечникова, во дворе больницы, стоит памятник известному филантропу начала XIX века — доктору Ф. П. Гаазу. Любимая фраза его, обращенная к людям, была «Спешите делать добро» (П. Сытин). Превосходный врач, он имел обширную практику и весьма хорошие средства, но все их отдавал на дела благотворительности, а сам ходил в потертом платье и чиненых сапогах. Став членом попечительного комитета о тюрьмах, он отдавал заботе о заключенных все свое время, энергию и средства. Он наладил медицинское обслуживание узников, добился отмены бритья головы женщинам и ссыльным, снабжал отправляемых в Сибирь теплыми тулупами, по его настоянию было пересмотрено множество дел. И это лишь малая часть его службы совести. Популярность Гааза в Москве была так велика, что когда начинались в Москве холерные волнения, губернатор Закревский просил Гааза успокаивать людей на площадных сходках. Чтобы убедить врачей в безопасности прикосновения к холерным больным, Гааз сел в ванну, из которой только что вынули умиравшего холерного, и просидел в ней полчаса.

Однажды ночью на Гааза напали двое бандитов. Содрав с него шубу и шапку, они узнали доктора, помогли ему одеться и проводили домой. Когда же доктор Гааз умер, за его гробом шла вся Москва.

А в Большом Казенном переулке жил замечательный детский писатель Аркадий Гайдар вплоть до самой войны, с которой он не вернулся. Теперь этот переулок носит его имя.

Я люблю бывать в местах, где прошло мое трудное, бедное и прекрасное детство. Бродя по Маросейке и Покровке (они сохранили для меня свои старые, осмысленные названия) и прилегающим переулкам, я переношусь в прошлое. Стоит закрыть глаза, и я слышу протяжные голоса бродячих ремесленников и торговцев: «Ведра, корыта, кровати починяем... калоши старые покупаем!..», «Точить ножи, ножницы!..», «Пельсины, лимоны, узю-у-м!..». И самые томительно-певучие, как будто с древних степей, высокие голоса старьевщиков, именуемых «князьями»: «Старье берьё-о-ом!» — вдруг прерываемое горловым, в упор: «Брука есть?..» Вот прожита жизнь, а стал ли я счастливей, богаче с тех давних пор, когда скуластый «князь» отказывался от моих старых, заношенных до прозрачности лыжных брюк? Да, в этом я, несомненно, стал богаче: брука есть...

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Двоичный поиск и влюбленный принц

— Апчхи! Ну и пылища! — возмутился Чип, как всегда, появляясь из калькулятора.— Ты что, переезжать собрался?

— Нет, у меня генеральная уборка,— вздохнул Сережа.— Ну и скучное же дело! Особенно перебирать шкафы. Я ведь хотел как быстрее: книжки забросил в один, одежду в другой, дверцы прикрыл и пошел гулять. Так бабушка шкафы открыла и заставила перекладывать: чтобы все книги стояли по порядку — по теме, по году издания, по размерам. И с одеждой тоже: сначала маленькая, потом побольше, потом совсем большая — папина... Жуть! И так можно все найти, если постараться: залез, разрыл кучу, нужную вещь вытянул. Пока все книги расставишь, они так надоедят, что больше их читать не захочется.

— Не огорчайся. Даже в такой простой жизненной ситуации можно увидеть интересную задачу и придумать красивый алгоритм. А заодно и понять, почему проще постоянно поддерживать порядок, чем наводить его раз в месяц.

— Какой уж тут алгоритм! Знай рассовывай по шкафам тряпки... Апчхи! Апчхи!

— Замечательный алгоритм быстрой сортировки. Если у тебя есть, например, пятьсот книг, то он ускорит твою работу в тридцать раз. Давай только начнем издалека. Рассмотрим такую задачу: приятель позвал тебя в гости, номер квартиры сказал, а этаж назвать забыл. Предположим, что он живет в очень высоком, скажем, стоэтажном, доме, где на каждом этаже разное число квартир.

— В Эмпайр-Стейт-Билдинг?

— Пусть там. По числу этажей и количеству почтовых ящиков на первом этаже ничего сказать нельзя. Как бы ты стал искать своего друга?

— По запаху! Раз он меня пригласил, значит, у него пахнет чем-то вкусным,— засмеялся Сережа.— А если говорить серьезно, я бы, наверное, доехал на лифте до верхнего этажа и стал бы спускаться вниз, проверяя номера на дверях.

— И сколько переходов с этажа на этаж тебе бы потребовалось?

— Ну,— задумался Сережа,— если в доме сто этажей и квартира может оказаться на любом, то в худшем случае я осмотрю все сто, а в среднем, наверное, этажей пятьдесят.

— А я утверждаю, что квартиру твоего друга можно найти не более чем за семь проверок. Помнишь стишок про степени двойки?

— Ты хочешь сказать, что два в седьмой — 128? Но при чем тут это?

— А как чипы справились с Мегафлопом, ты помнишь? Для того чтобы нескольким чипам быстро сложить много чисел, эти числа разбивались на пары, и каждую пару суммировал свой чип, потом суммы снова разбивались на пары и так далее, пока не оставалась сумма всех чисел. Тогда сто чисел мы бы сложили за семь шагов. Если нарисовать график такого суммирования, то получится что-то вроде дерева. А теперь попробуй перевернуть его головой вниз.

Постой, постой, я, кажется, понял,— обрадовался Сережа.— Мы так определяли день рождения друга. Я должен поехать на пятидесятый этаж, посмотреть там номер квартиры и, если он больше, чем у моего приятеля, поехать вниз, на 25-й, а если меньше, то на 75-й, там опять посмотреть номер квартиры и так далее. Тогда можно за семь шагов найти друга даже в доме со 128 этажами.

— Молодец! — обрадовался Чип.— Вот ты сам придумал алгоритм двоичного поиска. А теперь попробуй написать программу. Давай воспользуемся командой: ПОВТОРЯЙ, ПОКА ВЕРНО УСЛОВИЕ ((БЛОК)) *.

Сережа поднатужился и начал писать, косясь при этом на дверь: вдруг войдет бабушка и задаст ему нагоняй за то, что он отлынивает от уборки?

Программа:

1. ВЕРХНИЙ ЭТАЖ = 128.
2. НИЖНИЙ ЭТАЖ = 0.
3. Читай из записной книжки номер квартиры друга.
4. Повторяй, пока ВЕРХНИЙ ЭТАЖ выше НИЖНЕГО.
   ((СРЕДНИЙ ЭТАЖ = (ВЕРХНИЙ + НИЖНИЙ) : 2,
   если ДРУГ живет на СРЕДНЕМ этаже, то КОНЕЦ,
   если ДРУГ живет выше СРЕДНЕГО, то НИЖНИЙ этаж приравниваем к СРЕДНЕМУ,
   иначе
   ВЕРХНИЙ приравниваем к СРЕДНЕМУ.))

* БЛОК — это любой набор команд, а двойные скобки нужны, чтобы видеть, где он начинается, а где кончается.

— Ишь ты, ни одной ошибки,— сказал Чип, заглянув в листок,— не зря ты учишься в кружке программистов.

— Только какое это имеет отношение к уборке? — отложив ручку, спросил Сережа.

— Самое прямое! — успокоил его Чип.— Давай разберем еще одну задачку. Ты читал сказку Шарля Перро «Золушка»?

— Спрашиваешь!

— Тогда ты, конечно, помнишь, что принц приказал мерить туфельку всем девушкам королевства. Сначала принцессам, потом герцогиням, потом придворным дамам... А теперь посчитаем. Во Франции порядка миллиона девушек нужного возраста. Если каждая будет мерить туфельку хотя бы в течение минуты, то вся процедура примерки займет около трех лет, и это при условии, что принц будет работать не покладая рук день и ночь. Только сказочная любовь может выдержать подобное испытание. А теперь предположим, что мы с тобой советники короля. Если бы девушек можно было построить, но не по росту, а по размеру ноги, что бы ты предложил принцу?

— Я предложил бы ему объявить по радио, чтобы все девушки измерили свои ноги с точностью до миллиметра и позвонили бы во дворец...

— Это нечестно. Ты же знаешь, что в те сказочные времена не было ни радио, ни телефонов и даже портновский сантиметр был редкостью. Нет, единственный выход — мерить туфельку на ногу.

— Да ведь это та же самая задача! — воскликнул Сережа, немного подумав.

— Я бы...

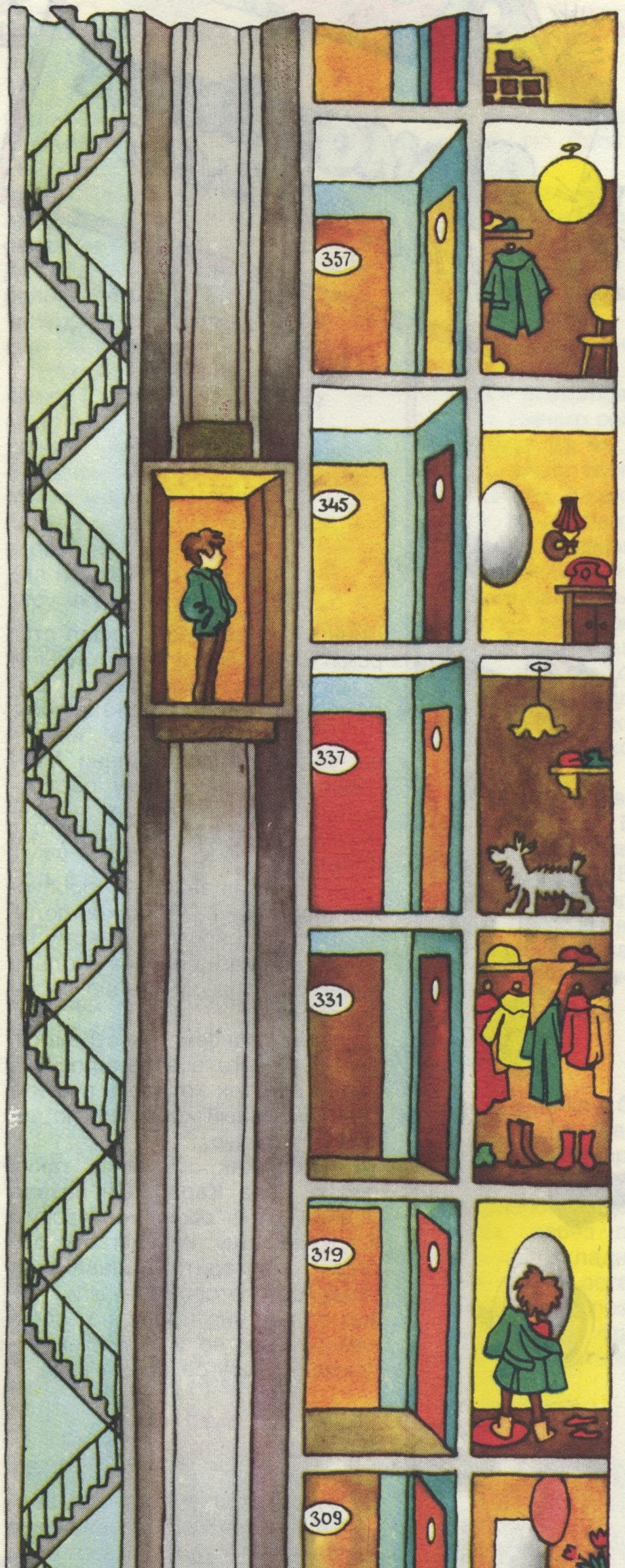
— Тсс! Пусть лучше ребята пришлют нам программу поиска Золушки. Я думаю, что без нашей помощи принц ее просто не найдет, и сказка кончится плохо!

— Ну, хорошо, а как же построить девушек по размеру туфельки?

— Это могут сделать придворные дамы. Представь, что мы уже построили девушек, и тут пришла еще одна. Тогда нам надо найти двух девушек, стоящих одна за другой, чтобы у одной из них размер ноги был меньше, чем у новенькой, а у другой — больше. Ты понимаешь, как эта задача связана с двумя предыдущими?

— Конечно, нужно только изменить программу. Но ведь придворных дам много. Нельзя ли эту задачу как-нибудь распараллелить?

— Молодец! Не думал я, что ты догадаешься. Но пусть ребята поломают над этой задачей головы сами, а я дам только легкий намек. Предположим, что мы разделили девушек на 2 группы и каждую из них построили. Если ты, используя предыдущие задачи, придумаешь, как соединить эти два строя, ты найдешь самый быстрый метод сортировки, который называется метод «вставок-слияний». А тогда ты не только поможешь королевской женитьбе, но и быстро справишься с генеральной уборкой.



Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Ребята, поможем Сереже решить задачу Чипа? Пришлите нам свои программы, а на конверте напишите: «Где Золушка?» Лучшие программы мы напечатаем.

Раздел ведут профессор А. МИГДАЛ и М. АГИШТЕЙН.

Содержание

«Кораблик» .... II обл.
Голиков Аркадий из Арзамаса.— Повесть Т. Гайдара. Рисунки М. Петрова 2
Как будем работать, так и будем жить.— И. Дубровицкий 14
Юнкоровский пост «РВС» 17
Один из лучших землян.— В. Хилтунен 20
Банк идей 22
Тихоня.— Стихотворение Е. Елубаева 23
«Нас водила молодость». Викторина-поиск журнала «Пионер» 24
Форвард — в защиту.— Повесть И. Москвина. Продолжение. Рисунки Л. Хачатряна 26
Планета детей 35
Вместе — дорогой мира.— Д. Девис 36
К 75-летию С. В. Михалкова 40
Клад, или У каждого барона своя фантазия.— Пьеса С. Михалкова. Рисунки А. Борисова 41
На научной волне 52
Государева дорога.— Ю. Нагибин. Рисунки Ю. Карповой 56
Игры с Чипом.— Ведут профессор А. Мигдал и М. Агиштейн. Рисунки Н. и Т. Доброхотовых 62
Домовенок и компания 64
Узел связи .... IV обл.

На обложке:
Рисунок А. Дугина.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **В. О. КОЗНОВА.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1988.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.01.88.
Подписано к печати 19.01.88. А 03808. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 1842.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Винни-Пух усердно шуршал старыми газетами и оберточными бумажками и громко пыхтел. Видимо, что-то у него не клеилось.

— Вот именно, не клеится,— пожаловался Винни Матроскину, подошедшему посмотреть, что же там делает медвежонок.— Кораблик никак не клеится.

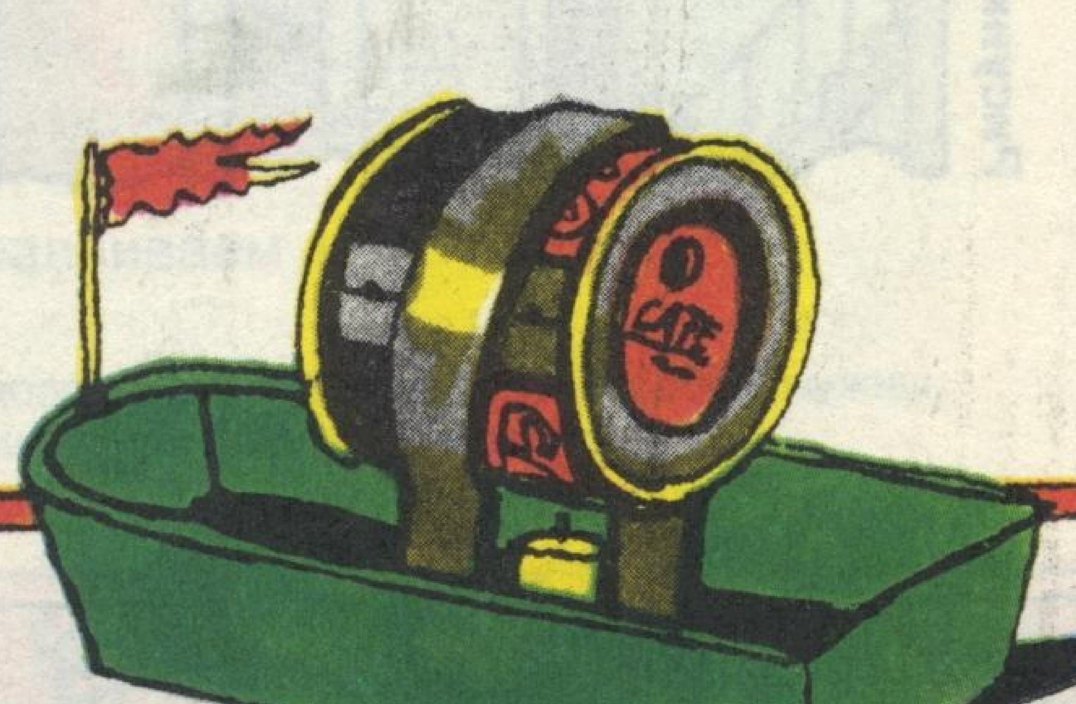
— Глупая затея,— пробурчал Матроскин.— Никакой пользы от твоего корабля никому не будет, а бумаги вон уже сколько перевел! Я бы лучше ею сарай обклеил!

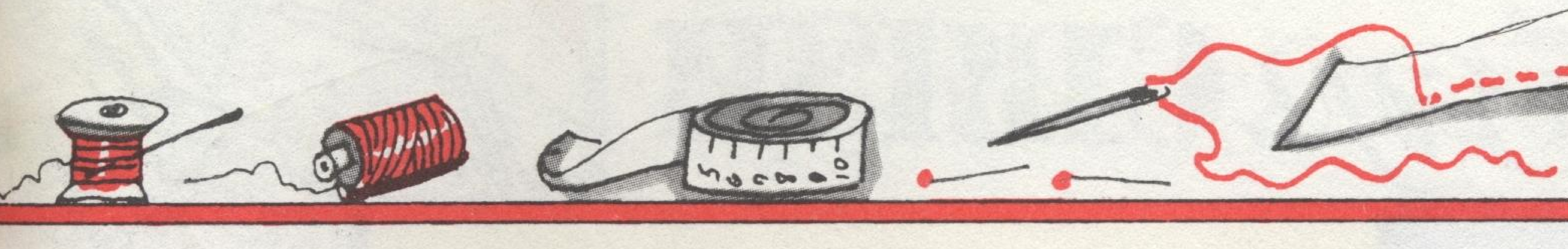
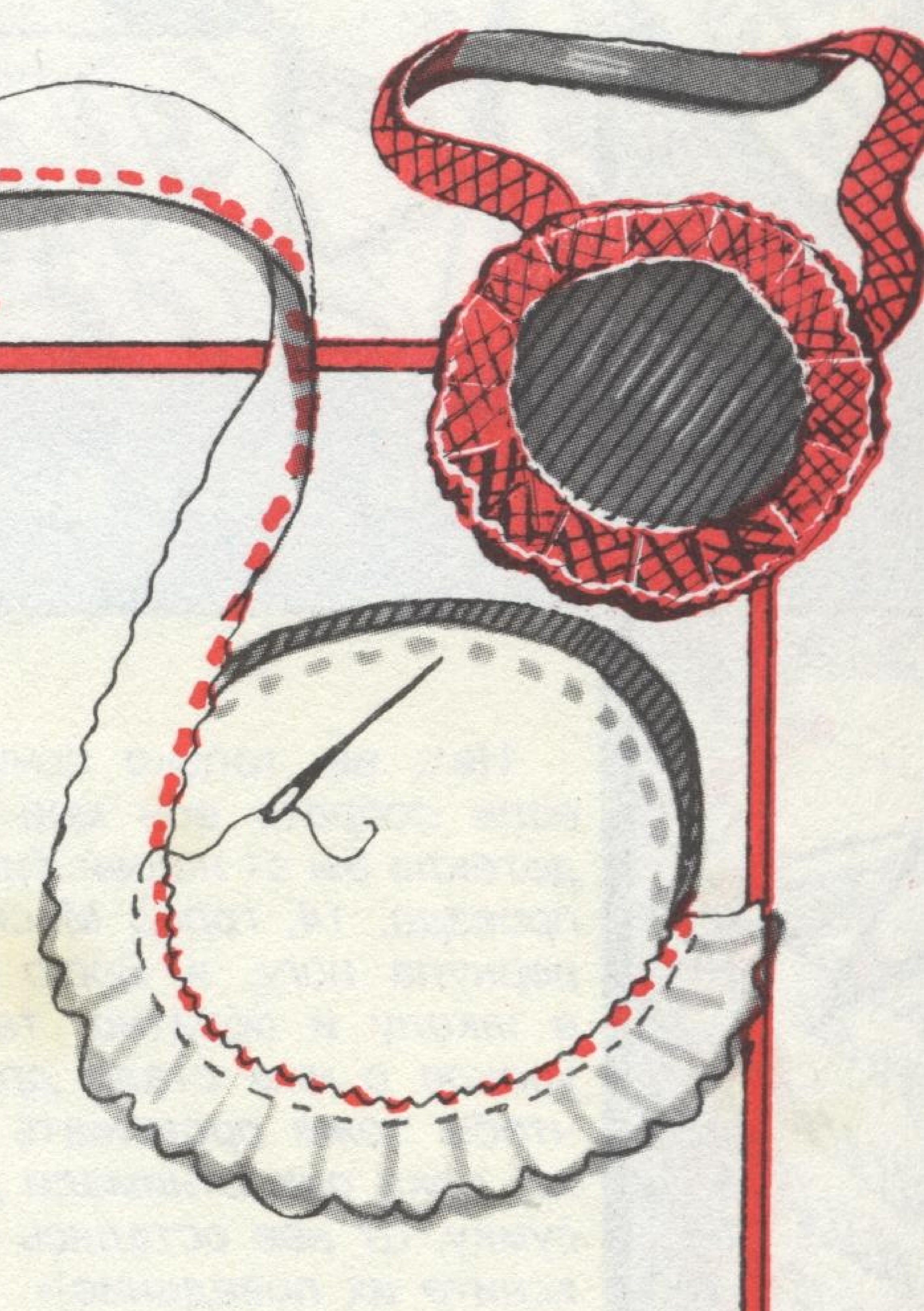
Винни совсем расстроился. Теперь у него все валилось из лап, а ему так хотелось пустить свой бумажный кораблик по весеннему ручью...

Помог, как обычно в таких делах, Папа Карло. Он зазвал Винни-Пуха в свою мастерскую и показал ему, как легко и быстро смастерить плавающее средство, которое, кстати, может плавать не только по весенним ручьям, но и в других водоемах, в другое время года.

Пароход имени Папы Карло

Возьмите старое жестяное ведро, бидон или любую ненужную жестяную посудину. Разрежьте



(только не обычными, а специальными ножницами) и сделайте выкройку, как показано на рисунке. Загните борта и спаяйте их оловом. Подвесьте под низ рыболовное грузило — это будет балласт, чтобы судно имело равновесие. Сама лодка готова, теперь приступаем к изготовлению парового котла.

Найдите пустую жестяную банку с плотно закрывающейся крышкой, например, из-под леденцов или кофейного напитка. В верхней части крышки шилом или ножницами проделайте небольшое круглое отверстие — чтобы через него потом выходил пар. Из жести вырежьте полосу шириной 2 см и длиной 27 см и согните ее в петлю. Опояшьте этой петлей консервную банку и припаяйте ко дну лодки. Учтите: крышка банки должна смотреть на корму лодки.

Наполните банку до половины теплой водой и как можно плотнее закройте ее крышкой с уже проделанным отверстием. Под банку между двумя «ножками» петли поместите толстую свечу. Спустите пароход на воду и зажигайте свечу. Через некоторое время вода в банке закипит, пар начнет выходить через маленькое отверстие в крышке — и пароход отправится в путь.

Пароход у Папы Карло и Винни-Пуха получился на славу. Даже Матроскину он понравился, особенно то, что в нем и горючее не расходуется, и окружающая среда не загрязняется. А Винни-Пух решил сделать еще несколько пароходов и устраивать скоростные гонки.

Белоснежка поинтересовалась, не может ли Папа Карло сделать настоящую лодку, чтобы всем вместе покататься по озеру. Но Папа Карло ее расстроил:

— Пока не могу. Буду думать. Может, ближе к лету что-нибудь придумаю.

Огорченная Белоснежка в сердцах сказала:

— Ерундой занимаетесь! Лучше бы что-нибудь полезное сделали.

Тут обиделся Винни:

— Ничего себе, бесполезный пароход! Да мы, пока его делали, столько всего узнали: и что такое пар, и как он может работать, и как паять, и как жесть резать... И физика, и труд одновременно.— Но этого Винни-Пуху показалось мало, и по обычаю не слишком умелых спорщиков он перешел в наступление: — А ты сама-то сегодня что полезное сделала?

Но Белоснежка небрежно помахала новенькой сумочкой, которая нигде не продается. Винни-Пух замолчал: сказать ему было нечего. Белоснежка же взяла свои слова обратно:

— Извини, Винни, пароход, конечно, не ерунда, а очень даже стоящая вещь.

И рассказала, как она сумела сшить такую оригинальную сумку.

В пику кенгуру

Кроме кенгуру, больше ни у кого из живущих на земле нет на себе сумки-кармана. Поэтому человечеству пришлось изобрести разного вида сумки: на колесиках, через плечо, с двумя ручками, складные и т. д. Но на этом никто останавливаться не собирается, поэтому предлагаем вам еще один способ изготовления сумки — из материи и лент.

Потребуется 25 см вельвета в мелкий рубчик шириной 90 см, 3,5 м клетчатой ленты шириной 3 см, 1,40 м клетчатой ленты шириной 1 см, 1,40 м репсовой ленты шириной 2,5 см и 1 «молния» длиной 17 см.

Вельвет можно купить или отрезать от какой-нибудь поношенной вещи. Клетчатую ленту легко сделать из старой юбки или платья из мелкой шотландки. Когда будете кроить, учтите, что необходимо прибавить по одному сантиметру на подшивку. Подшить можно на машинке — по 0,5 см с каждой стороны.

Из вельвета вырезать два круга диаметром 23 см, сшить их, оставив место для «молнии», и вывернуть.

Собобрить широкую клетчатую ленту длиной 3,5, шириной 3 см и начать пришивать ее в 2 см от края вельвета по спирали к центру. Вшить «молнию» — осторожно, не задевая ленту.

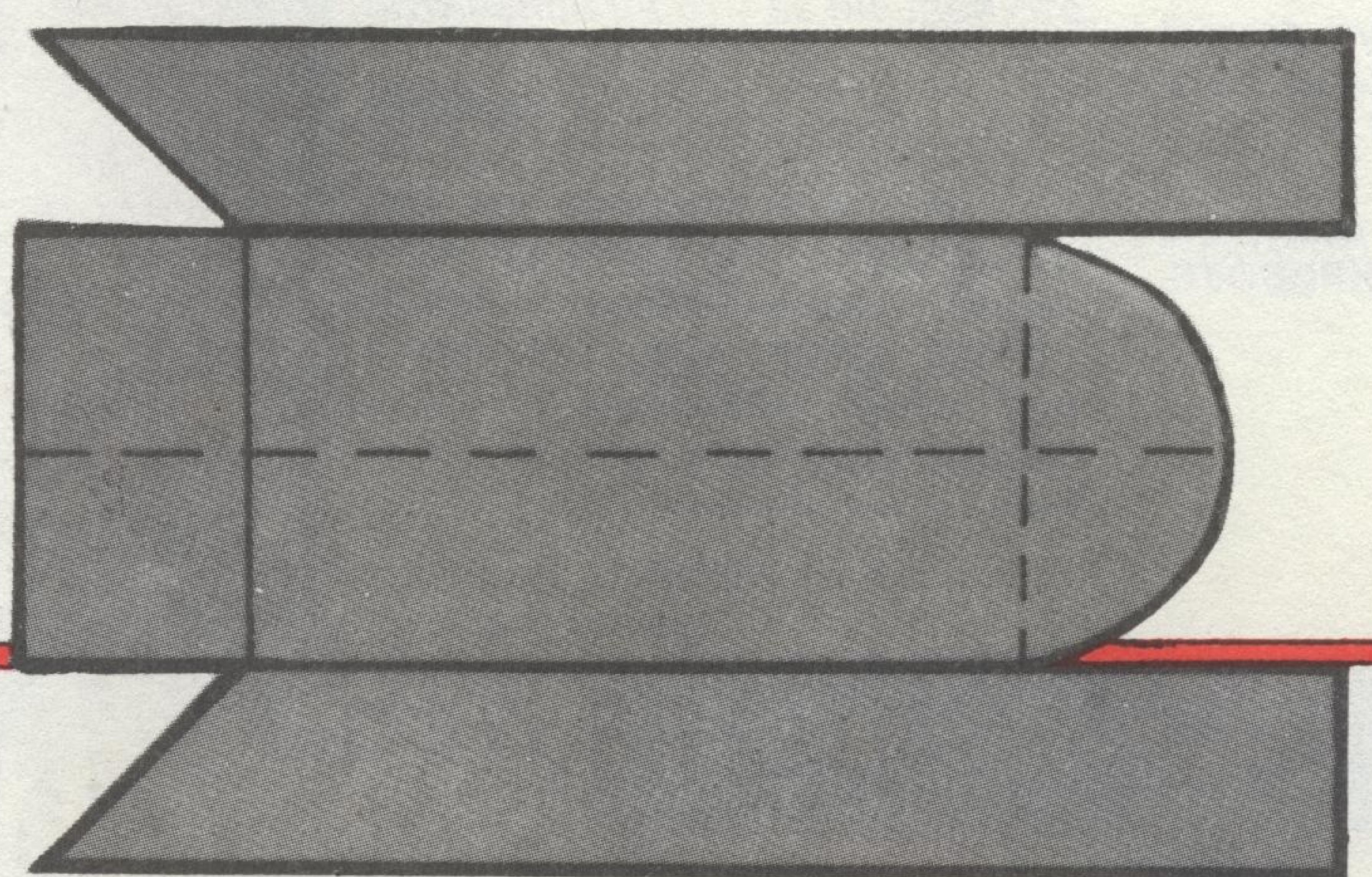
Теперь делаем ручку: на репсовую ленту посередине нашиваем клетчатую длиной 1,40 м. Пришиваем эту двойную ленту в 3 см от начала и конца «молнии».

Сумка готова.

— Кажется все очень простым,— заметил Винни-Пух, выслушав, как шить сумочку.

А Домовенок продолжил:

— Так всегда кажется, когда не сам делаешь. Но мы надеемся, что ребята смогут сделать и пароход, и сумку, не прибегая к помощи взрослых. Так ведь гораздо интереснее!



Узел связи

А ЕСЛИ ЭТО... ВЕСНА?

Нет, вы только почитайте! *«Дорогой «Пионер», если собрать все мои пролитые слезы, эта река дотекла бы от нашей Кинешмы до вашего Бумажного проезда, 14, город Москва! Случилось горе. Я подвернула ногу, и Борю назначили провожать меня в школу и обратно, так как он сосед. Но после уроков с ним стали драться Кирилл Т. и Миша П., чтобы тоже провожать меня. Боря их не победил, но, пока они отнимали друг у друга мою школьную сумку, от нее остались только разные части... Объясните их поведение!»*

Надо, наверное, отложить пока письмо Иры Т. из Кинешмы — подумать. Но второе письмо, представьте, оказалось нисколько не легче: *«Дело в том, что мне нравится один человек. А я ему, кажется, нет. Но я никогда ни за что с ним не заговорю. Таня Б. Пермь».*

Что же посоветовать? Ведь скромного, гордого человека легче всего сбить с толку неуклюжим советом. И вот тут-то нам попалось письмо, где все совершенно наоборот! *«...Все, все против меня,—* пишет нам Рита Каурова, называя в письме и свой адрес, и школу, чего мы в этом случае делать, пожалуй, не станем,— *против меня все учителя, подруги, родители. Но и вам я скажу: я его не брошу! Летом я подружилась с Игорем. Он раньше брился наголо, носил всякие браслеты, цепи, гонял на мотоцикле по ночам, а в школе срывал уроки. Я добилась, что он перестал гоняться за такой славой. Все против нашей дружбы, но все напрасно, я Игоря не предам, не брошу ни за что!»* Тут впору было бы броситься на помощь Рите, написать родителям, учителям, но захотелось написать только самому Игорю, дать телеграмму: *«Держись и ты, не предавай!»* И, наконец, еще письмо: *«Здравствуй, редакция, пожалуйста, распутай мою путаницу. Я дружила с мальчиком Андрюшей еще с детсада, уже не говоря про ясли. И в школе тоже, но до некоторых пор, когда он бросил ходить вместе со мной на гандбол, на тренировки. То ли обижается, что я уже разрядница, то ли вообще стесняется. С девчонками дружить я не умею. Дайте совет, как с ними дружить? И второй: как поступить в мореходное училище, чтобы насолить Андрею? Нечаева Ира».*

Да, путаница в самом деле... То драка без уважительной причины, то даже заговорить страшно... То надо защищать то, что в защите не нуждается, то разгадывать то непонятное, что вполне понятно... А может, эти письма сами отвечают друг другу? А может, это и не путаница вовсе? Может, это и есть... весна? Или у вас другое мнение?

По «Узлу связи» дежурили
И. КЛИМОВСКАЯ, Г. КРИВОУС.

СПОРИМ?!

«Ваш журнал очень хорошо повествует о современной суетной жизни подростков. Но мало затрагиваете самые уязвимые места».

Вика СИТНИКОВА.
Кзыл-Орда.

«Мы читаем журнал все вместе, всей семьей,— я, мама, дедушка, младший брат Бориска. Для всех есть что-нибудь свое. Для души и веселое, и для спора тоже».

Леша КОРЖИН. г. Керчь.

«Пионер» — журнал пионерский, и нечего там печатать всякие рассказы, шутки. Он для указаний, а не для фантазии».

Лариса КОНДРАТЬЕВА,
г. Белебей.

«Предлагаю назвать журнал по-другому, ведь читают его не только пионеры, он для всех. Например, «Ты, да я, да мы с тобой».

Дима Н.

«Пишет тебе регулярная читательница. Читать журнал, конечно, интересно. Но не надо все учить, учить, что делать, что не делать. Надеюсь, вы исправитесь, и я больше не буду таких писем писать».

К. П.

«Вас читают только забитые отличники. Вы боитесь своих читателей, зачем же спрашиваете наше мнение про журнал? Вот это ведь ни за что не напечатаете?

А. МУРЗИН.

«Пишу вам впервые, но предупреждаю, что являюсь читателем положительным. Много стихов, шуток, загадок я выучиваю даже наизусть, а многое просто пересказываю. И взрослым, и маленьким».

Евг. ИВНИН, с. Коптевка
Ульяновской обл.